

ISSN 2518-7236 (Print)
ISSN 2663-5100 (Online)

№ 2(94)/2019

ТАРИХ. ФИЛОСОФИЯ сериясы
Серия ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ
HISTORY. PHILOSOPHY Series

ҚАРАҒАНДЫ
УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ХАБАРШЫСЫ

ВЕСТНИК
КАРАГАНДИНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

BULLETIN
OF THE KARAGANDA
UNIVERSITY

ISSN 2518-7236 (Print)
ISSN 2663-5100 (Online)
Индексі 74621
Индекс 74621

**ҚАРАҒАНДЫ
УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ХАБАРШЫСЫ**

ВЕСТНИК
КАРАГАНДИНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

BULLETIN
OF THE KARAGANDA
UNIVERSITY

ТАРИХ. ФИЛОСОФИЯ сериясы

Серия ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ

HISTORY. PHILOSOPHY Series

№ 2(94)/2019

Сәуір–мамыр–маусым
28 маусым 2019 ж.

Апрель–май–июнь
28 июня 2019 г.

April–May–June
June, 28, 2019

1996 жылдан бастап шығады
Издается с 1996 года
Founded in 1996

Жылына 4 рет шығады
Выходит 4 раза в год
Published 4 times a year

Қарағанды, 2019
Караганда, 2019
Karaganda, 2019

Бас редакторы

химия ғыл. д-ры, профессор, ҚР ҰҒА корр.-мүшесі

А.Т. Едрисов

Бас редактордың орынбасары

Е.М. Тажбаев, хим. ғыл. д-ры, профессор,
ҚР ҰҒА корр. -мүшесі

Жауапты хатшы

Г.Ю. Аманбаева, филол. ғыл. д-ры,
профессор

Редакция алқасы

З.Г. Сактаганова,	ғылыми редактор тарих ғыл. д-ры (Қазақстан);
Б.Е. Колумбаев,	филол. ғыл. д-ры (Қазақстан);
Р.М. Жумашев,	тарих ғыл. д-ры (Қазақстан);
В.В. Козина,	тарих ғыл. д-ры (Қазақстан);
В.С. Батулин,	филол. ғыл. д-ры (Қазақстан);
Б.И. Карипбаев,	филол. ғыл. д-ры (Қазақстан);
Ж.С. Сыздықова,	тарих ғыл. д-ры (Ресей);
Б.А. Амирова,	психол. ғыл. д-ры (Қазақстан);
А.Н. Джумагельдинов,	PhD (Франция);
В.И. Разумов,	филол. ғыл. д-ры (Ресей);
Н.А. Головин,	әлеум. ғыл. д-ры (Ресей);
Р.М. Зиязетдинов,	тарих ғыл. д-ры (Ресей);
Б.Н. Кылышбаева,	әлеум. ғыл. д-ры (Қазақстан);
А.К. Жолдубаева,	филол. ғыл. д-ры (Қазақстан);
Ш.М. Мухтарова,	пед. ғыл. д-ры (Қазақстан);
Кристиан-Раду Кереджи,	PhD (Румыния);
В.С. Агаджанян,	әлеум. ғыл. д-ры (АҚШ);
Р.М. Шукуров,	тарих ғыл. д-ры (Ресей);
В.Г. Рыженко,	тарих ғыл. д-ры (Ресей);
Ф.Н. Зиятдинова,	пед. ғыл. канд. (Ресей);
К.С. Алдажуманов,	тарих ғыл. канд. (Қазақстан);
Г.М. Смагулова,	тарих ғыл. канд. (Қазақстан);
С.Б. Стамбулов,	жауапты хатшы PhD (Қазақстан)

Редакцияның мекенжайы: 100024, Қазақстан, Қарағанды қ., Университет к-сі, 28

Тел.: (7212) 77-03-69 (ішкі 1026); факс: (7212) 77-03-84.

E-mail: vestnick_kargu@ksu.kz. Сайт: vestnik.ksu.kz

Редакторлары

Ж.Т. Нурмуханова, И.Н. Муртазина

Компьютерде беттеген

Г.Қ. Қалел

Қарағанды университетінің хабаршысы. «Тарих. Философия» сериясы.

ISSN 2518-7236 (Print). ISSN 2663-5100 (Online).

Меншік иесі: «Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті» РММ.

Қазақстан Республикасының Мәдениет және ақпарат министрлігімен тіркелген. 23.10.2012 ж.
№ 13105–Ж тіркеу куәлігі.

Басуға 29.06.2019 ж. қол қойылды. Пішімі 60×84 1/8. Қағазы офсеттік. Көлемі 16,87 б.т.
Таралымы 300 дана. Бағасы келісім бойынша. Тапсырыс № 60.

Е.А. Бөкетов атындағы ҚарМУ баспасының баспаханасында басылып шықты.
100012, Қарағанды қ., Гоголь к-сі, 38. Тел. 51-38-20. E-mail: izd_kargu@mail.ru

Главный редактор

д-р хим. наук, профессор, чл.-корр. НАН РК

А.Т. Едрисов

Зам. главного редактора **Е.М. Тажбаев**, д-р хим. наук, профессор,
чл.-корр. НАН РК

Ответственный секретарь **Г.Ю. Аманбаева**, д-р филол. наук, профессор

Редакционная коллегия

З.Г.Сактаганова,	научный редактор д-р ист. наук (Казахстан);
Б.Е. Колумбаев,	д-р филос. наук (Казахстан);
Р.М. Жумашев,	д-р ист. наук (Казахстан);
В.В. Козина,	д-р ист. наук (Казахстан);
В.С. Батурин,	д-р филос. наук (Казахстан);
Б.И. Карипбаев,	д-р филос. наук (Казахстан);
Ж.С. Сыздыкова,	д-р ист. наук (Россия);
Б.А. Амирова,	д-р психол. наук (Казахстан);
А.Н. Джумагельдинов,	PhD (Франция);
В.И. Разумов,	д-р филос. наук (Россия);
Н.А. Головин,	д-р соц. наук (Россия);
Р.М. Зиязетдинов,	д-р ист. наук (Россия);
Б.Н. Кылышбаева,	д-р соц. наук (Казахстан);
А.К. Жолдубаева,	д-р филос. наук (Казахстан);
Ш.М. Мухтарова,	д-р пед. наук (Казахстан);
Кристиан-Раду Кереджи,	PhD (Румыния);
В.С. Агаджанян,	д-р соц. наук (США);
Р.М. Шукуров,	д-р ист. наук (Россия);
В.Г. Рыженко,	д-р ист. наук (Россия);
Ф.Н. Зиятдинова,	канд. пед. наук (Россия);
К.С. Алдажуманов,	канд. ист. наук (Казахстан);
Г.М. Смагулова,	канд. ист. наук (Казахстан);
С.Б. Стамбулов,	ответственный секретарь PhD (Казахстан)

Адрес редакции: 100024, Казахстан, г. Караганда, ул. Университетская, 28

Тел.: (7212) 77-03-69 (внутр. 1026); факс: (7212) 77-03-84.

E-mail: vestnick_kargu@ksu.kz. Сайт: vestnik.ksu.kz

Редакторы

Ж.Т. Нурмуханова, И.Н. Муртазина

Компьютерная верстка

Г.К. Қалел

Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия».

ISSN 2518-7236 (Print). ISSN 2663-5100 (Online).

Собственник: РГП «Карагандинский государственный университет имени академика Е.А. Букетова».

Зарегистрирован Министерством культуры и информации Республики Казахстан. Регистрационное свидетельство № 13105–Ж от 23.10.2012 г.

Подписано в печать 29.06.2019 г. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Объем 16,87 п.л. Тираж 300 экз. Цена договорная. Заказ № 60.

Отпечатано в типографии издательства КарГУ им. Е.А. Букетова.

100012, г. Караганда, ул. Гоголя, 38, тел.: (7212) 51-38-20. E-mail: izd_kargu@mail.ru

© Карагандинский государственный университет, 2019

Main Editor

Doctor of Chemical sciences, Professor, Corresponding member of NAS RK

A.T. Edrisso

Deputy main Editor

E.M. Tazhbaev, Doctor of chem. sci., Professor,
Corresponding member of NAS RK

Responsible secretary

G.Yu. Amanbayeva, Doctor of philological science, Professor

Editorial board

Z.G. Saktaganova,

Science editor Doctor of historical science
(Kazakhstan);

B.E. Kolumbaev,

Doctor of philosophical science (Kazakhstan);

R.M. Zhumashev,

Doctor of historical science (Kazakhstan);

V.V. Kozina,

Doctor of historical science (Kazakhstan);

V.S. Baturin,

Doctor of philosophical science (Kazakhstan);

B.I. Karipbaev,

Doctor of philosophical science (Kazakhstan);

Zh.S. Syzdykova,

Doctor of historical science (Russia);

B.A. Amirova,

Doctor of psychological science (Kazakhstan);

A.N. Dzhumageldinov,

PhD (France);

V.I. Razumov,

Doctor of philosophical science (Russia);

N.A. Golovin,

Doctor of social science (Russia);

R.M. Ziyazetdinov,

Doctor of historical science (Russia);

B.N. Kylyshbaeva,

Doctor of social science (Kazakhstan);

A.K. Zholdubaeva,

Doctor of philosophical science (Kazakhstan);

Sh.M. Mukhtarova,

Doctor of pedagogical science (Kazakhstan);

Christian-Radu Chereji,

PhD (Romania);

V.S. Aghajanian,

Doctor of social science (USA);

R.M. Shukurov,

Doctor of historical science (Russia);

V.G. Ryzhenko,

Doctor of historical science (Russia);

F.N. Ziatdinova,

Candidate of pedagogical science (Russia);

K.S. Aldazhumanov,

Candidate of historical science (Kazakhstan);

G.M. Smagulova,

Candidate of historical science (Kazakhstan);

S.B. Stambulov,

Secretary PhD (Kazakhstan)

Postal address: 28, University Str., 100024, Karaganda, Kazakhstan

Tel.: (7212) 77-03-69 (add. 1026); fax: (7212) 77-03-84.

E-mail: vestnick_kargu@ksu.kz. Web-site: vestnik.ksu.kz

Editors

Zh.T. Nurmukhanova, I.N. Murtazina

Computer layout

G.K. Kalel

Bulletin of the Karaganda University. «History. Philosophy» series.

ISSN 2518-7236 (Print). ISSN 2663-5100 (Online).

Proprietary: RSE «Academician Ye.A. Buketov Karaganda State University».

Registered by the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan. Registration certificate No. 13105–Zh from 23.10.2012.

Signed in print 29.06.2019. Format 60×84 1/8. Offset paper. Volume 16,87 p.sh. Circulation 300 copies.

Price upon request. Order № 60.

Printed in the Ye.A. Buketov Karaganda State University Publishing house.

100012, Kazakhstan, Karaganda, Gogol Str., 38, Tel.: (7212) 51-38-20. E-mail: izd_kargu@mail.ru

МАЗМҰНЫ

ТАРИХ

<i>Адамбек Б.К.</i> Демократияның даму кезеңіндегі Ресей (1917 ж. наурыз-қазан айлары).....	8
<i>Әлімбаев А., Бюжеева Б., Балаубаева Б., Джасукашарова Г.</i> Феминизм революциялық теория ретінде	15
<i>Галиев А.А., Мырзахметова А.Ж.</i> Қазақстан және Ресей Федерациясы естелік саясатындағы Ұлы Отан соғысы	24
<i>Елеуханова С.В., Утебаева А.Д.</i> Ұлы Отан соғысы жылдарындағы Қазақстандағы әйелдер: кенестік тарихнама (1970–1980 жж.).....	31
<i>Илиясов Ш.А., Өскембаев Қ.С., Жұмабеков Ж.А.</i> Дала өлкесінің отарлық әкімшілігінің қазақ лауазымды тұлғаларының қызметі	39
<i>Касимова С.С.</i> Сәкен Сейфуллин өмірінің соңғы кезеңі	50
<i>Кукушкин И.А., Тишкин А.А., Дмитриев Е.А.</i> Ежелгі Сарыарқаның сакралды ескерткіштері және заманауи зерттеулер.....	58
<i>Раздыкова Г.М., Салимов Ф.Н.</i> Қазақстандағы мұсылман мектептерінде білім беру бағдарламаларының мазмұны туралы	65
<i>Сағатова А.С., Абдрахманова А.А.</i> «Мәңгілік Ел» идеясының жаһандану жағдайында Қазақстанның дамуы стратегиясы ретіндегі ұлттық рөлі жөнінде.....	74
<i>Сактаганова З., Григоркевич А.</i> 1940–1980 жылдардағы КСРО мен Кеңес Қазақстандағы дене тәрбиесі және спорт.....	80
<i>Сактаганова З.Г., Ильясов Ш.А., Тулегенова А.Ж.</i> Отарлық басқару жүйесіндегі уездік және шаруа бастықтары мен штаттық құрылымдардың басқа да қызметкерлерінің құқықтары, міндеттері және қызметі	88

ФИЛОСОФИЯ

<i>Кәріпбаев Б.Ы.</i> Әлеуметтік-философиялық толеранттылық модельдері.....	98
<i>Медведовская В.Ф.</i> Құлдық Сефирот Ағашы арқылы Аристотельдің он санатын ұсыну.....	107
<i>Резвушкина Т.А.</i> Әлеуметтік-философиялық дискурстағы аналық	113

ПСИХОЛОГИЯНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

<i>Чунг М.С., Сабирова Р.Ш., Умуркулова М.М.</i> Полиция қызметкерлерінің копинг-стратегиялары мен эмоциялық зерде ерекшеліктері арасындағы байланыс	120
<i>Лазарева Е.А.</i> Ерте бозбалалық жастағы кәсіптік бағдарлар мен өзін-өзі реттеу жүйесін зерттеу	127
АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР	134

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Адамбек Б.К.</i> Россия в период демократического развития (март-октябрь 1917 года)	8
<i>Алипбаев А., Бюжеева Б., Балаубаева Б., Джаукашарова Г.</i> Феминизм как революционная теория.....	15
<i>Галиев А.А., Мырзахметова А.Ж.</i> Великая Отечественная война в политике памяти в Российской Федерации и Республике Казахстан	24
<i>Елеуханова С. В., Утебаева А.Д.</i> Женщины Казахстана в период Великой Отечественной войны: советская историография (1970–1980-е гг.).....	31
<i>Ильясов Ш.А., Ускембаев К.С., Джумабеков Д.А.</i> Деятельность казахских должностных лиц колониальной администрации Степного края	39
<i>Касимова С.С.</i> Последние годы жизни Сакена Сейфуллина.....	50
<i>Кукушкин И.А., Тишкин А.А., Дмитриев Е.А.</i> Сакральные памятники древней Сарыарки и современные исследования	58
<i>Раздыкова Г.М., Салимов Ф.Н.</i> К вопросу о содержании образовательных программ в мусульманских школах Казахстана	65
<i>Сагатова А.С., Абдрахманова А.А.</i> О роли национальной идеи «Мәңгілік Ел» как стратегии развития Казахстана в условиях глобализации	74
<i>Сактаганова З.Г., Григоркевич А.А.</i> Физкультура и спорт в СССР и Советском Казахстане в 1940–1980-е гг.....	80
<i>Сактаганова З.Г., Ильясов Ш.А., Тулегенова А.Ж.</i> Права, обязанности и деятельность уездных и крестьянских начальников и других сотрудников штатных структур в колониальной системе управления.....	88

ФИЛОСОФИЯ

<i>Карипбаев Б.И.</i> Социально-философские модели толерантности	98
<i>Медведовская В.Ф.</i> Представление десяти категорий Аристотеля с помощью каббалистического Древа Сефирот	107
<i>Резвушкина Т.А.</i> Материнство в формате социально-философского дискурса	113

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

<i>Чунг М.С., Сабирова Р.Ш., Умуркулова М.М.</i> Взаимосвязь копинг-стратегий и особенностей эмоционального интеллекта у сотрудников полиции	120
<i>Лазарева Е.А.</i> Исследование профессиональных установок и системы саморегуляции в раннем юношеском возрасте	127

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	134
--------------------------	-----

CONTENTS

HISTORY

<i>Adambek B.K.</i> Russia in the period of democratic development (March-October 2017).....	8
<i>Alipbayev A., Byuzheyeva B., Balaubayeva B., Jaukasharova G.</i> Feminism as a revolutionary theory.....	15
<i>Galiev A.A., Myrzakhmetova A.Zh.</i> The Great Patriotic War in the politics of memory in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan	24
<i>Yeleuhanova S.V., Utebayeva A.D.</i> Women of Kazakhstan during the Great Patriotic War: Soviet historiography (1970–1980s).....	31
<i>Ilyasov Sh.A., Uskembayev K.S., Dzhumabekov D.A.</i> Activities of Kazakh officials of the colonial administration of the Steppe region.....	39
<i>Kassimova S.S.</i> The last years of life of Saken Seifullin	50
<i>Kukushkin I.A., Tishkin A.A., Dmitriev E.A.</i> Sacred monuments of ancient Saryarka and modern researches.....	58
<i>Razdykova G.M., Salimov F.N.</i> To the question of the content of educational programs in the muslim schools of Kazakhstan	65
<i>Sagatova A.S., Abdrahmanova A.A.</i> About the role of the national idea «Mangilik El», as a strategy for the development of Kazakhstan in the context of globalization	74
<i>Saktaganova Z., Grigorkevich A.</i> Physical Culture and Sports in the USSR and Soviet Kazakhstan in the 1940s-1980s.....	80
<i>Saktaganova Z.G., Ilyasov Sh.A., Tulegenova A.Zh.</i> Rights, duties and activities of county and peasant chiefs and other employees of staff structures in the colonial management system	88

PHILOSOPHY

<i>Karipbayev B.I.</i> Socially-philosophical models of tolerance.....	98
<i>Medvedovskaya V.F.</i> Ten Aristotle categories representation by means of cabalistic Sephiroth Tree	107
<i>Rezvushkina T.A.</i> Motherhood in social and philosophical discussion.....	113

ACTUAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY

<i>Chung M.C., Sabirova R.Sh., Umurkulova M.M.</i> The interrelationship between policemen's coping strategies and features of emotional intelligence.....	120
<i>Lazareva Ye.A.</i> Research of professional installations and self-regulation system in early youth	127

INFORMATION ABOUT AUTHORS	134
---------------------------------	-----

ӘОЖ 94(47) «1917»

Б.К. Адамбек

*Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті, Қазақстан
(E-mail: adambekb@bk.ru)*

Демократияның даму кезеңіндегі Ресей (1917 ж. наурыз-қазан айлары)

Мақалада 1917 ж. Ақпан революциясынан кейін Ресейде билікке келген буржуазиялық Уақытша үкіметтің және оның елді демократияландыру жолындағы бірқатар маңызды шешімдері туралы баяндалды. Сонымен қатар елде қалыптасқан көппартиялық жағдайда әртүрлі саяси күштердің билік үшін күресі және оның әртүрлі бағыттары, Уақытша үкіметінің ішкі және сыртқы саясаты, демократиялық қозғалыстың жікке бөлінуі және осыған орай елдегі саяси дағдарыстың күшейе түсуі көрсетілді. Автор шілде оқиғаларына тоқтала отырып, осы кезеңнен кейін елдегі билік үшін күрестің күшейе түскенін көптеген деректермен объективті түрде дәлелдеп, оның ерекшеліктерін айқындады.

Кілт сөздер: революция, партия, кеңес, буржуазия, демократия, үкімет, саясат, коалиция, соғыс, оқиға.

Бұрынғы қалыптасқан тұжырымдар бойынша Уақытша Үкімет пен Кеңестер ең басынан бөлініп, біріне-бірі қарсы саясат жүргізді деген ұғым шын мәнінде сол кездегі оқиғалармен сәйкес келмеді. Себебі революциядан кейінгі уақытта осы екі орган бірін-бірі түсініп, өзара қолдау көрсетуге тырысты. Бұл жағдай сол кездегі саяси ахуалдың ерекшелігін айқындады.

Уақытша үкіметке бұрыннан келе жатқан соғыс және бейбітшілік, аграрлық және ұлттық мәселелермен қатар, енді қосымша мемлекеттік билік және Ресейдің болашақ мемлекеттік құрылымы, экономиканы дағдарыстан шығару сияқты жаңа проблемалар қосылды. Осыған орай кеңестік тарихнамадағы Уақытша үкіметті ешқандай жұмыс атқара алмады деген көзқараспен келісу қиын. Өйткені жаңа үкімет тарих тәлкегінің оған берген аз уақытында бірқатар демократиялық шараларды іске асырды.

Уақытша үкімет өзінің ішкі саясаттағы басты бағыттарын 1917 ж. 3 наурыздағы Декларациясында белгіледі. Онда толық саяси рахымшылық жарияланды, сөз, баспасөз, жиналыстар бостандығы берілді, Ресейде тұратын барлық халықтардың құқығы теңестірілді. Сонымен қатар жалпы халықтың сайлау арқылы Құрылтайшы Жиналыс шақырып, оған Ресейдің болашақ саяси құрылымын шешетін жағдай туғызу керектігі көрсетілді. Осы Декларация бойынша полицияның орнына халықтық милиция және жергілікті басқару органдарын құру, қоғамдық тәртіпті орнату, күшейту және т.б. мақсаттар қойылды [1; 81]. Әрине, осы мақсаттар іске асырылғанда Ресейдің демократиялық мемлекетке айналатын мүмкіншілігі толық болған еді. Сонымен қатар қалыптасқан саяси жағдайға байланысты Уақытша үкімет Кеңестердің кейбір шешімдерімен есептесуге мәжбүр болды.

Ең басынан Уақытша үкімет пен Петроград Кеңесі өздерінің жұмысын бірігіп атқаруға, тырысты және осы жұмысты ұйымдастыратын комиссия құрылып, оған Н. Чхеидзе, М. Скобелов, Ю. Стеклов, Н. Суханов және В.Филлиповский кірді. Сөйтіп, мемлекеттік істерді комиссиялық түрде жүргізуге мүмкүндік туды [2; 75].

Сонымен қатар Уақытша үкімет көптеген аймақтарға бұрынғы патша губернатарының орнына өздерінің комиссарларын тағайындады. Осыған орай Декларациядағы мақсаттарын іске асырып, Уақытша үкімет ұлттық аймақтарда, Белорусияда, Теріскей Кавказда, тағы басқа жерлерде жергілікті ұлт өкілдерін жоғарғы қызметтерге тағайындады. Мысалы, Қазақстан және Түркістанда Уақытша үкіметтің комиссарлары болып М.Тынышпаев, А.Бөкейханов, М.Шоқай сияқты ұлт зиялылары тағайындалды [3; 294]. Жалпы алғанда 1917 жылдың мамыр айында Уақытша үкімет өзінің 57 губерниялық және 353 уездік комиссарларын тағайындады. Олардың көпшілігі кадеттер және соларды қолдайтындар болса, кейін комиссарлар қатарында меньшевиктер мен эсерлер саны өсе түсті.

Осының барлығы «буржуазиялық» үкімет органдары мен Кеңестердің революциядан кейінгі айларда белгілі деңгейде бірігіп, жұмыс атқарғанын байқатады. Әсіресе олардың жергілікті жерлердегі қарым-қатынастары бірқатар аймақтардағы проблемаларды әртүрлі ымыра негізде шешуге мүмкіндік берді. Сонымен қатар стихиялық түрде құрылған көптеген қоғамдық ұйымдардың қызметтері, мемлекеттік органдардың жұмысына бірқатар қиыншылық туғыза бастағанын айтқан жөн.

Аталмыш кезеңде Ресейде 200-ден астам әртүрлі саяси партиялар мен қоғамдар болды. Олардың ішінде өз халықтарының мүддесін қорғайтын ұлттық партиялар қалыптаса бастады. Ақпан оқиғаларынан кейін саяси партиялардың да тағдырлары әртүрлі болды. Мысалы, патша кезінде бірқатар ықпалы бар «Орыс халқының одағы», «Михаил Архангел одағы» және октябристер партиясы бұрынғы дәрежелерінен айырылып қалды.

Өзінің беделі бойынша бірінші орынға енді кадет партиясы шықты. Бұл партия бұрынғы «Конституциялық монархия» идеясынан бастартып, жаңа бағыттарында соғысты жалғастыру, Құрылтайшы Жиналыс шақыру, демократиялық бостандықтарды сақтау, тағы басқа ұрандармен жұмыс істесе, кейбір әлеуметтік-экономикалық мәселелерді шешуді кейінге қалдырды. Сонымен қатар кадеттер ұлттық аймақтарға автономия беруіне өздерінің қарсы екенін білдірді. Наурыз айында өткен VII съездерінде кадеттер «Ресей демократиялық парламенттік Республика болу керек» деген шешім қабылдады [4; 200].

Осы кезде социалистік партиялар біріккен саясаттары арқылы белгілі дәрежеге жетті. Бұл блокта әсіресе меньшевиктердің рөлі ерекше болды. Себебі олардың басқарушыларының ішінде Г. Плеханов, Л. Дейч, А. Потресов, Ю. Мартов, И. Церетели, Ф. Дан, М. Скобелев және Н. Чхеидзе сияқты белгілі қайраткерлер болды. Бұл кезеңде (1917 жылдың көктемінде) меньшевиктердің басқарушы рөлін эсерлер мен большевиктер де мойындады. Меньшевиктер саяси бағдарламасында демократиялық республиканы, помещиктердің жерін тәркілеу, халықтардың егемендік алу құқықтарын қолдап, соғысты «революциялық қорғаныс ретінде» ғана жүргізу керектігін көрсетті [5; 16].

Эсерлер Ақпан революциясынан кейін саны жағынан ең ірі партияға айналды. Олар Ресейді федеративтік республикаға айналдыру, помещиктер жерін тәркілеп шаруаларға тең бөліп беруді қолдады. Ал сыртқы саясат бойынша олар соғысты аннексиясыз және контрибуциясыз тоқтату туралы мәселелер көтерді. Социалист-революционерлер партиясын (эсерлер) оның көсемі В. Черновпен бірге, Н. Авксентьев, А. Гоц, М. Спиридонова, А. Колегаев және П. Прошьян сияқты қайраткерлер басқарды. Бірақ осы кезде бұл партия «оңшыл» және «солшыл» бағыттарға бөліне бастады. Эсерлер демократиялық күштердің «барлық таптардың коалициясын» құруын жақтады [6; 354].

1917 жылдың наурыз айында социалистердің бірлігін большевиктердің айдаудан келген қайраткерлері И. Сталин, Л. Каменев, Н. Муранов, тағы басқа қолдады. Олар партия мүшелерін меньшевиктер және эсерлер блогымен одақ құруын, сонымен қатар Уақытша үкіметті қолдау керектігін жақтап, осы бағытты ұстануға шақырды.

Бірақ бұл позиция эмиграциядан большевиктердің көсемі В. Лениннің келуіне байланысты өзгеріп шықты. Осы орайда 200 мыңнан астам орыс тұтқындары орналасқан Германия арқылы арнайы күзеті бар поезбен В. Ленин басқарған большевиктер тобының өтуі әлі күнге дейін тарихшыларды таңқалдырады. Осы оқиғаға кеңестік тарихнамада белгілі себептермен түсінік берілмесе, кейбір шетел тарихшылары осы сапарында Ленин герман үкіметімен жасырын келіссөздер жүргізіп, онда Ресейді соғыстан шығару мәселесі талқыланды деп көрсетеді. Сонымен қатар олар большевиктердің көсемдері герман үкіметінен 50 миллион марка ақша алғанын көптеген құжаттармен дәлелдеп жүр. Әрине, бұл мәселе бойынша әлі талай пікірлер айтылуы және жазылуы

мүмкін. Бірақ Лениннің Петроградқа келісімен Ресейдің соғыстан шығуы керек деген сөздері осы күнге дейін көптеген сауалдар туғызады.

7 сәуірде «Правда» газеті Лениннің «Пролетариаттың үстіміздегі революциядағы міндеттері туралы» деген баяндамасының негізгі материалдарын басып шығарды. Кейін бұл баяндама «Апрель тезистері» деп аталып кетті. Шын мәнінде, тезистер большевиктердің жаңа бағдарламасына айналды. Мұнда Ленин буржуазиялық-демократиялық революцияны социалистік революциямен жалғастыру керектігін, соның арқасында жұмысшылар мен шаруалар Кеңестерінің Республикасын құрып, Уақытша үкіметке қолдау тоқтатылсын деген мақсаттар қойды. Экономика саласында помещиктердің жерлерін, банктерді тәркілеу, барлық жерлерде билікті Кеңестерге беру талаптары қойылды. Сонымен қатар Ресей империалистік соғыстан шығу керектігі тезистерде нақты көрсетілді. Ленин өзінің бағдарламасында социалистермен одақтас болуға қарсы шығып, саяси билікті қолға алу үшін ашық күреске шақырды. Большевиктер көсемінің осы кездегі идеяларын басқа социалистер тұрмақ оның қасындағы қайраткерлердің бірқатары қабылдаған жоқ. Мысалы, Лениннің тезистерін А.Богданов «есінен ауған адамның сандырағы» деп әшкереледі [7; 44]. Бірақ Ленин өзінің буржуазиялық революциядан социалистік революцияға бағытталған бағдарламасын большевиктердің 24–29 сәуірде өткен Бүкілресейлік конференциясында қабылдатқыза білді. Сөйтіп большевиктер басқа социалистерден бөлініп, өздерінің экстремистік бағыттағы саясатына көшті. Ал большевиктер көсемінің қарсыластары мемлекеттегі билік үшін күресте Лениннің ешқандай қағидалармен есептеспейтінін сол кезде байқап, болжай алмаған болу керек.

Осы айтып отырған көппартиялық кезеңде бірқатар саяси күштердің бағдарламалары анықталып іске асырыла бастады. Бірақ большевиктердің позициясына байланысты Ресей социалистерінің біртұтас одағын құруға мүмкіндік болмай қалды.

Жаңа үкіметті басқарған Ресей либералдары өздерінің саясатын өте күрделі жағдайда жүргізуге мәжбүр болды. Бір жағынан, олар Кеңестермен есептесті, екінші жағынан — министрлерде мемлекетті басқаратын тәжірибе болмады. Өздерінің басты мақсаттарын соғысты жалғастыруымен байланыстырған жаңа үкімет, осы проблема бойынша халықтың көпшілігінен қолдау таппады. Өйткені жұмысшылар мен шаруалар тез арада жүргізілетін реформаларды күтті.

Өзінің 3 наурыздағы Декларациясымен және 6 наурыздағы «Ресей азаматтарына» деген жолдауында Уақытша үкімет көптеген шешілуге тиіс мәселелерді кейінге қалдырды. Ал экономикада патша үкіметі сияқты өзінің рөлін күшейткісі келді. Мәселен, астыққа және оның бағасына монополия жарияланды. Жаңадан құрылған азық-түлік комитеттеріне әртүрлі қоғамдық ұйымдардың өкілдері кірді және осы уақытта өте маңызды кооперативтік заң қабылданды.

Жергілікті жерлерді басқару жағынан Уақытша үкімет бірнеше заңдар қабылдады. 21 мамырда қабылданған болыстық земство туралы заң енді болыстық жиналыстар мен управаларды құрып, олардың өкілеттілігін кеңейтіп және оларды демократиялық негізде сайлауға мүмкіндік жасады. Бірақ осы жиналыстар мен управалардың қызметіне революциялық әдіспен жұмыс істейтін Кеңестер және нешетүрлі қоғамдық ұйымдар кедергі жасап, жаңа үкіметтің реформаларын алға басқызбады.

Өзінің бағдарламасын іске асыруда Уақытша үкімет Ресейдегі саяси ахуалды есептемей, ең басты-мемлекеттік құрылым, жер және соғыс мәселелерін кейінге қалдырып, болашақта жұмыс істейтін Құрылтайшы Жиналыстың шешімдерімен байланыстырды. Бірақ шаруалар қозғалысының күшеюі Уақытша үкіметті жер мәселесімен шұғылдануға мәжбүр етті. 21 сәуірде үкіметтің «Жер комитеттерін құру туралы» қаулысы шығып, онда аграрлық реформаны бастау туралы жарияланды. Құрылған жер комитеттері, аграрлық реформаның дайындық жұмыстарымен шұғылдана бастады. Соған қарамастан, олар жергілікті радикалдық земстволардан қолдау таба алмады.

Осы уақыттағы ең басты проблемалардың бірі — соғыс және бейбітшілік мәселесі болды. Осыған орай 14 наурызда жұмысшылар мен солдаттар депутаттарының Петроград Кеңесі «Бүкіл әлем халықтарына» деген манифест қабылдап, онда соғыстың империалистік мақсаттарын сынап, екінші жағынан — Ресейдің Германиямен «революциялық соғысын» қолдап шықты. Осыған байланысты халықтың арасында «аннексиясыз және контрибуциясыз демократиялық бейбітшілік» идеялары кең қолдау таба бастады [8; 70].

Саяси дағдарысты шешу үшін және Кеңестердің еңбекшілер арасындағы ықпалы есептелініп, 5 мамыр күні бірінші коалициялық үкімет құрылды. Оны Г.Львов басқара беретін болды. Жаңа кабинетке 10 министр-капиталистер мен қатар 6 министр-социалист кіргізілді (А. Керенский, М. Скобелев, И. Церетели, А. Пешехонов, В. Чернов, П. Переверзев). Коалициялық үкіметте сыртқы істер министрі болып М. Терещенко, ал әскери министр қызметіне А. Керенский тағайындалды.

Либералдар мен социалистер құрған коалициялық үкімет революциялық демократияның ықпалымен жаңа бағдарлама дайындай бастады. Онда демократиялық бейбітшілік орнату, экономикада мемлекеттік бақылауды күшейту, байлардан алатын салық мөлшерін көбейту, еңбекті қорғау және т.б. шаралар белгіленді [9; 12].

Коалициялық үкіметке Кеңестердің өкілдері кіргеннен кейін халықтың көпшілігі елдегі революциялық стихия бәсеңдеп, майдандағы және тылдағы дағдарыс өздерінің шешімдерін табады деп үміттенді. Бірақ 1917 жылдың жазы революциялық жаңа толқулар әкелді және осы уақыттағы қозғалыста радикалдық бағыттағы большевиктердің рөлі күшейе түсті.

1917 ж. жазына қарай шаруалар ұйымдары қоғамдағы белгілі саяси күшке айналды. Біріншіден, халық социалистерінің (энесер) көмегімен құрылған Бүкілресейлік шаруалар одағы болса, екіншіден, көптеп құрылып жатқан шаруалар депутаттарының Кеңестерін атауға болады. Мамыр айында Петроградта шаруалар депутаттарының Бүкілресейлік I съезі өз жұмысын бастады. Ондағы көпшілік эсерлерді қолдап шығып, өздерінің төрағасы етіп Н.Авксентьевті сайлады. Ал президиумге Е. Брешко-Брешковская, В. Чернов, В. Фигнер, С. Маслов, тағы басқалар кірді. Съез өзінің қаулысында барлық жер Құрылтай Жиналыс шақырылғанша, жер комитеттерінің қолына берілу керек деп шешім қабылдады және кейін жерді шаруаларға тең бөліп беру туралы өздерінің бұрынғы мақсаттарын тағы да белгіледі. Осы съезге қатысқан В. Ленин сөз сөйлеп, жерді Учредительдік Жиналысқа дейін ақысыз таратып беру деген идеясын ұсынды және бүкіл жерді мемлекеттік меншікке айналдыру керек дегенді қолдады. Большевиктердің осындай позициясы селодағы кедейлердің, помещиктер мен қатар кулактар мен ауқатты шаруалардың меншіктеріне таласын одан сайын ушықтыра түсті.

Большевиктердің басқаруымен фабзавкомдар кәсіпорындарды қорғау керек деген сылтаумен Қызыл гвардия отрядтарын құра бастады. Осындай көптеген отрядтар Мәскеуде Орталық өнеркәсіп аймағында, Оралда, Донбаста және тағы басқа жерлерде құрылып, оларға қару-жарақ таратылып берілді. Осыған байланысты Ресейдегі большевиктерді қолдайтын Қызыл гвардия отрядтарында қазан айының орта адам саны 100 мыңнан болды. Сонымен қатар большевиктер көптеп құрылып жатқан кәсіподақ комитеттерінде өздерінің үгіт жұмысын күшейтіп оларды өздерінің позициясын қолдауға шақырды [10; 23].

Жұмысшылар мен революциялық демократияның қозғалыстарын біріктіру мәселесі 3–24 маусымда Петроградта өткен I Бүкілресейлік жұмысшылар мен солдаттар депутаттарының съезінде ерекше қаралды. Осында қатысушылардың жалпы саны 1090 делегат болса, олардың 285-і — эсерлер, 290 — меньшевиктер, 105 — большевиктер, ал қалғандары әртүрлі қоғамдық ұйымдардан болды. Революциялық демократия мен Кеңестер бірігіп, заңды үкіметке қолдау көрсету керектігін дәлелдеген И.Церетелидің «билікті қолына алатын қазіргі Ресейде саяси партия жоқ» дегеніне залда отырған В. Ленин: «Ондай партия бар! Біздің партия бұдан бастартпайды, ол үкімет билігін толығымен өз қолына алуға минут сайын әзір», — деп мәлімдегені делегаттардың күлкисін келтірді. Бірақ Лениннің бұл сөздеріне жеңілдікпен қараған көптеген делегаттар шын мәнінде большевиктер өздеріне осындай мақсат қойғанын кейінгі оқиғаларда ғана түсіне бастады [11; 22].

18 маусым күні Съез бен Петроград Кеңесі тағайындаған қаладағы шеруге мыңдаған адам қатысты және олардың бірқатары «Бүкіл үкімет Кеңестерге берілсін!», «Он капиталист-министрлер жойылсын!», «Соғысты аяқтау керек!» деген ұрандармен шықты. Осының өзі еңбекшілер большевиктердің талабына назар аударып бастағанын көрсетті.

Бірақ бұл жолы социалистер Уақытша Үкімет пен Кеңестердің ынтымақтастығын сақтап қалды. I съез Кеңестердің жаңа басқарушы органы — Бүкілресейлік Орталық Атқару Комитетін құрды. Оған 250 адам кіріп, соның ішінде меньшевиктер — 107, эсерлер — 101, большевиктер 35 орынға ие болды. Сөйтіп, осы съездің өзі социалистердің «оңшыл» бағыттары бар екенін көрсетті. Енді съезде жеңіске жете алмаған большевиктер халықты үкіметке айдап салу саясатын іске асыра бастады және бұған себепте табылды.

Маусымның 18-інде орыс армиясы Оңтүстік-Батыс майданында ірі шабуылға көшті. Бірақ бұл шабуыл сәтсіз аяқталуы елдегі саяси жағдайды шиеленістіре түсті.

1917 жылдың 2 шілдесінде төрт министр-кадеттер Д. Шаховский, А. Мануилов, А. Шингарев және В. Степанов кабинеттен шықты. Олар өздерінің А. Керенский, И. Церетели және Терещенконың Орталық Радамен Украинаға автономия беру туралы шешімдері мен келіспегендіктен, кететіндері туралы мәлімдеді. Бұл жағдай коалицияның арасында алауыздық пайда болғанын көрсетті, екіншіден, халықтың наразылығын туғызды.

Шілденің 3 күні көшелерге қаруланған солдаттар мен матростар жұмысшылармен бірге шығып, Таврия сарайындағы Орталық Атқару Комитетіне келді. Олар Уақытша үкіметінен билікті Кеңестерге беруді талап етті. Осы оқиғаның басталуына кейбір зерттеушілер соғысқа барғысы келмеген солдаттар мен матростарды кінәлайды. Шын мәнісінде солдаттарды көшеге шығаруға большевиктердің үлесі бар екенін байқауға болады. Себебі жалғыз солар әскерде көптеген ұйымдар құрып, насихат жұмысын көп жүргізді. Сонымен қатар құрамына А. Антонов-Овсиенко, В. Невский, Н. Подвойский, Н. Крыленко, П. Дыбенко кірген арнайы әскери ұйым («Военка») құрылды. Мұндай ұйым 43 қалада ашылды.

4 шілде күні жалғасқан шеруге Петроградта 400 мыңнан астам адам қатысып, қаруланған шерушілер мен үкімет әскерлерінің арасында қақтығыстар нәтижесінде екі жақтан 300 астам адам қаза тауып, жараланды. Шілденің 5 күні үкімет әскерлері шерушілерді қуып таратты. Ал ұйымдастырушылар ретінде большевиктердің басшылары Л.Троцкий, А.Каменев, Ф.Раскольников т.б. қамауға алынды, В. Ленин Разлив көлінің маңында жасырынуға мәжбүр болды. Осы кезден бастап Уақытша үкімет билікті толық қолына алуына байланысты Кеңестердің ықпалы азая бастады.

24 шілдеде Л. Керенский басқарған екінші коалициялық кабинет құрылып, оған 8 министр-кадеттер мен 8 министр-социалистерден қамтылды. Ал Ресей армиясының бас қолбасшысы болып белгілі генерал Л. Корнилов тағайындалды [12; 200].

Сонымен, 3–5 шілде оқиғаларының сипатына тоқталсақ, қазіргі уақытта оған ешқандай күмән жоқ — бұл оқиғалар большевиктердің қарулы шеру арқылы үкімет билігін басып алудың бірінші әрекеті болды.

Шілде оқиғалары либералдар мен социалистер құрған үкіметтің радикалдық элементтерге қарсы шаралар қолдану керектігін көрсетті. Екіншіден, мемлекетте қатал тәртіп орнатуды жақтайтын саяси күштердің де белсенділігін айқындай түсті. Осындай жағдайда 12–15 тамызда қоғамдағы әртүрлі саяси күштерді біріктіру үшін Мәскеуде Мемлекеттік Жиналыс өз жұмысын жүргізді. Оған кәсіпкерлер, банкирлер, офицерлер, бұрынғы Дума депутаттары, әртүрлі партиялар кәсіподақ, қоғамдық ұйымдардың өкілдері қатысты. Бұл жиынға большевиктер ғана қатыспады. Осы Жиналысқа қатысушылардың бір бөлігі Уақытша үкіметті қолдаса, қалғандары генерал Корниловқа сенімдерін білдіре бастады. Осындай қолдау тапқан Корнилов Уақытша үкіметпен келіспеушілігін білдіріп, 26 тамызда ашық әскери бүлік бастады. Генералды көптеген оңшылдар топтары қолдап шықты. Корниловтың бұйрығымен Петроградқа қарсы генерал Крымов басқарған әскерлер жіберілді. Мақсаты әскери диктатордың билігін астанада орнату болды. Осындай шешуші кезеңде бүлікшілерге қарсы социалистік партиялардың, Кеңестердің, кәсіподақтардың, либералдық ұйымдардың өкілдері шығып, солардың үгіт-насихат жұмыстары арқылы генерал Крымовтың әскерлері Петроград түбінде тарай бастады. Үкімет басшысы А.Керенский генерал Корниловты қызметінен босатып бүлікшілерге қарсы күреске шақырды. Осындай біріккен шаралардың арқасында әскери билік 31 тамызда талқандалып, Корнилов тұтқынға алынды. Осылайша реакциялық күштердің Ресейде әскери диктатура орнатқысы келген әрекеттері сәтсіз аяқталды [13; 466, 467].

Корнилов бүлігінің талқандалуы оңшылдар мен Уақытша үкіметтің беделдерін түсірді. Соған орай еңбекшілердің арасында большевиктердің радикалдық қадамдары қолдау таба бастады. Қатары 350 мыңға дейін өскен большевиктер партиясы көптеген Кеңестерді өзіне бағындырды. Сөйтіп, тамыз айының аяғы-қыркүйек айының басында Петроград пен Мәскеу Кеңестері толық большевиктердің қолына көшті.

Осы кезде А.Керенскиймен келіспеушілік білдіріп, үкіметтен кадет-министрлері біраздан кейін социалистер де шығып кетті. Қалыптасқан жағдайда 31 тамыз күні А.Керенский үкімет орнына өзі басқаратын 5 министрден тұратын Директорияны құрды. Ал 1 қыркүйекте Ресей Республика болып жарияланды [14; 244].

14 қыркүйекте Петроградта жиналған Демократиялық Жиналыста Республиканың Демократиялық Кеңесі (Предпарламент) құрылды. Осы органның тапсыруымен А. Керенский 25 қыркүйекте 3-ші коалициялық үкімет құрды. Оның құрамында социалистер, кадеттер, кәсіпкерлер мен атақты ғалымдар болды. Бірақ жаңа кабинет жұмысқа кірсімен большевиктер басқарған Петроград Кеңесі оның кетуін талап ете бастады. Сонымен қатар еңбекшілер арасында Кеңестердің Бүкілресейлік II съезін шақыру туралы ұсыныстар қолдау тапты. Ал социалистер мен кадеттердің алауыздықтары коалициялық үкімет пен Республиканың Демократиялық Кеңесі (Предпарламент) арасындағы қарым-қатынастарды дамытуға кедергі жасады.

Үкіметтің және демократиялық органдардың дәрменсіздігін байқаған большевиктер енді өзіне бағынған Кеңестер арқылы үкіметке қарсы саясатын ұйымдастырушылық пен жүргізе білді. Сонымен қатар олар шілде оқиғаларынан кейін өздерінің жасырын VI съезінде қарулы көтеріліске дайындық бастау туралы шешім қабылдаған еді. Осыған орай Ресейдегі демократиялық кезеңнің аяқталып келе жатқанын қоғамдағы көпшілік сол күндері байқамаған сияқты.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Верт Н. История Советского государства / Н. Верт; 1990–1991: пер. с фр. — 2-е изд. — М.: Прогресс-Академия, 1995. — 544 с.
- 2 Карр Э. История Советской России. — Кн. 1. — Т. 1, 2: Большеви́стская революция. 1917–1923. / Э. Карр; пер. с англ. — М.: Прогресс, 1990. — 768 с.
- 3 Қазақстан тарихы. Очерктер. — Алматы: Дәуір, 1994. — 446 б.
- 4 Новейшая история Отечества. XX век: учеб. для студентов вузов. — Т. 2. / под ред.: А.С. Киселева, Э.М. Щагина. — М.: Владос, 1998. — 496 с.
- 5 История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства / Сост. В.А. Козлов. — М.: Политиздат, 1991. — 366 с.
- 6 Орлов А.С. История России: учеб. / А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. — М.: Проспект, 1997. — 544 с.
- 7 Соколов А.К. Курс советской истории 1917–1940: учеб. пос. / А.К. Соколов. — М.: Высш. шк., 1999. — 272 с.
- 8 Адамбеков Б.К. XX ғасырдағы Ресей империясы, Кеңес мемлекеті және ТМД тарихы: оқу құралы / Б.К. Адамбеков. — Қарағанды: КарМУ баспасы, 2005. — 344 б.
- 9 История СССР: учебник: [В 2-х ч.]. — Ч. II / под ред. Н.Е. Артемьева. — М.: Высш. шк., 1982. — 351 с.
- 10 Берхин И.Б. История СССР. Советский период: учеб. пос. для вузов / И.Б. Берхин. — М.: Высш. шк., 1987. — 704 с.
- 11 История СССР. Эпоха социализма: учебник для исторических факультетов вузов / под ред. Ю.С. Кукушкина. — М.: Высш. шк., 1985. — 479 с.
- 12 Новейшая Отечественная история. XX.: учеб. для студ. высш. учеб. завед.: [В 2-х кн.]. — Кн. 1 / под ред. Э.М. Щагина. — М.: Владос, 2004. — 447 с.
- 13 История России: [В 2-х т.] — Т. 2: С начала XIX века до начала XXI века / под ред. А.Н. Сахарова. — М.: АСТ; Астрель; Транзиткнига, 2006. — 862 с.
- 14 Адамбек Б.К. Кеңес Одағының тарихы (1917–1991) / Б.К. Адамбек. — Қарағанды: КарМУ баспасы, 2018. — 244 б.

Б.К. Адамбек

Россия в период демократического развития (март-октябрь 1917 года)

В статье показано формирование Буржуазного правительства после Февральской революции 1917 года в России, а также принятие им ряда важнейших решений по демократизации общественно-политической жизни страны. В то же время раскрыты этапы начала борьбы различных политических сил за власть в стране в условиях складывающейся многопартийной системы, внутренняя и внешняя политика Временного правительства, прошедшее в этот период размежевание в демократическом движении, усилившее общественно-политический кризис в стране. Раскрывая события июля, автор особо подчеркивает начало конкретной и бескомпромиссной борьбы за власть в России на примере многих источников и в объективной форме доказывает его особенности.

Ключевые слова: революция, партия, Совет, буржуазия, демократия, правительство, политика, коалиция, война, событие.

B.K. Adambek

Russia in the period of democratic development (March-October 2017)

The article shows the formation after the February revolution of 1917 in Russia, the Bourgeois government, and also the acceptance by him of a number of the most important decisions on the democratization of the socio-political life of the country. At the same time discloses the start of fight of different political forces for the authority in country in the conditions of the holding multiparty system, the internal and external policy of temporary government overcame at this time the period of demarcation in the democratic movement that intensified the socio-political crisis in the country. By reveling July's events author especially emphasizes

beginning of a specific uncompromising struggle for power in Russia since that period and proves its features on many sources in an objective form.

Keywords: revolution, party, Soviet, bourgeoisie, democracy, government, policy, coalition, war, event.

References

- 1 Werth, N. (1995). *Istoriia Sovetskoho gosudarstva. 1900–1991 [History of the Soviet State, 1900–1991]*. Moscow: Prohress-Akademiia; Ves mir [in Russian].
- 2 Karr, E. (1990). *Istoriia Sovetskoi Rossii. Bolshevistskaia revoliutsiia. 1917–1923 [History of the Soviet Russia, 1917–1923]*. (In 1 Book. Vol. 1, 2). Moscow: Prohress [in Russian]
- 3 Kazakhstan tarikhy. Ocherkter (1994) [History of Kazakhstan]. Almaty: Daur [in Kazakh].
- 4 Kiselev, A.S. & Shagina E.M.(Eds.). (1998). *Noveishaia istoriia Otechestva. XX vek [The contemporary history of the Fatherland, 20th century]*. (Vols. 1, 2). Moscow: Vldos [in Russian].
- 5 Kozlov, V.A. (1991). *Istoriia Otechestva: liudi, idei, resheniia. Ocherki istorii Sovetskoho gosudarstva [The history of the Fatherland: people, ideas, decisions]*. Moscow: Politizdat [in Russian].
- 6 Orlov, A.S., Georgiev, V.A., Georgieva, N.V., & Sivokhina, T.A. (1997). *Istoriia Rossii [History of Russia]*. Moscow: Prospekt [in Russian].
- 7 Sokolov, A.K. (1999). *Kurs sovietskoi istorii. 1917–1940 [Course of the history of soviet, 1917–1940]*. Moscow: Vysshaia shkola [in Russian].
- 8 Adambekov, B.T. (2005). XX hasyrah Resei imeriyasy, Kenes memleketi zhane TMD tarikhy [Russian Empire in the 20th century. Soviet states and the history of the CIS]. Karaganda: Izdatelstvo KarHU [in Kazakh].
- 9 Artemieva, N.E. (Eds.). (1982). *Istoriia SSSR [History of the USSR]*. Moscow: Vysshaia shkola [in Russian].
- 10 Berkhin, I.B. (1987). *Istoriia SSSR: Sovetskii period [History of the USSR: The Soviet period]*. Moscow: Vysshaia shkola [in Russian].
- 11 Kukushkin, Yu.S. (Eds.). (1985). *Isrtoriia SSSR. Epokha sotsializma [History of the USSR. Socialist era]*. Moscow: Vysshaia shkola [in Russian].
- 12 Shchagin, E.M. (Eds.). (2004). *Noveishaia istoriia Otechestva. XX vek [The contemporary history of the Fatherland, 20th century]*. (In. 1, 2; In 1). Moscow: Vldos [in Russian].
- 13 Sakharov, A.N. (Eds.). (2006). *Istoriia Rossii: s nachala XIX veka do nachala XXI veka [History of Russia: From beginning of XIX century to beginning of XXI century]*. (Vol. 1-2; Vol. 2). Moscow: AST; Aatrel; Tranzitkniha [in Russian].
- 14 Adambek B.K. (2018). *Kenes Odahhynyn tarikhy. 1917–1991 [History of the Soviet Union, 1917/1991]*. Karagandy: KarMU baspasy [in Kazakh].

A. Alipbayev, B. Byuzheyeva, B. Balaubayeva, G. Jaukasharova

*Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
(E-mail: alipbayev19@gmail.com)*

Feminism as a revolutionary theory

This article discusses the issue of feminist theory. The novelty of the work lies in the analysis of this theory, taking into account the similarity of signs of its appearance in the theory of international relations with signs of a revolution according to the definitions of political science. Nowadays feminism theory is becoming conventional, and it is currently investigated and discussed widely in both social and political contexts. As a theory of international relations (IR), feminism criticizes traditional international relations theories, especially the world system made by realists. Unlike other theories that occurred as a response to realism, feminism can be distinguished with its «silence» for a long time. It is different from other theories in that it speaks for a half of the population, emerged «suddenly» and covered almost all aspects of life. Starting with struggle for basic human rights, feminism has expanded the range of issues covered both in political and social life. It cannot be denied that due to the limits to be involved in politics, women lived in the framework of regulations made by men. Surely, all IR theories do not agree with each other, especially in a number of issues such as driving forces of domestic and foreign policies states and other actors in international realm. However, all IR theories were made by men despite of the fact that about half of population of any state are women. Women had lived with the laws made by another half of population (men) for a long time, and they started to be involved in IR when limits in social life were mitigated or removed. There is one more phenomenon in politics, the emergence and development of which are similar to the revolution, the struggle of which usually appears when the victims get tired of the oppression of governors and authorities. In this article we consider the feminism theory as a revolution in IR and try to define their similarities with the help of analysis of revolution theories and historical stages of feminism.

Keywords: feminism, the feminism theory, revolution, international relations, gender, gender politics, gender issues.

Introduction

The concept of world system and international relations can be understood in various ways, consequently, there a number of IR theories exists. They differ from each other in explaining the driving force of people's actions in politics, the role of security and power, actors of IR and so on. They can be distinguished in values and paradigms of supporters of the given theories. In this article there will be discussed one of them – the feminism theory, which claims the significance of gender equality. In a general sense, feminism is understood as the pursuit of equality between women and men in all spheres of society. The main substantive components of this concept are: 1) philosophical theory, which considers the nature of women, their place and role in society, the nature of the global oppression of them; 2) socio-political theory, analyzing the inequality of women and men, as well as ways to overcome discrimination against women; 3) social movement aimed at achieving equality between the sexes, primarily through the empowerment of women in all spheres of life; 4) ideology, expressing the interests of women and opposing various anti-feminism theories and practices; 5) research methodology, articulating women's view of the world and the system of their values [1].

Socio-philosophical analysis of existing methodological approaches in gender studies discovers so large diversity of historically theories that some scientists come to the conclusion about the logical incompatibility of generally accepted in present concepts explaining inequality based on gender:

- 1) external factors, which are reduced to the division of labor and class struggle (Marxist, socialist feminism);
- 2) internal factors - sexual roles, enshrined in moral customs (stereotypes of expectations) or relations of power (structural feminism);
- 3) intersubjective discourse, the needs of everyday social interaction that confronts men and women everyday problems of choosing the nature and means of gender behavior, achieving the goals of interpersonal relations, satisfying individual interests, combining them with public interests [2; 251].

The first concept rests mainly on the Marxist theory of society, the second on the paradigm of structural functionalism, and the third on the phenomenological methodology. However, each of these areas in the philosophy and methodology of gender studies has its own capabilities and limitations in their analysis, since

none of the factors mentioned above unequivocally determines the type of gender relations and only their complex study opens up opportunities for understanding the conditions and ways of solving gender problems [3; 357].

«The definition of feminism as a movement for social equality with men», notes Black American B. Hooks, «has led to an emphasis on problems of relationships with the opposite sex, discrimination in legal reforms. Feminism as a movement to end oppression on sexism directs our attention to the systems of domination and their relationship with sexual, racial and class oppression» [4; 91].

Feminism tries to change the definition of a world system given by traditional theories. The main reason is claimed to be its absence in the process of making it. Being excluded from science and basic human rights, females could not make contributions to making the world system theory. As a consequence, having reached basic human rights, currently, women are getting active in politics, and try to reorganize the world system and IR theories with the consideration of standpoints of «other half» of the population.

Methodology

In the process of research, the methods as comparative analysis and historical analysis were used. The information about the historical stages of development of feminism, explanations for the occurrence of revolutions was searched and gathered. Further, gathered information was compared in order to see the similarities of the occurrence of revolution in a state with the emergence of feminism in IR. Surely, in the first stage of investigation, information about the history of feminism and its waves was gathered and analyzed carefully being focused on its distinct features, prerequisites of its emergence and the development of feminism demands. Next stage involved the analysis of revolution theories, which was aimed to find the similarities between two above mentioned phenomena. After that, they were compared and resemblances of feminism and revolution were determined.

Discussion

The stages of feminism and revolution theories are discussed. Primarily, some information about feminism and its history should be given. Discrimination against women originated in the conditions of formation of social inequality, the division of labor, in a Patriarchal society. The main principles of the Patriarchal philosophical tradition were formulated by representatives of ancient philosophy in 5–4 centuries BC. For a long, historical period dominated by the installation, called misogyny – the exclusion of women from the rational philosophical thinking and the organization of social life. The position of belittling women was further developed in medieval philosophy, and later in the works of I. Kant, A. Schopenhauer, F. Nietzsche, E. Durkheim, Z. Freud, etc., who put forward the ideas of female limitation, dependence on men, a secondary role in society, due to biological differences between the sexes. The history of feminism begins in the age of Enlightenment, which created a new picture of the world, in which the principles of equality and human freedom have an important place, as well as the belief in the implementation of various rational social projects [5; 170-200]. The development of capitalism in Europe, the industrial revolution that led to the involvement of women in social production, and the establishment of liberal democratic ideology were the most important prerequisites for the formation of feminism. The idea of equality put forward by the French Enlightenment, Voltaire, D. Diderot, Montesquieu, J.J. Rousseau [6; 635].

In the history of the feminist movement there are three stages, which are also called three «waves», there can be emphasized the similarity of the stages with the waves of the ocean, where «each subsequent wave comes after its predecessor and takes its place, without diminishing the value of the previous one» [7; 47]. The first wave of feminism is on XIX – first half XX centuries. The main content of this stage is to struggle to achieve legal equality. During this period, a major role was played by suffrage – the struggle of women for the civil right to vote. Having arisen in England, suffrage later became widespread in the United States, Germany, France and other countries. Women in New Zealand, Australia, Finland, Norway, Denmark, Iceland and Russia were the first to get the right to vote. The second wave of feminism begins in the 60-ies of the XX century [8; 36]. It was the struggle for de facto equality of women and men. Theorists and practitioners of the second wave criticized the idea that women can realize themselves only in the sphere of household and child-caring, drew attention to the fact that daily violence and suppression of women occurs not only in politics but also in the sphere of home relations, at work, in the sphere of culture and leisure. Feminists of the second wave raised the problem of the need for deep cultural transformations, emphasizing the issue of a free, autonomous female personality [9; 34]. The general requirement of feminism is the struggle for the right not only to elect but to enter into power structures [10; 184]. In the second half of the 70-ies

of XX century in the West and especially in the United States the feminist movement has acquired a mass character, carried out numerous actions in defense of women's rights, created organizations and many small groups of an informal character. In the second phase, feminism studies introduce the concept of gender as an analytical tool, which means a set of social and cultural norms prescribed by society to people according to their biological sex. «Sex is not only a component, an isolated part, or a minor variation of the universal. It is not a random characteristic of social and political status, such as eye color: it is an essential component of the subject's social and political status [11; 664] It has the deepest influence and significance for the subject,... because sex is manifested in every action, biological, social, cultural, if not in a particular action, then definitely in its significance» [12; 89]. Feminism undertook to prove that sex is not limited to primary and secondary sexual characteristics, it permeates all spheres of social and cultural life. The gender approach argues that it is not so much the biological or physical differences between men and women that are important, but the social and cultural importance that society attaches to these differences. The basis of gender studies is not just a description of the difference in status, roles and other aspects of a life of men and women, but the analysis of power and dominance approved in society through gender roles and relationships [13; 303]. Researcher Estela Friedman, comparing the first and second «waves» of feminism, says that the «first wave» focused on the struggle for equal voting rights for women, while the «second wave» focused on all aspects of legal and social equality and the elimination of discrimination against women as such [14]. The emergence of the «third wave» feminism refers to the beginning of the 90s of the twentieth century. The feminist movement has become more diverse. Many countries have women's governmental and non-governmental organizations, women's transnational networks and the differentiation and specialization of the women's movement. The political activism of feminists focuses on issues such as equal pay for equal work, maternity leave, childbearing rights, domestic violence, sexual harassment, discrimination and sexual violence [15; 11] Topics covered by feminism include discrimination, stereotyping, objectification, oppression and patriarchy. The basis of feminism ideology is that rights, privileges and position in society should not be determined by gender. Currently new trends in feminism are emerging, such as constructivist and postmodern feminism, color feminism, cultural feminism [16].

Modern feminism draws attention to three problems. First, invisibility, insufficient moral and material encouragement of the social potential of women, even in situations where their contribution to the functioning and development of society is undoubtedly significant (motherhood, education, health care). Secondly, an explanation of the reasons why the role of women in society is still non-priority, subordinate. Third, how we can change and improve the social world to make it more equitable for women and for all people [17; 102-106].

Feminism in IR as a revolution in the world of states

E. Giddens, author who is famous in the Western world textbook sociology, distinguishing «revolution» («political changes») and «social movement», calls a number of conditions allow us to consider certain political changes revolution: 1) in the revolution there is a «mass social movement»; 2) the revolution leads to «large-scale reforms or changes» and 3) «the revolution involves the threat of violence or its use by the participants of the mass movement» [18].

First of all, the theories should be given, which describe a revolution from different perspectives, giving the reasons for its occurrence. So, four theories of revolution are considered basic:

- behavioral;
- psychological;
- structural;
- political.

In the presence of particular shortcomings inherent in only one of the theories, they are not able to answer several general questions, for example, how political organizations are formed and what determines the behavior of the army during the revolution [19; 68].

Behavioral theory

Behavioral theory of revolution calls the source of people's revolutionary behavior, their basic needs and instincts. A quick transition to radical actions caused by prolonged suppression of human needs such as hunger, safety, possessiveness, competitiveness, creativity [20; 76]. The immediate reasons are the sharp increase in the restrictions of these basic instincts in the majority of the population and the simultaneous inability of the authorities to effectively suppress the emerging riots.

The behavioral theory of Pitirim Sorokin, created in 1925, historically became the first modern theory of revolution [21; 57]. Women had the view of the world and politics, however, their viewpoints were not considered, and women were not allowed to take a part in state governing issues. As the historical stages have shown, women had not had even basic human rights listed above. For instance, women used to suffer more than men during wars, conflicts among nations and even in peaceful period. People of rival countries used to take away women in order to use them as slaves. Women had no right to ownership, to work, to go in for sports, and used to be restricted to study [22; 89].

Feminism thought developed similarly in three waves, however the «first wave» of feminism is considered to be a wave of protests against the status of women in society and a wave of struggle to change the current situation improving the social status of women. The main task of the «first wave» was the struggle for political and economic rights of women — the ability to elect and be elected to republican authorities, property rights in marriage (at that time a married woman in America and England did not have formal rights not only to her dowry, but to and on her personal money earned), equality in marriage, educational opportunities and choice of profession [23; 56]. It can be assumed that limits listed above led to the appearance of feminists. The prerequisites of revolution, given from the perspective of behavioral theory, shows, that feminists are revolutionaries. Furthermore, the theory itself can be considered as a revolution in IR system due to the fact that females were limited in constructing theories and suggestions about politics. So, it emerged as the critical theory towards traditional ones.

Psychological theory

The psychological theory of the revolution, unlike the behaviorist, put in the head, not the base instincts, and complex motivational system. The reason for the revolution is called the awareness of the masses of the injustice of their position. Revolution does not occur if even the poorest existence of society is perceived as natural. Awareness of injustice may arise from the emergence of new ideologies that characterize the current situation as unacceptable; from the fall in living standards while maintaining the same level of expectations; when the first two factors are combined.

Psychological theories are criticized for not taking into account the inequality in society associated with the distribution of power and money. The most significant of the psychological theories is the theory of relative deprivation proposed by James Davis and Ted Garr [21; 61]. Psychological theories also can prove the fact that feminism theory is a revolution in the world of IR.

Looking back at history of the emergence of the first wave of feminist movement, it can be seen that it was a liberal trend, the main idea of which was that «since women are the same rational beings as men, they should have the same legal and political rights». Liberal feminists demanded the cessation of legal, economic, social dependence of women, reforms in the field of property rights, education, divorce, as well as granting women equal political rights to men. Feminists demanded the suppression of domestic violence, the protection of motherhood, the right to engage in trade and business.

A sharp jump in industry demanded much more hands than male workers could offer, so attracting women became necessary. Mass female labor in social production gradually turned into a fact of social life, changing the traditional status of a woman as a continuer of the race, and, accordingly, changing the basis of marriage, family, etc. This process had both positive and negative sides. On the one hand, mass female labor contributed to the growth of self-awareness of women as an autonomous social group, created an opportunity to destroy the traditional hierarchy of the sexes, «build a division of labor between men and women not on the principle of complementarity, but on the principle of interchangeability» [24; 145]. On the other hand, women were forced to go to work at industrial enterprises, where they became men's competitors, which aggravated relations between the sexes. Massive female labor also led to over-exploitation of the woman, as she continued to fulfill her duties as a mother, wife, and mistress of the house. At the same time, the working day was too great, and the woman's wages were lower than those of a man who did the same at the same enterprise. The employers justified this by saying that a woman did not need to support her family. The progress of industry was also accompanied by an increase in prostitution, an increase in the number of foundlings, abortions and infant mortality. In addition, women were not admitted to trade unions that protected the rights of employees. All these factors gave grounds for collective actions of women, for the creation of women's organizations defending the interests and rights of women.

In the initial phase of the movement, both in Europe and in the USA, questions about voting rights were not central, the main problems were legislative reforms concerning the status of women (who did not have property rights at that time, the right to their own earnings, child custody in cases of divorce), and especially the issue of women's access to higher education (in Asia, Latin America and the Middle East, where there

were few literate women, the issue of women's education was raised by men; for example, in Egypt, male reformers and for the education of women in the household, with the end of polygamy and increasing the age of marriage) [25; 15]. Also, the first feminists demanded equal opportunities for work and raised problems concerning virtually all existing institutions: legislation, politics, economics, family, sexuality, religion, education, and even the definition of femininity. Feminists protested against the accepted style of clothing; lifestyle dictated by religion; a double standard of sexual behavior (the majority was against the promiscuity that was common among men, some supported the ideas of free love); inequality in marriage; stereotype «real lady». Activists of the struggle for women's equality in the middle of the XIX century, they relied on the idea of inequality as a result of a certain mistake, legislative imperfection, and considered it necessary to draw public attention to this problem. Everywhere, women fought against double standards for gender, for reforms in the area of property rights, divorce, and the opportunity to work [26; 86].

Turning to the theory itself, it can be stated that states and world do not belong to only men. However, states used to be governed only by men. Obviously, their decisions had impact on every citizen of this or that country, and every human being in general. Being aware of data, which showed the absence of women in both science of politics and governing positions, they found it unfair. So, it led them to start to give own interpretation of international relations.

Structural theory

Structural theories highlight class and group relations in society, denying psychological aspects. At the same time, tension in society can arise both from internal contradictions and due to external, international pressure. The revolution develops with the involvement of the broad masses of the peasantry and workers in the process and becomes successful after the complete dismantling of the old and the establishment of a new state system. The leading contemporary adherent of the structural theory is Ted Skocpol.

It can be concluded that structural theory makes an emphasis on classes, i.e. material status of people. Having no right to work and earn, definitely, women used to lack money and be dependent on males. Consequently, they had to endure all pressures and domestic violence from men. It cannot be denied that feminism theory covers all classes. There are types of feminism which deals with issues of middle-class women and black women.

Political theory

Political theories, in comparison with structural ones, further narrow the field of causes of the revolution, reducing them exclusively to the struggle for power within the state. In this case, the revolution is seen as a normal political process, taking extreme forms. A prerequisite for the revolution is the concentration of the opposition sufficient resources to effectively combat the current government that is when several participants appear in the political process. After the consolidation of new forces, the revolution stops, the new uniform power is formed [27; 14].

The feminism theory in IR certainly pursues the power, not absolute maybe, but it seeks the opportunity to be heard, and desires to change the realist viewpoints of states.

Revolution as a type of social movements has a number of reasons explaining its emergence. A contemporary American political analyst, Jim Goldstone, proposed five basic conditions, the combination of which leads to revolution:

1. the crisis of power, in which the state is perceived by the elite and the masses as ineffective and unfair.
2. The crisis in the relationship between the elites, leading first to their alienation, then to separation and, finally, to a sharp polarization into separate factions, each of which has the opposite view of the ways of further transformations.
3. The crisis of national welfare, in which the urban and / or rural segments of the population hardly maintain their standards of living with the help of the usual means.
4. The emergence of a coalition of elites and the masses in their attack on state power.
5. The existence of one or another opposition ideology, which connects the elites and the masses in their struggle against power, justifies this struggle and suggests an alternative introduction of the future order [28; 31].

All five conditions coincide rarely, moreover, they are difficult to recognize in periods of imaginary stability. All the given features are also can be found in feminism.

Conclusion

The analysis of the feminism theory and revolution theory showed that the feminism could be considered as a «revolution» in the «world of states». In this arena, males can be equated with the government, who makes laws and manages the politics of the state, while females are like the lower class of people, whose rights are restricted, and are kept away from policy-making and governing the states. Being oppressed of restrictions in almost all spheres of life: politics, education, freedom of speech, etc., the lowers start to fight for their rights. The emergence of feminist idea easily can be explained by revolution theories. Another aspect that should be mentioned is that the critics of feminism towards traditional IR theories, especially realism. Realism can be considered as the laws that were made without the participation of lower class, so now, having reached basic human rights and equality in various spheres, feminists are showing their disagreement with the values indicated by realists. However, in this case, they are not identical. There is a number of theories, which explain the world system and IR relying on various aspects, and none of them is not considered to be dominant, as soon as any of them is free from limitations. So, feminists can give their perspective of the world, but it cannot dominate and cover politics totally.

However, there are several things that can be borrowed from feminism and be used in maintaining IR, or foreign and domestic policy. For instance, radical feminism seeks the cores of the inequality problem in the role of genders in a family. It believes that it can only be solved starting from the individual level, only then covering the issues in state level as education, freedom, etc. This idea is good to be used in arranging a foreign and domestic policy. Realism being concentrated on power and security issues, tries to indicate the importance of armed forces and power among the states, while the issue of security can be started to develop from individual level. Many developing states and third world states are weak in education, health and equality issues, they are not focused on investing in the main wealth of the state – people. A dominance of uneducated, unemployed and full of hatred towards the state, the military power cannot secure the state for a long time. As radical feminists claim, the problem must be solved from little units towards bigger ones. Power and security must be reached by developing the internal conditions of the state. Feminists are revolutionaries. Revolutionaries always have something to say as soon as they have seen the kitchen sink. Critics should be considered to develop the IR system and the states in general.

References

- 1 Денисова А.А. Словарь гендерных терминов. Информация — XXI век / А.А. Денисова. — М., 2002. — 256 с.
- 2 Коннел Р. Современные подходы: хрестоматия феминистских текстов [пер.] / Р. Коннел; под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. — СПб., 2000. — 280 с.
- 3 Ленгерман П. Современная теория феминизма / П. Ленгерман, Д. Нибрюгге-Брантли, Дж. Ритцер // Современные социологические теории. — 5-е изд. — СПб.: Питер, 2002. — 415 с.
- 4 Ладькина Т.А. Феминизм в культуре постмодерна / Т.А. Ладькина. — Омск: Омский юрид. ин-т, 2004. — 91 с.
- 5 Bock G. History, Women's History, Gender History / G. Bock // THESIS. Женщина, мужчина, семья. — 1994. — № 6. — С. 170–200.
- 6 Попкова Л. Теория и практика современного феминизма: женское движение в США / Л. Попкова. — СПб.: Алетейя, 2001. — С. 635–663.
- 7 Жеребкина И. Теория и история феминизма: курс лекций / И. Жеребкина. — Харьков: Ф-Пресс, 1996. — 260 с.
- 8 Пушкарева Н.Л. Между «тюрьмой» и «хаосом». Феминистская эпистемология, постмодернизм и историческое знание / Н.Л. Пушкарева. — М.: РГГУ, 2000. — 250 с.
- 9 Friedan B. The Feminine Mystique / B. Friedan. — New York, 1963. — 3 p.
- 10 Beauvoir S. The Second Sex. (Le Deuxième Sex, 1949; Translated by H.M. Parshley) / S. Beauvoir. — London: Vintage Classics, 1997. — 260 p.
- 11 Темкина А.А. Женское движение второй волны: истоки, концептуализация и результаты / А.А. Темкина. — СПб.: Алетейя, 2001. — 695 с.
- 12 Гросс Э. Изменяя очертания тела / Э. Гросс // Введение в гендерные исследования. — Харьков, СПб., 2001. — 615 с.
- 13 Здравомыслова Е. Хрестоматия феминистских текстов. — СПб.: Дм. Буланин, 2000. — 303 с.
- 14 Freedman, Estelle B. No Turning Back: The History of Feminism and the Future of Women / B. Freedman, Estelle. — New York: Ballantine Books, 2003. — 464 с.
- 15 Банч Ш. и др. Феминизм и гендерные исследования: хрестоматия / под ред. В.И. Успенской. — Тверь, 1999. — 173 с.
- 16 Трофимова Е. Феминизм в общественной мысли и литературе. Антология / Е. Трофимова. — М.: Грифон, 2006. — 400 с.
- 17 Грошовкина Н.А. Феминистская философия о сущности и содержании гендера / Н.А. Грошовкина // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Философия. — 2014. — № 2 (12). — С. 102–106.

- 18 Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 568 с.
- 19 Offen K. The origins of the words «feminism» and «feminist» / K. Offen // *Feminist Issues*. — 1988. — № 8(2). — P. 56–76.
- 20 Успенская В.И. Феминизм до феминизма: идеи в защиту прав женщин в истории европейской социальной мысли, XV – XVIII вв. / В.И. Успенская. — М.: Academia, 2001. — С. 76–97.
- 21 Шульц Э.Э. Социология революции П. Сорокина: истоки и влияние // *Общество. Среда. Развитие*. — 2014. — № 1(30). — С. 57–67.
- 22 Брандт Г.А. Философская антропология феминизма. Природа женщины / Г.А. Брандт. — СПб.: Алетейя, 2006. — 160 с.
- 23 Поленина С.В. Права женщин в системе прав человека: международный и национальный аспект / С.В. Поленина. — М.: Эслан, 2000. — 255 с.
- 24 Naan, Francisca de. *Women's Movements and Feminisms*. *Aspasia: International Handbook of Central, Eastern, and South-eastern European Women's and Gender History*. — New York, 2007. — 355 p.
- 25 Flexner Eleanor. *Century of Struggle: The Woman's Rights Movement in the United States* / Eleanor Flexner. — Massachusetts: The Belknap Press, 1996. — 244 p.
- 26 Freedman, Estelle. B. *No Turning Back: The History of Feminism and the Future of Women* / B. Freedman, Estelle. — New York: Ballantine Books, 2002. — 230 p.
- 27 Репина Л.П. Гендерная история сегодня: проблемы и перспективы / Л.П. Репина // *Адам и Ева. Альманах тендерной истории*. — М.: ИВИ РАН; СПб.: Алетейя, 2003. — С. 7–17.
- 28 Goldstone J. *Revolutions: A Very Short Introduction (Very Short Introductions)* / J. Goldstone. — New York, 2015. — 31 p.

А. Әліпбаев, Б. Бюжеева, Б. Балаубаева, Г. Джаукашарова

Феминизм революциялық теория ретінде

Мақалада феминистік теория мәселесі қарастырылды. Жұмыстың жанашылдығы оның феминизм теориясының халықаралық қатынастар теориясында пайда болуының белгілерін саяси ғылымның анықтамасы бойынша революцияның пайда болу белгілерімен ұқсастықтарын ескере отырып, оған талдау жасауында. Феминистік теорияның кең таралып келе жатқаны белгілі, ол әлеуметтік және саяси контекстте кеңінен талқыланып жүр. Халықаралық қатынастар теорияларының бір түрі ретінде ол дәстүрлі теорияларға қарсы пікірлер білдіруде, әсіресе реалистердің жасаған әлемдік жүйені сынайды. Реализмге жауап ретінде пайда болған басқа теориялардан феминизмнің айырмашылығы оның ұзақ уақыт бойы «үнсідікте» болуының себебі саясатқа қатысты көзқарастың болмағандығынан емес, оған қатысты ой білдіре алу құқығының болмағандығында. Ол адамзаттың жартысының мүддесін қорғайтындығымен, халықаралық қатынастар ғылымында ұзақ уақыт үнсідіктен кейін «кенеттен» пайда болуымен және өмірдің барлық қырларын қамтуымен ерекшеленеді. Адамның негізгі құқықтары үшін күрестен басталып, ол саяси және қоғамдық өмірге қатысты мәселелердің кең ауқымын қамтиды. Саясатқа қатысты шектеулердің әсерінен әйелдердің ерлер жасаған заңдар бойынша өмір сүргенін мойындамауға болмайды. Әрине, халықаралық қатынастар теорияларының барлығы бір-бірімен келісе бермейді, әсіресе мемлекеттердің халықаралық аренадағы ішкі және сыртқы саясаттарындағы негізгі қозғаушы күштері мен басты акторларын анықтау секілді бірқатар мәселелерде айырмашылық анық байқалады. Алайда кез келген мемлекеттің халықтың жартысы әйелдер болғанына қарамастан, халықаралық қатынастар теорияларындағы көзқарастар тек ер адамдарға тиесілі. Әйелдер ұзақ уақыт бойы қалған халықтың жартысы (ерлер) жасаған заңдармен өмір сүрді және қоғамдық өмірдегі шектеулерді азайтқан немесе жойған кезде ғана халықаралық қатынастар теориясымен айналысуға кірісті. Саясатта пайда болуы және дамуы жағынан осыған ұқсас тағы бір феномен бар. Бұл – революция, құқықтарын «жоғарыдағы» адамдардың бұзуына наразы болған топтың оларға қарсы саясаты. Халықаралық қатынастардағы феминистік теорияның жақтаушылары ұзақ уақыт бойы «халықтың басқа жартысы» жасаған заңдармен өмір сүрді және өздерінің тарапына жасалған қоғамдық өмірдегі шектеулерді азайтқанда немесе жойған кезде ғана аталған ғылымда бас көтере бастады. Ол осынысымен елде туындаған революцияға ұқсайды. Революция әдетте құрбандар басшылар мен жоғары лауазымдағы адамдар тарапынан жасалған қысымнан шаршаған кезде пайда болады. Бұл мақалада феминистік теория халықаралық қатынастар әлеміндегі революция ретінде қарастырылды. Феминизмнің тарихи кезеңдерін және революция теорияларын талдаудың көмегімен олардың ұқсастығы анықталды.

Кілт сөздер: феминизм, феминистік теория, революция, халықаралық қатынастар, гендер, гендерлік саясат, гендерлік мәселелер.

А. Алипбаев, Б. Бюжеева, Б. Балаубаева, Г. Джаукашарова

Феминизм как революционная теория

В статье рассмотрена проблема феминистской теории. Новизна работы заключается в анализе этой теории с учетом сходства признаков ее появления в теории международных отношений с признаками революции согласно определениям политологии. Теория феминизма сегодня становится общепринятой, так как эта сфера исследуется и широко обсуждается не только в социальном, но и в политическом контексте. Как и теория международных отношений (МО), феминизм критикует традиционные теории международных отношений, особенно построенную реалистами мировую систему. В отличие от других теорий, возникших в ответ на реализм, феминизм отличается своим «молчанием» на протяжении долгих лет. Отличается от других теорий тем, что говорит за половину населения, возникнув «внезапно» и охватывая практически все аспекты жизни. Начав с борьбы за основные права человека, феминизм расширил круг вопросов, охватываемых им как в политической, так и в общественной жизни. Нельзя отрицать, что из-за ограничений, связанных с политикой, женщины жили в соответствии с правилами, принятыми мужчинами. Конечно, все теории МО не согласуются друг с другом, особенно в ряде вопросов, таких как движущие силы внутренней и внешней политики государств и других субъектов в международной сфере. Тем не менее все теории МО были созданы мужчинами, несмотря на то, что около половины населения любого государства составляют женщины. Женщины долгое время жили по законам, принятым другой половиной населения (мужчинами), и они начали участвовать в МО, когда ограничения в социальной жизни были смягчены или сняты. В политике есть еще одно явление, возникновение и развитие которого похоже на революцию, — борьба, которая обычно совершается, когда жертвы устают от притеснения правителей и чиновников на высоких постах. В данной статье рассмотрена феминистская теория как революция в международных отношениях и сделана попытка определения их сходства с помощью анализа революционных теорий и исторических этапов феминизма.

Ключевые слова: феминизм, феминистская теория, революция, международные отношения, гендер, гендерная политика, гендерные проблемы.

References

- 1 Denisova, A.A. (2002). Slovar hendernykh terminov. Informatsiia — XXI vek [Dictionary of gender terms. Information - the XXI century]. Moscow [in Russian].
- 2 Konnel, R. (2000). Sovremennyye podkhody: khrestomatiia feministskikh tekstov [Modern approaches: anthology of feminist texts]. Ye. Zdravomyslova, A. Temkina (Eds.). Saint Petersburg [in Russian].
- 3 Lengerman, P., Nibryugge-Brantli, D., & Rittser, Dzh. (2002). Sovremennaiia teoriia feminizma [Modern theory of feminism]. Sovremennyye sotsiologicheskie teorii [Modern sociological theories]. (5d ed.). Saint Petersburg: Piter [in Russian].
- 4 Ladykina, T.A. (2004). Feminizm v kulture postmoderna [Feminism in the culture of a postmodern]. Omsk: Omskii iuridicheskii institut [in Russian].
- 5 Bock, G. (1994). History, Women's History, Gender History. THESIS. Woman, man, family, 6, 170–200.
- 6 Popkova, L. (2001). Teoriia i praktika sovremennoho feminizma: zhenskoe dvizhenie v SShA [Theory and practice of contemporary feminism: women movements in the USA]. Saint Petersburg: Aleteiia [in Russian].
- 7 Zherebkina, I. (1996). Teoriia i istoriia feminizma [Theory and history of feminism: the course of lectures]. Kharkov: F-Press [in Russian].
- 8 Pushkareva, N.L. (200). Mezhdū «tīurmoi» i «khaosom». Feministskaia epistemolohiia, postmodernizm i istoricheskoie znanie [Between the «prison» and «chaos». Feminist epistemology, postmodernism and historical knowledge]. Moscow: RHTU [in Russian].
- 9 Friedan, B. (1963). The Feminine Mystique. New York.
- 10 Beauvoir, S. (1997). The Second Sex. (Le Deuxième Sexe, 1949; (H.M. Parshley, Trans.). London: Vintage Classics.
- 11 Temkina, A.A. (2001). Zhenskoe dvizhenie vtoroi volny: istoki, kontseptualizatsiia i rezultaty [The women's movement of the second wave: origins, conceptualization and results]. Saint Petersburg: Aleteiia [in Russian].
- 12 Gross, E. (2001). Izmeniaia ochertaniia tela [Changing body outlines]. Vvedeniye v hendernyye issledovaniia – Introduction to gender researches. Kharkov; Sankt-Peterburg [in Russian].
- 13 Zdravomyslova, Ye., & Temkia, A. (2000). Khrestomatiia feministskikh tekstov: perevody [Anthology of feminist texts: Saint Petersburg: Dm. Bulanin [in Russian].
- 14 Freedman, Estelle, B. (2003). No Turning Back: The History of Feminism and the Future of Women. New York: Ballantine Books.
- 15 Uspenskaya, V.I. (1999). Feminizm i tendernyye issledovaniia [Feminism and gender research]. Tver [in Russian].
- 16 Trofimova, E. (2006). Feminizm v obshchestvennoi mysli i literature [Feminism in social thought and literature]. Moscow: Hrifon [in Russian].
- 17 Groshovkina, N.A. (2014). Feministskaia filosofiiia o sushchnosti i sodержanii hendera [Feminist philosophy about the essence and content of gender]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia Filosofiiia – Bulletin of Voronezhsko State University, 2 (12), 102–106 [in Russian].

- 18 Giddens, E. (1999). Sotsiologhiia [Sociology]. Moscow: Editorial URSS [in Russian].
- 19 Offen, K. (1988). The origins of the words «feminism» and «feminist». *Feminist Issues*, 8(2), 56–76.
- 20 Uspenskaya, V.I. (2001). Feminizm do feminizma: idei v zashchitu prav zhenshchin v istorii evropeiskoi sotsialnoi mysli, XV–XVIII vv. [Feminism to feminism: ideas in defense of the rights of women in the history of European social thought, XV–XVIII centuries]. Moscow: Akademia [in Russian].
- 21 Shults, E.E. (2014). Sotsiologhiia revoliutsii P. Sorokina: istoki i vliianiie (russ) [Revolution sociology / P. Sorokina: sources and influence]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiie*, 1(30), 57-67 [in Russian].
- 22 Brandt, G.A. (2006). Filosofskaia antropologhiia feminizma. Priroda zhenshchiny [The philosophical anthropology of feminism. The nature of women]. Saint Petersburg: Aleteiia [in Russian].
- 23 Polenina, S.V. (2000). Prava zhenshchin v sisteme prav cheloveka: mezhdunarodnyi i natsionalnyi aspekt [Women's rights in the human rights system: the international and national aspect]. Moscow: Eslan [in Russian].
- 24 Haan, Francisca de (2007). *Women's Movements and Feminisms. Aspasia: International Handbook of Central, Eastern, and Southeastern European Women's and Gender History.*-New York. — 355 p.
- 25 Eleanor, Flexner. (1996). *Century of Struggle: The Woman's Rights Movement in the United States.* Massachusetts: The Belknap Press.
- 26 Freedman. (2002). *Estelle No Turning Back: The History of Feminism and the Future of Women.* New York: Ballantine Books.
- 27 Repina, L.P. (2003). Hendernaia istoriia sehodnia: problemy i perspektivy [Gender history today: problems and prospects]. Adam i Yeva. Almanakh tendernoii istorii [Almanac of gender history. Adam and Eve]. Moscow: IVI RAN; Saint Petersburg: Aleteiia [in Russian].
- 28 Goldstone, J. (2015). *Revolutions: A Very Short Introduction (Very Short Introductions).* New York.

А.А. Галиев¹, А.Ж. Мырзахметова²

¹Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылайхана, Алматы, Казахстан;

²Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан
(E-mail: galiev_anuar@mail.ru)

Великая Отечественная война в политике памяти в Российской Федерации и Республике Казахстан

Статья посвящена проблеме отражения Великой Отечественной войны в современной политике памяти двух государств: Российской Федерации и Республики Казахстан. После обретения независимости каждое государство определяет для себя ключевые исторические события, на отражении которых строится концепт нацистроительства. В советское время особых проблем не возникало, так как была одна страна и одна на всех победа. После распада СССР эта концепция стала подвергаться сомнению, так как в научный оборот были введены новые документы. Были переосмыслены многие факты, связанные с подготовкой к войне и ее ходом. Во всех новых независимых государствах стали возникать национальные версии истории, в которых нашли отражение многие сюжеты и факты, о которых в советских учебниках не говорилось. Анализ этих версий помогает понять политические факторы конструирования и политику памяти государств бывшего Советского Союза. Авторы приходят к выводу о том, что отношение к войне в Казахстане демонстрирует наличие различных точек зрения, но в политике памяти все-таки преобладает советская концепция истории войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, учебник истории, Казахстан, Россия, политика памяти, мифологизация истории, Туркестанский легион.

Введение

Великая Отечественная война советского народа, одержавшего победу над нацистской Германией и ее союзниками, была составной частью Второй Мировой войны. В результате победы изменилась политическая карта мира, возник мировой лагерь социализма. Советский Союз стал мировой державой, и таким образом данная война явилась важным знаковым событием XX в. Знаковость явления позволяет привлечь методы семиотики для рассмотрения вышеозначенной темы. Особенно это важно для постановки данной проблемы, поскольку речь идет о понимании значения войны в разные периоды и в разных социально-экономических и политических условиях, т.е. в период существования СССР и в период становления на его территории новых независимых государств, в частности, государств Центральной Азии. Водоразделом между этими двумя периодами является распад СССР. Иначе говоря, речь идет не о плавном переходе от одного состояния к другому, а о переходе достаточно быстром, о некоем «взрыве». Значению таких взрывов в истории и культуре посвятил свои работы основатель тартусско-московской школы семиотики Ю.М. Лотман. Особенно для нас важно его замечание, имеющее теоретико-методологический характер: «смена культур (в частности, в эпохи социальных катаклизмов) сопровождается обычно резким повышением семиотичности поведения (что может выражаться даже в изменении имен и названий), причем и борьба со старыми ритуалами может принимать сугубо ритуализованный характер. В то же время не только введение новых форм поведения, но и усиление знаковости (символичности) старых форм может свидетельствовать об определенном изменении типа культуры» [1; 486].

В контексте постановки данной проблемы переломному периоду предшествует период существования СССР. Тогда имелась одна официальная версия истории Великой Отечественной войны, которая репродуцировалась во всех учебниках всех уровней образования, начиная с начальной школы («Рассказы по истории СССР») и заканчивая высшими учебными заведениями («История КПСС»). Обязательность изучения истории всеми гражданами страны формировала в рамках политики памяти единую непротиворечивую версию Великой Отечественной войны. Основные положения понимания войны сводились к следующим положениям:

1. СССР был страной миролюбивой и абсолютно не был готов к войне.
2. Германия была намного более подготовлена и вероломно нарушила мирный договор, заключенный между двумя странами.
3. Война показала преимущества социалистической плановой экономики, которая позволила быстро перевести промышленность с мирных рельсов на военные.

4. Союзники всячески затягивали открытие Второго фронта, вследствие чего Советский Союз практически в одиночку боролся с Германией и ее сателлитами.

5. Победа ковалась как на фронтах, так и в тылу.

6. Победа была одержана благодаря совместным усилиям братских народов СССР [2; 315–389].

Имеет значение и речь Сталина, посвященная победе, где он акцентировал внимание на исключительной роли русского народа в войне, и этот тезис стал также важным элементом формирования ее трактовки. После распада СССР понимание России как основной силы, одолевшей врага, закрепилось, и отношение к войне позволяет понять политику памяти в РФ того или иного государства [3; 9].

Все названные выше тезисы одинаково излагались на всей территории СССР. В союзных республиках в общую ткань этого нарратива вплетались местные факты и события: количество Героев Советского Союза — представителей местных национальностей, количество призванных в армию и вклад трудящихся данной республики в общую победу. На тему войны снимались фильмы, издавались книги, написанные как исследователями, так и участниками войны, проводились встречи ветеранов с молодежью. В республиканских институтах истории существовали специальные отделы по изучению войны. Накануне распада СССР повсеместно были созданы группы по изданию «Книг памяти», в которых приводились данные о каждом участнике войны. Героизация войны не оставляла иных, противоречащих официальной политике памяти трактовок этого периода.

Между тем существовала и параллельная, более горькая история этой войны в виде никем не учитываемых рассказов фронтовиков, в том числе и побывавших в германском плену и подвергшихся репрессиям после освобождения, а также тех фронтовиков, которые стали участниками национальных военных формирований Вермахта. Она существовала в форме воспоминаний представителей многочисленных депортированных народов, в виде художественной книги Некрасова «В окопах Сталинграда», о которой, в отличие от воспоминаний маршала Г. Жукова «Воспоминания и размышления», мало кто знал. Существовала и зарубежная историография войны, в которой говорилось и о том, что накануне войны не только Германия, но и Советский Союз были признаны мировым сообществом странами-агрессорами и исключены из Лиги Наций, и о том, что между этими странами был подписан договор и секретное приложение к нему, получившие название «Пакт Риббентропа-Молотова». Конечно, об этом в усеченной форме говорилось и в советских учебниках, но эти действия признавались как вынужденные, а зарубежная трактовка определялась как фальсификация. Одним из первых, кто попытался опровергнуть советскую трактовку войны, как известно, был бывший разведчик В. Суворов (Резун), но он официально был признан изменником, а его работы, соответственно, фальшивкой.

В период перестройки, которую можно в соответствии с семиотическими разработками Ю.М. Лотмана охарактеризовать как «взрыв», происходит переосмысление многих проблем исторической науки. В частности, были подняты вопросы о крайне неудачном для Советского Союза начале войны, о численности потерь в войне, о количестве наших пленных и о том, было ли на самом деле внезапным нападение на СССР [4].

Начавшийся вслед за перестройкой распад Советского Союза и образование новых независимых государств характеризовались новым повышением семиотичности, поскольку речь шла о смене культур. В сфере истории этот процесс можно охарактеризовать как ее национализацию, что вполне естественно, так как она всегда сопровождает строительство новых наций и государств. Этот процесс очень хорошо и подробно исследован такими классиками теории национализма, как Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, Э. Смит и другие. В российской историографии, посвященной этому вопросу, следует отметить в первую очередь многочисленные работы В. Шнирельмана и В. Тишкова. В этот период появились и работы профессиональных историков, получивших доступ к некоторым, закрытым ранее фондам архивов (о полном открытии фондов нет речи и по сей день), но главное — получивших возможность ставить и решать ранее табуированные проблемы. И, конечно же, на смену канувшей в лету политике памяти, разработанной под оком «руководящей и направляющей силы», во всех новых независимых государствах возникла своя историческая политика.

Необходимо сказать несколько слов о том, как в РФ оцениваются события войны, какие формы меморизации получают развитие, с тем, чтобы сравнить это с соответствующими элементами политики памяти в государствах Центральной Азии.

Великая Отечественная война в политике памяти Российской Федерации

Если говорить о России, то Великая Отечественная война, как и в советский период, продолжает рассматриваться как одно из самых важных событий истории страны и занимает важнейшее значение в политике памяти [5]. В частности, гражданский «российский национальный проект», по мнению М.Ю. Тимофеева, масштабно конструировался в официальных СМИ в 2005 г., в связи с 60-летием Победы в Великой Отечественной войне, в рамках национально патриотического дискурса [6; 52]. Еще масштабней и более показательно этот проект реализовался в 2015 г., поскольку празднование 70-летия Победы проходило в условиях ухудшения российско-украинских отношений и санкций Запада.

В России, помимо ставших уже традиционными форм меморизации (Парад победы, встречи с ветеранами и их награждение и т. д.), появляются и новые формы изобретенной традиции – ношение георгиевских ленточек, марши «Бессмертного Полка» и др.

Особенностью политической позиции в отношении истории Второй Мировой войны и Великой Отечественной войны Советского Союза в Российской Федерации является то, что на государственном уровне запрещена любая попытка пересмотра событий и итогов II Мировой войны.

Великая Отечественная война в политике памяти в Казахстане

Казахстан является одним из самых последовательных сторонников дружбы и интеграции с РФ. Соответственно, в формирующейся политике памяти РК истории взаимоотношений с Россией придается большое значение, хотя прошлое уже не оценивается столь однозначно.

Прежде всего, отметим, что одной из характерных черт национальной казахской истории является ее героический облик. И всегда во главе народа, вдохновляя его на борьбу, стояли батыры, что отмечает исследователь Х. Йилмаз [7]. В истории Советского Казахстана герои-батыры были знаковыми фигурами. Казахи гордились тем, что по количеству Героев Советского Союза представители казахского народа занимали 6 место. Среди 96 фронтовиков-казахов, удостоенных этого высокого звания, был дважды Герой, летчик Т. Бегельдинов. Две девушки, Маншук Маметова и Алия Молдагулова — единственные представительницы народов Востока — стали Героями Советского Союза. Между тем, у казахов оставалось чувство обиды, поскольку широко было распространено мнение, что несколько человек, заслуживающих звания Героя, не были его удостоены. Прежде всего, это легендарный панфиловец, писатель, герой экранизированной повести А. Бека «Волоколамское шоссе» Бауржан Момышулы. В 1990 г., он был посмертно удостоен этого звания. Кроме того, казахстанцы посчитали, что несправедливо замалчивается имя и подвиг Р. Кошкарбаева, который вместе с красноармейцем Г. Булатовым водрузили знамя Победы на здании Рейхстага. Указом Президента в 1999 г. Р. Кошкарбаеву посмертно была присвоена высшая степень отличия Республики Казахстан — «Халық Қаһарманы» («Народный Герой»).

С восстановлением исторической справедливости связана и менее известная в республике история подвига Бейсекбаева. В конце 80-х годов XX в. стало известно о том, что на месте известного всей стране «огненного тарана» Н. Гастелло на самом деле был самолёт А. Маслова. В связи с этим родилась версия, что колонну вражеской техники таранил экипаж Маслова, а не Гастелло. Все члены экипажа, в том числе и Б. Бейсекбаев, были в 1996 г. посмертно награждены. В 1998 г. Б. Бейсекбаев был удостоен высшей награды Казахстана «Халық Қаһарманы» [8].

Не забывают в Казахстане и других участников войны, имена которых были увековечены в «Книге Памяти». В день Победы повсеместно проходят марши «Бессмертного Полка», в которых принимают участие тысячи людей.

Все приведенные выше факты связаны не только с восстановлением исторической справедливости, но и привязывают национальную историю к наиболее известным, знаковым событиям Великой Отечественной войны, таким как оборона Москвы, первый таран вражеской колонны, водружение флага Победы на здании Рейхстага. Но наиболее известным событием войны, связанным с Казахстаном и Кыргызстаном, является подвиг дивизии генерала И.В. Панфилова, остановившей наступление германских войск под Москвой. В честь подвига 28 героев-панфиловцев, принявших неравный бой с танковой колонной, назван парк в центре г. Алматы. Здесь установлены памятники генералу И.В. Панфилову и Б. Момышулы. Здесь же находится и грандиозный монумент, изображающий панфиловцев, за спинами которых находится кремлевская стена и высечены слова политрука дивизии Клочкова: «Велика Россия, а отступать некуда, – позади Москва». Перед монументом находится Веч-

ный огонь. Таким образом, дивизия и ее подвиг были одним из символов вклада Казахстана в Победу. Неудивительно, что попытка пересмотра подвига панфиловцев вызвала негативную реакцию. Речь идет о заявлении директора Государственного архива РФ С. Мироненко о том, что история о 28 героях-панфиловцах является выдуманным в советское время мифом [9]. Вскоре после этой шумевшей истории казахстанским историкам и архивным работникам удалось найти доказательства того, что подвиг 28 панфиловцев под Москвой был на самом деле [10]. Историк Д. Легкий, размышляя о том, что стоит за попыткой пересмотреть историю войны, дает высокую оценку международному молодежному проекту «Вахта памяти», в котором большое внимание уделяется подвигу панфиловцев [11].

Общая история достаточно подробно освещается в учебнике по истории Казахстана для вузов. В разделах, посвященных войне, наряду с традиционными сюжетами, говорится и о депортированных народах, о Туркестанском легионе и о планах Гитлера в отношении Казахстана [12; 227–234].

Недостаточно полно освещается история войны в школьных учебниках. Из сферы внимания авторов учебника по истории Казахстана за 2007 г. Великая Отечественная война практически выпала. Она сведена практически только к разделу «Политика депортации в годы Великой Отечественной войны» объемом в треть страницы [13]. Проблема недостаточного освещения войны в учебниках была поднята на государственном уровне [14]. В последнее время в связи с пересмотром учебной программы по историческим предметам данная тема нашла свое отражение в более широком плане.

Меморизация войны достигается не только учебниками, но и при помощи иных средств, таких как увековечивание подвигов героев, воплощение их в камне и бронзе. В советский период было воздвигнуто немало памятников наиболее выдающимся участникам войны по всей стране. Но в постсоветский период во многих республиках бывшего Союза памятники героям были демонтированы. Так было не только в прибалтийских государствах, но и в соседнем Узбекистане, где, например, было старательно уничтожено все, что напоминало о генерале Сабире Рахимове, который по различным свидетельствам являлся не узбеком, а казахом. Видимо, по этой причине памятники Рахимову были открыты в различных городах Казахстана [14]. Следует также отметить, что после смены руководства в Узбекистане и прихода к власти Ш. Мирзиёева отношение к Великой Отечественной войне резко изменилось. В частности, памятник Шамахмудову и его жене, приютивших в годы Великой Отечественной войны 15 детей разных национальностей, ранее демонтированный, вновь перенесут в центр Ташкента и установят в парке Дружбы народов [15].

Кроме существовавших ранее памятников, были установлены и новые, в том числе Героям Советского Союза А. Молдагуловой и М. Маметовой, Б. Момышулы. Принято решение об увековечивании памяти Р. Кошкарбаева. Также имя легендарной летчицы Хиуаз Каировны Доспановой, воевавшей в составе полка ночных бомбардировщиков, легендарных «ночных ведьм», было присвоено различным объектам в республике [16].

Но если в Казахстане и Узбекистане сложилось столь разное отношение к памятникам, то в отношении к георгиевской ленте можно найти больше сходства. Часть общества воспринимает ее, особенно после украинских событий, как знак имперскости и предлагает ввести свою ленту [15]. Действительно, решение о собственной ленте было принято, но она не смогла конкурировать с лентой георгиевской. «Мне очень не нравится, что гвардейской лентой у нас пытаются расколоть общество» – резюмирует член Коммунистической Народной партии Казахстана, депутат Мажилиса Парламента А. Конуров [17].

Спор о георгиевской ленте отражает попытку создания национальной версии общей истории. В эту новую историю вписываются страницы, о которых ранее не принято было говорить, в частности речь идет о Туркестанском легионе. Показательна история с журналом «Аңыз Адам» («Человек-легенда»). Номер 8 (92) за 2014 г. был посвящен Адольфу Гитлеру. На обложке была помещена крупным планом его фотография. Сбоку было изображение раздираемой свастики, слева находилась фотография А. Гитлера, произносящего речь. На задней стороне обложки – фотография солдата, водружающего знамя на куполе Рейхстага. Таким образом, на обложке можно четко выделить два текста, организованных по принципу бинарной оппозиции. Двум крупным фотографиям фюрера противостоят одна маленькая, символически изображающая крах Третьего Рейха, и одна крупная фотография, но помещенная сзади. Несопоставимость масштабов (большой/маленький) и расположение (вперед/сзади), определяют семиотический статус текстов, формируя идею о симпатии издателя и редакции к Гитлеру и нацизму. Такое восприятие, а также необычность того, что на обложке можно поместить фотографию человека, воплощавшего фашизм, и того, что название журнала ассоциирует-

ся с положительными личностями, вызвало неоднозначную реакцию в обществе. В результате иска, последовавшего от граждан разных национальностей (большинство из которых не владело казахским языком и не могло оценить содержание материалов издания), состоявшийся вскоре суд приговорил главного редактора журнала к выплате крупного штрафа.

Но что стояло за решением издать данный номер? Представляется, что можно выделить две основные мотивирующие предпосылки. Первая, это естественное желание каждого журналиста, тем более издателя, любыми средствами поднять тираж издания. Как правило, это достигается публикацией «жареных» фактов и обращением к запретным темам. Последнее, видимо, лежит в основе второго мотива, – разобраться в «белых пятнах» войны. Действительно, авторы статей – это известные в республике специалисты по истории Германии и СССР в новейший период, политологи, ветераны войны; и характер их материалов, трактовка событий ничем не отличаются от сложившихся в советской историографии традиций и трактовок. Но необычным (помимо фото Гитлера) являлась попытка рассмотреть ту сторону «казахской» страницы истории войны, о которой мало что известно читательской массе и о которой не принято было говорить. Речь идет, во-первых, о высказывании Гитлера в его книге «Майн Кампф» о казахам, в которой он сказал, что необходимо этому кочевому народу дать возможность сохранять привычный для него образ жизни и хозяйствования. Во-вторых, в издании была помещена статья доктора исторических наук А. Кара о Туркестанском легионе. В советский период вся информация об этом добровольном формировании сводилась, пожалуй, к версии, изложенной в художественной книге «Падение Большого Туркестана» и к небольшому рассказу А. Алимжанова «Человек без лица» о судьбе бывшего легионера, потерявшего Родину и близких людей вследствие своего предательства. Именно предательством и ничем иным объяснялось существование этого и других аналогичных подразделений Вермахта и СС. В новых независимых постсоветских государствах, в том числе и в России, и в Казахстане, делаются попытки более глубоко разобраться в этой проблеме. Авторы некоторых публикаций в СМИ говорят не только о том, что многие военнопленные вступали в легион в надежде получить оружие и перейти на сторону Красной Армии, но и том, что среди них было немало тех, кто не видел ничего хорошего от Советской власти. Поэтому нужно ставить вопрос: не за кого, а против кого воевал легион [18].

В СМИ время от времени публикуются воспоминания легионеров, их фотографии, но в обществе продолжает сохраняться достаточно настороженное отношение и к этой теме, и к немногим, оставшимся в живых легионерам. Кроме того, большая часть усилий исследователей направлена не сколько на изучение собственно истории легиона, хотя на эту тему появилось достаточно много публикаций, сколько на изучение наследия и берлинской страницы жизни видного политического деятеля Мустафы Шокая, которого принято считать создателем легиона.

Таким образом, отношение к войне в Казахстане демонстрирует наличие различных точек зрения, но в политике памяти преобладает советская концепция истории войны. Это демонстрируется при помощи самых различных знаковых средств, в том числе и визуальных. Так, Президент Казахстана Н.А. Назарбаев присутствовал на Параде Победы в Москве не только в 2015 г., когда отмечалось 70-летие Победы, но и в 2016 г., когда на трибуне он был единственным высшим государственным лицом иностранной державы. В Казахстане, как и в России, получили развитие такие классические формы меморизации, как установление новых памятников героям войны и такие новые формы, как «Бессмертный полк». В то же время имеют место и попытки переосмысления войны в контексте национальной истории.

Список литературы

- 1 Лотман Ю.М. О семиотическом механизме культуры / Ю.М. Лотман // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. — СПб.: Искусство-СПб, 1998. — С. 485–503.
- 2 Краткая история СССР: [в 2-х ч.]. — Ч. 2. / под ред. Н.Е. Носова. — Л.: Наука, 1972. — 764 с.
- 3 Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств. — М., 2009. — 389 с.
- 4 Горов В.Я. 1941–1945. На подступах к истине / В.Я. Горов, А.М. Самсонов // Историки спорят. 13 бесед. — М.: Политиздат, 1988. — С. 304–334.
- 5 Колесников А. Знание истории, или историческая политика [Электронный ресурс] / А. Колесников. — Режим доступа: <http://carnegie.ru/2016/08/17/ru-64344/j3p6>. (дата обращения: 1.07.2018).
- 6 Тимофеев М.Ю. Нациосфера. Опыт анализа семиосферы наций / М.Ю. Тимофеев. — Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2005. — 280 с.

- 7 Yilmaz Harun. The Soviet construction of Kazakh batyrs // Social and Cultural Change in Central Asia. The Soviet legacy / Ed. by Sevket Akyildiz and Richard Carlson. — London and New York: Routledge. — P. 45–62.
- 8 Бейсекбаев Бактыораз (1920–1941 гг.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.tarih.spring.kz/ru/history/war/figures/beysekbayev_baktyoraz/ (дата обращения: 30.08.2018).
- 9 Обухов А. Уволен директор Госархива, разоблачивший миф о героях-панфиловцах [Электронный ресурс] / А. Обухов. — Режим доступа: <http://www.mk.ru/social/2016/03/16/uvolen-direktor-gosarkhiva-razoblachivshiy-mif-o-geroyakhpanfilovcakh.html> (дата обращения: 22.07.2016).
- 10 Жакеев М. Казахстанские архивисты доказали: подвиг 28 панфиловцев под Москвой был в действительности [Электронный ресурс] / М. Жакеев. — Режим доступа: <http://www.inform.kz/rus/article/2826688> (дата обращения: 10.07.2018).
- 11 Легкий Д. Память о войне как идеологическое оружие / Д. Легкий // Коммунист Казахстана. — 2016. — № 15 (424). — С. 11.
- 12 Кан Г.В. История Казахстана: учебник для вузов / Г.В. Кан. — Алматы: Алматы китап баспасы, 2013. — 304 с.
- 13 Турлыгул Т. История Казахстана (Важнейшие периоды и научные проблемы): учеб. для 11 класса естеств.-мат. направ. общеобразовательных школ / Т. Турлыгул, С. Жолдасбаев, Л. Кожакеева. — Алматы, 2007. — 218 с.
- 14 Имя прокурора вместо имени генерала [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rus.azattyq.org/content/general-sabir-rakhimov-uzbekistan/27440906.html>. 12.2015 (дата обращения: 22.07.2016).
- 15 Монумент Дружбы народов вернут в центр Ташкента [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mir24.tv/news/16039469/monument-druzhby-narodov-vernuto-v-centr-tashkenta> (дата обращения: 14.12.2018).
- 16 Хиуаз Доспанова: биография [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.peoples.ru/military/aviation/hiyaz_dospanova/ (дата обращения: 14.12.2018).
- 17 Никитина М. «Не стоит рвать общество на ленточки» / М. Никитина // Коммунист Казахстана. — 2016. — № 15(424). — С. 11.
- 18 Нурмуханбетов М. Кто и зачем реабилитирует тему казахских «легионеров» времен второй мировой? [Электронный ресурс] / М. Нурмуханбетов. — Режим доступа: <http://camonitor.kz/22488-kto-i-zachem-segodnya-reabilitiruet-temu-kazahskih-legionerov-vremen-vtoroy-mirovoy.html> (дата обращения: 1.07.2016).

А.А. Галиев, А.Ж. Мырзахметова

Қазақстан және Ресей Федерациясы естелік саясатындағы Ұлы Отан соғысы

Мақала Ұлы Отан соғысын еске алудың екі мемлекет: Ресей Федерациясы мен Қазақстан Республикасының қазіргі саясатында көрініс беру мәселесіне арналған. Тәуелсіздік алғаннан кейін әрбір мемлекет өзіне тән негізгі тарихи оқиғаларды айқындап, олардың бейнесінде ұлт қалыптастыру концепті құрылады. Кеңес уақытында бір ел және ортақ жеңіс болғандықтан, ерекше мәселелер туындаған жоқ еді. КСРО ыдырағаннан кейін ғылыми айналымға жаңа құжаттардың енуіне байланысты, бұл концепция күмән тудырды. Соғыс дайындығына және оның барысына байланысты көптеген фактілер қайта қарастырылды. Барлық тәуелсіз мемлекеттерде тарихтың ұлттық нұсқалары пайда болып, онда кеңестік оқулықтарда айтылмаған көптеген сюжеттер мен фактілер көрініс тапты. Осы нұсқаларды талдау бұрынғы Кеңес Одағы мемлекеттерінің саяси конструкциялау факторлары мен есте сақтау саясатын түсінуге көмектеседі. Авторлар Қазақстанда соғысқа қатысты түрлі көзқарастың бар екенін мойындап, бірақ еске алу саясатында соғыс тарихының кеңестік тұжырымдамасы басым деген қорытындыға келеді.

Кілт сөздер: Ұлы Отан соғысы, тарих оқулығы, Қазақстан, Ресей, еске алу саясаты, тарих мифологиясы, Түркістан легионы.

A.A. Galiev, A.Zh. Myrzakhmetova

The Great Patriotic War in the politics of memory in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan

The article is devoted to the problem of reflecting the Great Patriotic War in the modern politics of the memory of two states: the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. After obtaining independence, each state determines for itself the key historical events, on the reflection of which the concept of nation-building is built. In Soviet times, there were no special problems, as there was one country and one victory for all. After the collapse of the USSR, this concept began to be questioned, since new documents were introduced into scientific circulation. Many facts related to the preparation for the War and its course were reinterpreted. In all new independent states national versions of history began to emerge, reflecting many plots and facts that were not mentioned in Soviet textbooks. An analysis of these versions helps to understand the political factors of design and the memory policy of the states of the former Soviet Union. The authors

come to the conclusion that the attitude to the War in Kazakhstan demonstrates the presence of different points of view, but the Soviet concept of the history of the War still prevails in the politics of memory.

Keywords: Great Patriotic War, history textbook, Kazakhstan, Russia, memory policy, myth, mythization of history, Turkestan Legion.

References

- 1 Lotman Yu.M. (1998). *O semioticheskom mehanizme kulturny o da [On the semiotic mechanism of culture]*. Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPb [in Russian].
- 2 Kratkaia istoriia SSSR (1972). [A Brief History of the USSR]. (Part 2). Moscow: Nauka [in Russian].
- 3 Osveschenie obschei istorii Rossii i narodov postsovetsskikh stran v shkolnykh uchebnikakh istorii novykh nezavisimykh gosudarstv (2009). [Coverage of the general history of Russia and the peoples of the post-Soviet countries in school textbooks of the history of the new independent states] [in Russian].
- 4 Gorov, V.Ya., & Samsonov, A.M. (1988). 1941–1945. Na podstupah k istine [1941–1945. On the outskirts of the truth]. *Istoriki sporyat*. 13 besed, 304–334. Moscow: Politizdat [in Russian].
- 5 Kolesnikov, A. (2018). Znanie istorii, ili istoricheskaiia politika [Knowledge of history or historical politics]. *carnegie.ru*. Retrieved from <http://carnegie.ru/2016/08/17/ru-64344/j3p6>. (the date of circulation: July 1, 2018) [in Russian].
- 6 Timofeev, M.Yu. (2005). *Natsiosfera. Opyit analiza semiosferyi natsiy [Nationsphere. Experience in analyzing the semiosphere of nations]*. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet [in Russian].
- 7 Sevket Akyildiz & Richard Carlson. (Eds.). Harun Yilmaz, The Soviet construction of Kazakh batyrs. Social and Cultural Change in Central Asia. The Soviet legacy. – London and New York: Routledge.
- 8 Beysekbaev B. (1920–1941 gg.) [(1920–1941)]. *tarih.spring.kz* Retrieved from http://www.tarih.spring.kz/ru/history/war/figures/beysekbaev_baktyoraz/ (appeal date: 30.08.2018) [in Russian].
- 9 Obuhov, A. Uvolen direktor Hosarhiva, razoblachivshii mif o heroikh-panfilovtsakh [Director of the State Archive dismissed, who exposed the myth of the heroes of Panfilov]. *mk.ru*. Retrieved from <http://www.mk.ru/social/2016/03/16/uvolen-direktor-gosarkhiva-razoblachivshiy-mif-o-geroyakhpafilovtsakh.html> (appeal date: 07.22.2016) [in Russian].
- 10 Zhakeev, M. Kazakhstanskii arkhivisti dokazali: podvih 28 panfilovtsev pod Moskvoi byl v deistvitelnosti [Kazakhstan archivists have proved: the deed of 28 Panfilovites near Moscow was in reality]. *inform.kz*. Retrieved from <http://www.inform.kz/rus/article/2826688> (access date: 07.10.2018) [in Russian].
- 11 Legkiy, D. (2016). Pamiat o voine kak ideolohicheskoe oruzhie [Memory of war as an ideological weapon]. *Kommunist Kazakhstana – Communist of Kazakhstan*, 15 (424), 11 [in Russian].
- 12 Kan, G.V. (2013). *Istoriia Kazakhstana [History of Kazakhstan]*. Almaty: Almatykitap [in Russian].
- 13 Turlygul T., Zholdasbaev S., & Kozhakeeva L. (2007). *Istoriia Kazakhstana (Vazhneyshie periody i nauchnye problemy) [History of Kazakhstan (The most important periods and scientific problems)]*. Almaty [in Russian].
- 14 Imia prokurora vmesto imeni henerala [The name of the prosecutor instead of the name of the general]. *rus.azattyq.org*. Retrieved from <http://rus.azattyq.org/content/general-sabir-rakhimov-uzbekistan/27440906.html>.12.2015 (appeal date: 07.22.2016) [in Russian].
- 15 Monument Druzhby narodov vernut v tsentr Tashkenta. *mir24.tv* – Retrieved from <https://mir24.tv/news/16039469/monument-druzhby-narodov-vernut-v-centr-tashkenta> (contact date: 12/14/2018) [in Russian].
- 16 Khiuz Dospanova: biography. *peoples.ru*. Retrieved from http://www.peoples.ru/military/aviation/hiyaz_dospanova/ (appeal date: 12.14.2018) [in Russian].
- 17 Nikitina, M. (2016). Ne stoit rvat obschestvo na lentochki [Do not tear the society on ribbons]. *Kommunist Kazakhstana – Communist of Kazakhstan*, 15 (424), 11 [in Russian].
- 18 Nurmuhambetov, M. Kto i zACHEM rehabilitiruet temu kazahskikh «lehionerov» vremen vtoroi mirovoi? [Who and why is rehabilitating the topic of the Kazakh «legionaries» of the Second World War?]. *camonitor.kz*. Retrieved from <http://camonitor.kz/22488-kto-i-zachem-segodnya-rehabilitiruet-temu-kazahskikh-legionerov-vremen-vtoroy-mirovoy.html> (appeal date: 07.01.2016) [in Russian].

S.V. Yeleuhanova, A.D. Utebayeva

*Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan
(E-mail: eleuxanova62@mail.ru)*

Women of Kazakhstan during the Great Patriotic War: Soviet historiography (1970–1980s)

The article is devoted to the analysis of study degree of the issues of participation of women of Kazakhstan in the Great Patriotic War in the Soviet historical science of the 1970s–1980s. The interrelation of all-union and regional historiography is traced. However, it is not an integral phenomenon. The authors focus on rethinking the accumulated Soviet historiographic experience of the women's participation in the War. The relevance of the study of the problem of Soviet historiography is associated with the growing interest in the study of the female theme in wartime. In this regard, there is a need to identify its achievements, shortcomings and unsolved problems. Particular attention is paid to the works that have made a significant contribution to the study of the women's issues. The historiography of the studied problem began to form during the War itself and by the early 1970s had accumulated considerable historical baggage. The period of 1970s–1980s is the period of the most active study of the military and labor feats of women of the wartime. Of the women's theme in the War becomes independent. Historical publications on the period of 1941–1945 are conditionally divided into two groups: the works of a general nature that touch upon the female aspect in the War; special work on the military, labor and socio-political activities of the women during the War. The authors come to the conclusion that the women's issues were developed in the general context of the official concept of the Great Patriotic War and the content of the research is largely determined by politics and ideology. During the reviewed period, no generalizing studies appeared, giving a holistic picture of the women's military and rear everyday life.

Keywords: soviet historiography, Great Patriotic War, Kazakhstan, military everyday life, women's theme in War, women's issues.

The study of the history of War has always belonged to the leading areas of research in the Soviet historiography. Suffice it to say that almost 16 thousand of books, brochures, scientific and popular science articles were published on the history of the Great Patriotic War during the of 1945–1970 [1; 16]. However, to date the history of the participation of women of Kazakhstan in the Great Patriotic War remains poorly researched and relevant. The first studies appeared in the War years. Fundamental, factual and digital materials are contained in the fundamental works on military topics, and individual issues of the women's participation in the war are considered as well [2]. None of the editions has a special section dedicated to the women's theme in the War. Soviet scientists were little attracted to the gender aspects of military history.

The scientific literature on the War, published in the period of the 1970s–1980s, is characterized by new qualitative indicators. The Soviet historiography of this time is characterized by the curtailing of the criticism of the «personality cult», the preservation of censorship bans on the discussion of the most acute subjects. The concept of the history of the Great Patriotic War was somewhat adjusted within the framework of that time, that later became known as the period of stagnation. Historians attached the main importance to showing the decisive role of the Communist Party, glorifying the front and labor feat of the Soviet people [3; 2]. The women's issues were developed in the general context of official approaches. Thus, a course of studying the problem of the «women and war» was set in the official essay «The Great Patriotic War»: «The Soviet women played an invaluable role in the implementation of the military-economic program of the party. They mastered difficult professions and replaced their husbands, sons, and brothers who went to the front. Glorious patriots of the Motherland became the leading force in plants, factories, in agriculture» [3; 91].

Valuable generalizing data of the all-union character on the participation of the women in the Great Patriotic War, contained in the works of Yu.V. Arutyunyan, V.A. Anfilov, V.M. Savelyev, V.G. Yeregin, A.V. Mitrofanova [4], etc., fit into the designated paradigms. And yet as the Russian researcher O.N. Nikonova accurately noted: «*It was Brezhnev's rule*» that was remarkable because for the first time in the USSR, the «*feminine*» memory of the War gained the right to life. Thus, the women at the state level were included in the memorial culture of the War» [5]. Thus, the studies of the leading specialists in the field of the women's war years — V.S. Murmantseva [6], N.I. Kondakova, F.I. Kochneva, A.I. Polskaya [7] laid the foundation for studying the topic in certain regions of the country, made a breakthrough in posing and highlighting new problems in the study of the topic of the women in the War.

The increase of the number of the Soviet publications on the participation of the women in the Great Patriotic War by the mid-1970s was associated with the preparations for the celebration of the 30th anniversary of the Victory of the Soviet people in the fight against fascism. A significant contribution to the development of the studied problem was the monograph by V.S. Murmantseva «Soviet Women in the Great Patriotic War» [6]. This is the first comprehensive study that shows the picture of the labor and combat activities of the Soviet women in a generalized form. The author studied the motives that prompted the women to voluntarily join the army, determined the scale of mobilization of the female contingent in the Red Army and considered the order of their military service in the various kinds and types of troops. V.S. Murmantseva proved that the Soviet women mastered almost all military professions and represented all army services on an equal basis with the men. The work is written on the all-union material, on the basis of the documents of the state, party and Komsomol organizations of the central and local archives, memoirs, newspaper and magazine articles. The work contains the material on the participation of the women of our region in the War.

Work on the women's issues appeared in some republics of the USSR [8]. The research in military history took a firm place in Kazakhstan historiography of the 1970–1980s, with its expanded problems. So, by 1970, two doctoral and 43 master's theses were defended in the history of the Great Patriotic War [9; 13]. The subjects of scientific works covered such issues as the activities of the party, the Komsomol, trade unions in the solution of the material and everyday issues of the population, the restructuring of the work of education, health, science and culture in the military conditions and others [10]. These touched upon the women's issue in passing, but practically nothing was said about the everyday difficulties experienced by the women.

The historiography of Kazakhstan was replenished with the large-scale studies by M.K. Kozybayev [11], T.B. Balakayev, K.S. Aldazhumanov [12], N.Ye. Yedygenov [13], K. Orazov [14], P.S. Belan [15] and others, who had a significant impact on the further development of the problem. P.S. Belan [15], T.B. Balakayev [16], N.Ye. Yedygenov [13] fruitfully engaged in the study of the participation of Kazakhstani people in hostilities, in the partisan movement. P.S. Belan, on the basis of the interviews with the participants in the War, attracting the extensive of archival material, wrote a series of books and pamphlets on the combat path of the divisions, regiments of individual battalions formed both in Kazakhstan and abroad. The work «Participation of Kazakhstan people in the final battles of the Great Patriotic War (January-May 1945)» [15] gives the names and describes the vivid examples of the heroism of women of Kazakhstan participating in the Berlin operation.

The collective work by P.S. Belan and N.Ye. Yedygenov «The Combat Commonwealth during the Patriotic War» [17] gave the names of the women of Kazakhstan who fought in the partisan movement. They showed some examples of the labor heroism of the Soviet women. T.B. Balakayev in his work «The Defense of the Conquests of the *Great October Revolution (1941–1945)*» [16] considered the role of the formed military units and formations on the territory of Kazakhstan and the Kazakhstani rear in defeating Nazi Germany. The text of the work mentioned the names of the Kazakh women, who were awarded the title of Hero of the Soviet Union, namely Manshuk Mametova and Aliya Moldagulova [16; 109]. The author noted the labor feats of the women, their contribution to the victory, but provided the workers of the rear in industry and agriculture only one small paragraph. The article by N.E. Yedygenov «Kazakhstan people in the enemy's rear» briefly highlighted the biographies and feats of the Kazakh women, Nurganym Baiseitova and Turgash Dzhumabayeva, who fought in the ranks of the Belarusian partisans [18; 179].

The role of the labor of the women of Kazakhstan in the national economy of the republic and at the front during the war years was reflected in the dissertation of V.I. Koval «The Glorious Way of Struggle and Victories: Women of Kazakhstan are the active builders of the new society» [19]. In the work by M.K. Kozybayev, «The Great Friendship is Strong» [20], the theme of the labor achievement of the Soviet women in the war years was touched upon. The monograph by M.K. Kozybayev «Kazakhstan is the arsenal of the front» [11] gave the numerous examples of the selfless labor of the women in agriculture. The article by M.K. Kozybayev «The Inspirer of the Great Victory» contained some fragments of the description of the women's labor activity in the rear [21]. The author reflected the names of the women who were the foremost people in industry and agriculture of Kazakhstan.

The work by M.Kh. Asylbekov «Formation and development of the personnel of the railway workers of Kazakhstan (1917–1970)» [22] showed the dedicated work of transport workers, it was written on the basis of the data already known or first introduced into the scientific circulation. The scientist cited the convincing

statistical data on the changes in the composition of railway workers by attracting girls and women to the ranks of the workers in the industry during the Great Patriotic War.

The monograph by T.B. Balakayev «The collective-farm peasantry of Kazakhstan during the Great Patriotic War of 1941–1945» [9] contained a large amount of factual material that revealed the dynamics of collective-farm production in Kazakhstan during the War. The role of the women in agriculture was highlighted in a special section «Women are the main force of collective-farm production». It described the difficulties that had fallen to the lot of the collective farmers of the republic and the ways to overcome them. The book contained the statistical, reporting, information and propaganda material of those years, as well as the memories of the women who were the foremost people in agricultural production and the active participants of the labor front.

The monograph by O.S. Seksenbayev «State farms construction in Kazakhstan: 1938–1953» [23] covered the problems of state farms making agriculture developing, the labor feat of the collective farm peasantry, including the war years. The study reflected the organizational and political work of the party-state bodies of the country in the training of the women's mass specialties, that was supported by the examples and statistical indicators. The collection «Leninsky Komsomol of Kazakhstan: (in figures and facts)» [24] was devoted to the brief history of the Republican Komsomol organization with a special section «Women in the composition of the Komsomol of Kazakhstan». It provided the data on the number of the Komsomol girls in particular years of the war, as well as the increase of the female youth proportion in the organization.

The works by A.V. Potapov, N. Saprykin, V.P. Demidenko, A.K. Kanimkulov, M.A. Akimzhanov, Zh.I. Ishmurov [25], who chose the different regions of Kazakhstan during the War as the object of the research, reflected particular aspects of the Kazakhstan women's contribution to the victory.

The collection of letters «Frontal greetings to you, Kazakhstan!» [26] was published both in Kazakh and Russian languages by the 30th anniversary of the Victory in Kazakhstan. It included a little more than 300 letters collected from the family archives, also published during the war years in the pages of the republican, regional, district and front-line newspapers, in the pages of the «Letters from the Front» collection published in 1944. The work included the letters from girls of Kazakhstan. In the anniversary year, E.S. Segizbayeva's dissertation «The experience of the Communist Party of Kazakhstan on mobilizing the labor activity and ideological and political education of workers of aul and village during the Great Patriotic War (1941–1945)» [27] was defended, that in the 1970s became the only work devoted to the participation of the women in the rear of Kazakhstan in the Great Patriotic War. The author investigated the activities of the party organizations of the republic to involve the women in industrial and agricultural production, revealed the change of the number of women of Kazakhstan in various sectors of the economy in different periods of the War.

General results of the painstaking and hard work of Kazakhstan historians of the period of 1970 — the first half of the 1980s on the history of the Great Patriotic War, that, one way or another, covered the participation of the women in the War, turned out to be quite significant. The works were focused on the participation of the women in the combat operations at the front and in the partisan detachments, various patriotic initiatives, as well as in the work in the Soviet rear, but none of them was concentrated on the difficulties of everyday life in the extreme wartime conditions. All works were written in the party history tendency, that led to the decrease of the historical research level. A lot of white spots and unresolved issues were available in the study of this problem.

During the reconstruction period, the topic of the War attracted the reasonable attention of various researchers. By the mid-1980s the Soviet historiography on the War had 20 thousand publications [28]. A certain place was occupied by the studies on the participation and contribution of the Soviet women in the rear and at the fronts of the Great Patriotic War. «Reconstruction» penetrated all areas of historical knowledge, but the content changes in the study of the Great Patriotic War appeared only in the early 1990s. Initially, the revision of the views and reevaluations of this topic came from the side of journalism. The well-established approaches to the coverage of the problem remained in the Soviet historiography until the end of the 1980s. The works of the recognized specialists in the women's issues were published, namely the works by V.S. Murmantseva, V.Ya. Galagan, L.P. Ovchinnikova, V.I. Vanshina [29]. The authors relied on a wide documentary base, systematized and generalized the research on the issue of the women's participation in the Great Patriotic War.

The studies of the Soviet Kazakhstan scientists on the women's issues of the war period were carried out on the basis of the established approaches. The historical science of Kazakhstan still did not cast doubt

on the «party spirit» principles of the historical knowledge and Marxist-Leninist doctrine. At the same time, the «reconstruction» of the historical science was conceived through the «objective and scientific» consideration of the history of the War, and not for the search of new methodological and theoretical approaches. In Kazakhstan there were no serious scientific studies [30] that did not fit into the official concept of the War until the end of the 1980s. The studies on the participation of the women of Kazakhstan in the Great Patriotic War were presented mainly in the form of the articles in commemorative collections devoted to the victory of the Soviet people. Thus, in the year of the 40th anniversary of the Victory, a number of studies and collections of articles were published in the republican publishing houses. The book entitled «Everything is for the front, everything is for the victory!» [31], popular and scientific in character, was published, covering the issues of restructuring the life of the republic on a military basis, mobilizing all forces and resources to fight the enemy, sending military units to the front, organizing general education, replacing personnel to the front, getting and locating the evacuated enterprises and population. It contained particular disjointed facts and examples of the women's participation in industrial and agricultural production, in the national patriotic movement to assist the front, and their photographs as well.

The collection «Aliya» was devoted to the life, combat activities and heroism of the Hero of the Soviet Union, Aliya Moldagulova. It contained the significant archival material, the memories in the form of essays and the articles of the relatives, friends, the Leningrad orphanage mates, fellow soldiers, as well as the essays and articles [32]. A.D. Bukeshev's brochure «Our Aliya» [33] described the hero's combat path. A.I. Khalimuldina's (Prokopenko) essay «Manshuk's finest hour» was based on the memory lane of the War veterans about Manshuk Mametova, the Hero of the Soviet Union [34].

The monograph by G.D. Nurbekova «Women of Kazakhstan — to the front: the labor feat of the women of Kazakhstan in the industry and agriculture of the republic during the Great Patriotic War» [35] was devoted directly to the women's rear themes. The author showed the Kazakhstan women's participation in the leading sectors of the economy during the War. On the basis of the factual material, the work highlighted the issues of the women's participation in the national patriotic movement to assist the front and disclosed the forms and methods of the party leadership in the women's collectives at the industrial enterprises, as well as in the collective and state farms. Using the documents of the central and local archives, the author showed the labor and combat heroism of women of Kazakhstan at all stages of the war.

Summing up the historiographic review of the participation of women of Kazakhstan in the Great Patriotic War, it should be stated that in the 1970–1980s the study of the problem in the USSR developed rather inconsistently. The number of the scientific works increased significantly, their issues were expanded, and a large stock of the factual knowledge was accumulated. A large range of the factual data was entered into the scientific circulation, however, the level of generalization of the material in the works was different, as it was noted in the historiographic reviews. In some works, the issues were often listed rather than analyzed. With all the achievements of Kazakhstani science, the possibility of an objective scientific analysis was largely limited to the party monopoly on covering the history of the War as a whole. In the presence of the certain developments on the participation of the women of Kazakhstan in the Great Patriotic War, no special monographs and dissertations of a generalizing nature appeared during the period under review. Despite these shortcomings, the studies of the Soviet scientists of the 1970–1980s, devoted to the female aspect of the War, laid the foundation for the problem being studied in the modern historiography of Kazakhstan.

The article was prepared in the framework of the research project under grant No. 1992-I-19 «The Great Patriotic War and the women of Kazakhstan on the front and rear: women's stories and everyday life».

References

- 1 Историография Великой Отечественной войны. — М.: Наука, 1980. — 287 с.
- 2 История второй мировой войны 1939–1945 гг.: [в 12 т.]. — М., 1973–1982.; Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Воениздат, 1984. — 560 и др.
- 3 Великая Отечественная война: Краткий научно-популярный очерк. — М., 1970. — 638 с.
- 4 Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны / Ю.В. Арутюнян. — М., 1970. — 466 с.; Анфилов В.А. Бессмертный подвиг: Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах / В.А. Анфилов. — М.: Наука, 1971. — 543 с.; Савельев В.М. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне

/ В.М. Савельев, В.П. Саввин. — М.: Мысль, 1974. — 285 с.; Еремин В.Г. Молодежь в годы Великой Отечественной войны / В.Г. Еремин, П.Ф. Исаков. — М., 1977. — 261 с.; Митрофанова А.В. Рабочий класс Казахстана в годы Великой Отечественной войны / А.В. Митрофанова. — М., 1985. — 575 с.

5 Никонова О.Н. Женщина, война и «фигура умолчания» [Электронный ресурс] / О.Н. Никонова. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2>

6 Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне / В.С. Мурманцева. — М., 1974. — 270 с.

7 Кондакова Н.И. Трудовой подвиг советских женщин в годы Великой Отечественной войны / Н.И. Кондакова // Великая Победа советского народа. 1941–1945. — М., 1976. — С. 401–411.; Кочнева Ф.И. КПСС — организатор патриотического подвига женщин в период Великой Отечественной войны (на материалах Ставропольского края): дис. ... канд. ист. наук / Ф.И. Кочнева. — М., 1973 — 206 с.; Польская А.И. КПСС — организатор трудовых подвигов советских женщин в годы Великой Отечественной войны (на материалах РСФСР): дис. ... д-ра ист. наук / А.И. Польская. — Астрахань, 1972. — 205 с.

8 Ануфриенко Г.П. Партийное руководство подготовкой женских рабочих кадров на Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / Г.П. Ануфриенко // Сб. тр. Магнитогорского горно-металлургического ин-та. Вып. 127. — Магнитогорск, 1973. — С. 44–52; Моховикова А.Е. Трудовой вклад женщин в промышленность Восточной Сибири (1941–1945) / А.Е. Моховикова. — Томск, 1975. — 276 с. и др.

9 Балакаев Т.Б. Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Т.Б. Балакаев. — Алма-Ата, 1971. — 478 с.

10 Сулейменов Р.Б. Ленинские идеи культурной революции и их осуществление в Казахстане / Р.Б. Сулейменов. — Алма-Ата, 1972. — 495 с.; Козыбаев М.К. Вклад советских ученых в дело Победы / М.К. Козыбаев // Изв. АН КазССР. Сер. общ. наук. — 1980. — № 3. — С. 36–43.; Балакаев Т.Б. Деятельность Казахского филиала Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны / Т.Б. Балакаев, А.К. Бисембаев // Вестн. АН КазССР. — 1983. — № 11. — С. 51–56. и др.

11 Козыбаев М.К. Казахстан — арсенал фронта / М.К. Козыбаев. — Алма-Ата, 1970. — 475 с.

12 Балакаев Т.Б. Историография Казахстана периода Великой Отечественной войны / Т.Б. Балакаев, К.С. Алдажуманов // Актуальные проблемы истории Советского Казахстана. — Алма-Ата, 1980. — С. 113, 141.

13 Едыгенов Н.Е. Участие казахстанцев в партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / Н.Е. Едыгенов. — Алма-Ата: Наука, 1972. — 272 с.

14 Оразов К. Рабочий класс Казахстана в Великой Отечественной войне / К. Оразов. — Алма-Ата, 1975. — 250 с.

15 Белан П.С. Участие казахстанцев в завершающих сражениях Великой Отечественной войны (январь-май 1945 года) / Отв. ред. Т.Б. Балакаев. — Алма-Ата: Наука, — 1979. — 191 с.

16 Балакаев Т.Б. Защита завоеваний Великого Октября (1941–1945) / Т.Б. Балакаев // Великий Октябрь в Казахстане / Академия наук Казахской ССР Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. — Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1977. — С. 98–120.

17 Белан П.С. Боевое содружество в годы Отечественной войны / П.С. Белан, Н.Е. Едыгенов // Казахстан в нерушимом Союзе братских республик: к 50-летию образования СССР / АН КазССР, Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. — Алма-Ата, 1972. — С. 205–248.

18 Едыгенов Н.Е. Казахстанцы в тылу врага / Н.Е. Едыгенов // Всегда начеку/ Сост. И.И. Петров. — Алма-Ата, 1971. — С. 168–180.

19 Коваль В.И. Славный путь борьбы и побед: Женщины Казахстана — активные строители нового общества: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.И. Коваль. — Алма-Ата, 1978. — 20 с.

20 Козыбаев М.К. Дружбой великой сильны / М.К. Козыбаев — Алма-Ата: Казахстан, 1972. — 416 с.

21 Козыбаев М.К. Вдохновитель великой победы / М.К. Козыбаев // Всегда начеку / Сост. И.И. Петров. — Алма-Ата: Казахстан, 1971. — С. 87–102.

22 Асылбеков М.Х. Формирование и развитие кадров железнодорожников Казахстана (1917–1970 гг.) / М.Х. Асылбеков / АН Каз ССР, Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1973. — 329 с.

23 Сексенбаев О.С. Строительство совхозов в Казахстане: 1938–1953 гг. / С.С. Сексенбаев. — Алма-Ата, 1974. — 184 с.

24 Ленинский комсомол Казахстана: (в цифрах и фактах) // Сост. К.С. Султанов, Л.Ю. Зайниева, Б.А. Каюпов и др. — Алма-Ата: Казахстан, 1981. — 135 с.

25 Потапов А.В. Гвардейцы фронта и тыла: Рудный Алтай в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / А.В. Потапов. — Алма-Ата: Казахстан, 1974. — 251 с.; Сапрыкин Н. Кустанайцы на фронте и в тылу: к 30-летию Победы. 1941–1945. / Н. Сапрыкин. — Кустанай, 1975. — 157 с.; Демиденко В.П. На земле, озаренной дружбой / В.П. Демиденко. — Алма-Ата: Казахстан, 1981. — 266 с.; Канимкулов А.К. Трудовые и ратные подвиги трудящихся Актюбинской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / А.К. Канимкулов. — Алма-Ата, 1980. — 176 с.; Акинжанов М.А. Трудовой подвиг колхозного крестьянства Западного Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / М.А. Акинжанов. — Алма-Ата, 1972. — 213 с.; Ишмуратов Ж.И. Трудовые подвиги и помощь фронту трудящихся Гурьевской области в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Ж.И. Ишмуратов. — Алма-Ата, 1971. — 302 с.

26 Фронтовой привет тебе, Казахстан!: сб. писем. — Алма-Ата: Казахстан, 1975. — 402 с.

27 Сегизбаева Э.С. Опыт Компартии Казахстана по мобилизации трудовой активности и идейно-политическому воспитанию тружениц аула и деревни в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Э.С. Сегизбаева. — Алма-Ата, 1975. — 32 с.

28 Морехина Г.Г. Партийное строительство в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг. / Г.Г. Морехина. — М., 1986 — 391 с.

29 Мурманцева В.С. Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор боевого и трудового подвига советских женщин в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / В.С. Мурманцева. — М., 1980. — 404 с.; Галаган В.Я. Ратный подвиг женщин в годы Великой Отечественной войны / В.Я. Галаган — Киев: Вища школа, 1986 — 304 с.; Овчинникова

Л.П. Женщины в солдатских шинелях / Л.П. Овчинникова. — Волгоград, 1987. — 272 с.; Ваньшина В.И. Ратный подвиг советских женщин в годы Великой Отечественной войны / В.И. Ваньшина. — Минск, 1986. — 119 с.

30 Коваль В.И. Историко-партийная наука в Казахстане / В.И. Коваль, В.П. Осипов. — Алма-Ата: Казахстан, 1988. — 198 с.; Балакаев Т.Б. Защита завоеваний Октября в Великой Отечественной войне (историография проблемы) / Т.Б. Балакаев, К.С. Алдажуманов // Великий Октябрь и социально-экономический прогресс Казахстана: Историография: опыт и проблемы / АН Каз ССР. — Алма-Ата, 1987. — С. 183–205.

31 Все для фронта, все для победы! — Алма-Ата: Казахстан, 1985. — 176 с.

32 Алия: Документы, воспоминания, статьи, очерки и другие документальные материалы о Герое Советского Союза Алие Молдагуловой / Сост. С. Аскараров. — Алма-Ата: Жалын, 1985. — 117 с.

33 Букушев А.Д. Наша Алия / А.Д. Букушев. — Алма-Ата, 1985. — 16 с.

34 Халимульдина (Прокопенко) А.И. Звездный час Маншук / А.И. Халимульдина (Прокопенко), А.К. Халимульдин. — Алма-Ата, 1985. — 400 с.

35 Нурбекова Г.Д. Женщины Казахстана — фронту: трудовой подвиг женщин Казахстана в промышленности и сельском хозяйстве республики в годы Великой Отечественной войны / Г.Д. Нурбекова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Алма-Ата, 1988. — 168 с.

С.В. Елеуханова, А.Д. Утебаева

Ұлы Отан соғысы жылдарындағы Қазақстандағы әйелдер: кеңестік тарихнама (1970–1980 жж.)

Мақала кеңестік тарих ғылымындағы 1970–1980 жж. Ұлы Отан соғысы жылдарындағы Қазақстандағы әйелдердің соғысқа қатысу мәселесін қарастыруға арналған. Мақалада жалпы одақтық және аймақтық тарихнаманың өзара байланысы байқалады. Сонымен қатар бұл тұтас айғақ емес. Басты назарды авторлар кеңестік тарихнамасындағы әйелдердің соғысқа қатысуы туралы мәліметтер жинақтауға арналған. Кеңес тарихнамасы мәселелерін зерттеудің өзектілігі соғыс уақытындағы әйелдер тақырыбын зерттеуге қызығушылықтың артуымен байланысты. Сол себепті оның жетістіктерін, кемшіліктерін және шешілмеген міндеттерін анықтау қажеттілігі пайда болды. Зерттеудегі басты назар әйелдер мәселесін қарастыруға бағытталған. Зерттелетін мәселенің тарихнамасы соғыстың басталу барысында қалыптасып, 1970 жж. басындағы елеулі тарихи жүктеме жинады. 1970–1980 жж. — соғыс уақытындағы әйелдердің жауынгерлік және еңбек ерлігін түпкілікті зерттеу кезеңі. 1941–1945 жылдар кезеңі бойынша тарихи жарияланымдар екі топқа бөлінеді: соғыстағы әйелдер аспектісі бойынша жалпы жұмыстар сипаттамасы; соғыстағы әйелдердің әскери еңбек және қоғамдық-саяси қызметі бойынша арнайы жұмыстар. Авторлар Ұлы Отан соғысындағы әйелдер мәселесі басты ресми тұжырымдамасынан және зерттеулердің мазмұнынан көп жағдайда саясат пен идеологияға негізделген деген қорытындыға келді. Қарастырылып отырған кезеңде әйелдердің әскери және тылдағы күнделікті өмірі туралы тұтас көрініс беретін жалпылама зерттеулер пайда болған жоқ.

Кілт сөздер: кеңестік тарихнама, Ұлы Отан соғысы, Қазақстан, әскери күнделікті өмір, соғыс жылдарындағы әйелдер тақырыбы, әйелдер мәселесі.

С.В. Елеуханова, А.Д. Утебаева

Женщины Казахстана в период Великой Отечественной войны: советская историография (1970–1980-е гг.)

Статья посвящена анализу степени изученности в советской исторической науке 1970–1980-х гг. проблемы участия женщин Казахстана в Великой Отечественной войне. Прослеживается взаимосвязь общесоюзной и региональной историографии. Вместе с тем она не является цельным феноменом. В центре внимания авторов — переосмысление накопленного советского историографического опыта женского участия в войне. Актуальность исследования проблемы советской историографией связана с возрастанием интереса к изучению женской темы в военное время. В связи с этим появилась потребность выявить её достижения, недостатки и нерешённые задачи. Особое внимание уделяется работам, которые внесли заметный вклад в изучение женской проблематики. Историография изучаемой проблемы стала формироваться в ходе самой войны и к началу 1970-х г. накопила значительный исторический багаж. 1970–1980-е гг. — период наиболее активного изучения ратного и трудового подвига женщин военного времени. Женская тема в войне становится самостоятельной. Исторические публикации по периоду 1941–1945 гг. условно разделяются на две группы: работы общего характера, где затрагивается женский аспект в войне; специальные работы по военной, трудовой и общественно-политической деятельности женщин в годы войны. Авторы приходят к выводу, что женская проблематика разрабатывалась в общем контексте официальной концепции Великой Отечественной войны и содержание исследований во многом обусловлены политикой и идеологией. В рассматриваемый пе-

риод не появилось обобщающих исследований, дающих целостную картину о женской военной и тыловой повседневности.

Ключевые слова: советская историография, Великая Отечественная война, Казахстан, военная повседневность, женская тема в войне, женская проблематика.

References

- 1 Istoriohrafia Velikoi Otechestvennoi voiny (1980) [The Great Patriotic War historiography]. Moscow [in Russian].
- 2 Istoriiia Vtoroi mirovoi voiny 1939–1945 (1973–1982) [The History of the Second World War, 1939–1945]. (Vols. 1-12). Moscow [in Russian]; Velikaia Otechestvennaia voina Sovetskogo Soiuz 1941–1945: Kratkaia istoriia. (1984) [The Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945: A Brief History]. Moscow: Voenizdat [in Russian].
- 3 Velikaia Otechestvennaia voina: Kratkii nauchno-populyarnyi ocherk (1970) [The Great Patriotic War: A brief popular science essay]. Moscow [in Russian].
- 4 Arutiunian, Yu.V. (1970). *Sovetskoe krestianstvo v hody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The Soviet Peasantry during the Great Patriotic War]. Moscow: [in Russian]; Anfilov V.A. (1971). *Bessmertnyi podviih: Vtoraia mirovaia voina v issledovaniiax, vospominaniiax, dokumentakh* [An immortal feat: World War II in research works, memoirs, documents]. Moscow: Nauka [in Russian]; Savel'ev, V.M. (1974). *Sovetskaia intelligentsiia v Velikoi Otechestvennoi voine* [Soviet intelligentsia in the Great Patriotic War]. Moscow: [in Russian]; Eremin V.G. (1977). *Molodezh v hody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Youth during the Great Patriotic War]. Moscow: [in Russian]; Mitrofanova, A.V. (1985). *Rabochii klass Kazakhstana v hody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The working class of Kazakhstan during the Great Patriotic War]. Moscow [in Russian].
- 5 Nikonova, O.N. Zhenshchina, voina i «fihura umolchaniia» [The Woman, war and «the figure of silence»]. *magazines.russ.ru*. Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2> [in Russian].
- 6 Murmanceva, V.S. (1971). *Sovetskie zhenshchiny v Velikoi Otechestvennoi voine* [The Soviet women in the Great Patriotic War]. Moscow [in Russian].
- 7 Kondakova, N.I. (1976). Trudovoi podviih sovetskikh zhenshchin v hody Velikoi Otechestvennoi voiny [The Labor feat of the Soviet women in the years of the Great Patriotic War]. *Velikaia Pobeda sovetskogo naroda. 1941–1945 – The Great Victory of the Soviet people. 1941–1945*. Moscow [in Russian]; Kochneva, F.I. (1973). KPSS — orhanizator patrioticheskogo podviiha zhenshchin v period Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh Stavropolskogo kraia) [The CPSU, the organizer of the patriotic feat of the women during the Great Patriotic War (on the materials of the Stavropol Territory)]. *Candidate's thesis*. Moscow [in Russian]; Pol'skaya, A.I. (1972). KPSS — orhanizator trudovykh podviihov sovetskikh zhenshchin v hody Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh RSFSR) [CPSU, the organizer of the labor exploits of the Soviet women during the Great Patriotic War (on the materials of the RSFSR)]. *Doctor's thesis*. Astrahan' [in Russian].
- 8 Anufrienko, G.P. (1973). Partiinoe rukovodstvo podgotovkoi zhenskikh rabochikh kadrov na Urale v hody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945) [Party leadership in preparing the female workers in the Urals during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Sbornik trudov Mahnitohorskogo horno-metallurhicheskogo instituta – Works collection of the Magnitogorsk Mining and Metallurgical Institute*, 127, 44–52. Magnitogorsk [in Russian]; Mohovikova, A.E. (1975). *Trudovoi podviih zhenshchinkolkhoznits Sibiri* [Labor contribution of the women to the industry of Eastern Siberia (1941 — 1945)]. Tomsk [in Russian].
- 9 Balakaev, T.B. (1971). *Kolkhoznoe krestianstvo Kazakhstana v hody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 hh.* [The collective farm peasantry of Kazakhstan in the years of the Great Patriotic War of 1941–1945]. Alma-Ata [in Russian].
- 10 Suleimenov, R.B. (1972). *Leninskie idei kulturnoi revoliutsii i ikh osushchestvlenie v Kazakhstane* [Leninist ideas of the cultural revolution and their implementation in Kazakhstan]. Alma-Ata [in Russian]; Kozybaev, M.K. (1980). Vklad sovetskikh uchenykh v delo Pobedy [The contribution of the Soviet scientists to the Victory]. *Izvestiia AN KazSSR. Seriiia obshchestvennye nauki – The Academy of Sciences of the Kazakh SSR publishing house. Social sciences series*, 3, 36–43 [in Russian]; Balakaev, T.B., & Bisenbaev, A.K. (1984). Deiatelnost nauchnykh uchrezhdenii i vysshikh uchebnykh zavedenii Kazakhstana v hody Velikoi Otechestvennoi voiny [The Activities of the Kazakh branch of the USSR Academy of Sciences during the Great Patriotic War]. *Vestnik AK KazSSR – Bulletin of the KazSSR AS*, 11, 51–56 [in Russian].
- 11 Kozybaev, M.K. (1970.) *Kazakhstan — arsenal fronta* [Kazakhstan, the front arsenal]. Alma-Ata [in Russian].
- 12 Balakaev, T.B., & Aldazhumanov, K.S. (1980). Istoriohrafia Kazakhstana perioda Velikoi Otechestvennoi voiny [Historiography of Kazakhstan during the period of the Great Patriotic War]. *Aktualnye problemy istorii Sovetskogo Kazakhstana – Actual problems of the history of Soviet Kazakhstan*, 113, 114. Alma-Ata [in Russian].
- 13 Edygenov, N.E. (1972). Uchastie kazakhstantsev v partizanskom dvizhenii v Belorussii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Participation of Kazakhstani people in the partisan movement in Belarus during the Great Patriotic War]. Alma-Ata: Nauka [in Russian].
- 14 Orazov, K. (1975). Rabochii klass Kazakhstana v Velikoi Otechestvennoi voine [The working class of Kazakhstan in the Great Patriotic War]. Alma-Ata [in Russian].
- 15 Belan, P.S. (1979). Uchastie kazakhstansev v partizanskom dvizhenii v Belorussii v hody Velikoi Otechestvennoi voiny (yanvar-mai 1945 hoda) [Participation of Kazakhstani people in the final battles of the Great Patriotic War (January-May 1945)]. Alma-Ata: Nauka [in Russian].
- 16 Balakaev, T.B. (1977). Zashchita zavoevanii Velikoho Oktiabria (1941–1945) [Protection of the conquests of the Great October Revolution (1941–1945)]. *Velikii Oktiabr v Kazakhstane. Akademiia nauk Kazakhskoi SSR Institut Istorii, Arkheologii i Etnohrafii imeni Ch.Ch. Valikhanova – Great October in Kazakhstan. Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Institute of History, Archeology and Ethnography n.a. Ch.Ch. Valikhanov*. Alma-Ata: Izdatelstvo «Nauka» Kazakhskoi SSR [in Russian].
- 17 Belan, P.S., & Edygenov, N.E. (1972). Boevoe sodruzhestvo v hody Otechestvennoi voiny [Fighting Commonwealth during the Patriotic War]. *Kazakhstan v nerushimom Soiuze bratskikh respublik: k 50-letiiu obrazovanie SSSR. AN Kaz SSR, Institut istorii, arkheologii i etnografii imeni Ch.Ch. Valikhanova – Kazakhstan in the indestructible Union of the fraternal republics: on the 50th*

anniversary of the USSR. Academy of Sciences of the Kazakh SSR, Institute of History, Archeology and Ethnography n.a. Ch.Ch. Valikhanov, 205–248. Alma-Ata [in Russian].

18 Edygenov, N.E. (1971). *Kazakhstanstsy v tylu vraga [The Kazakhstani population in the rear of the enemy]*. Alma-Ata [in Russian].

19 Koval, V.I. (1978). Slavnvi put borby i pobed: Zhenshchiny Kazakhstana — aktivnye stroiteli novoho obshchestva [Glorious way of struggle and victories: Women of Kazakhstan, the active builders of the new society]. *Candidate's thesis*. Alma-Ata [in Russian].

20 Kozybaev, M.K. (1972). *Druzhboi velikoi isilny [Friendship of a great strength]*. Alma-Ata [in Russian].

21 Kozybaev, M.K. (1971). *Vdokhnovitel velikoi pobedy [Great victory inspirer]*. Alma-Ata [in Russian].

22 Asylbekov, M.H. (1973). Formirovanie i razvitie kadrov zheleznodorozhnikov Kazakhstana [Formation and development of Kazakhstan railway workers personnel (1917–1970)]. *Akademiia Nauk Kaz SSR, Institut istorii, arkeolohii i etnografii imeni Ch.Ch. Valikhanova – Academy of Sciences of the Kazakh SSR, Institute of History, Archeology and Ethnography n.a. Ch.Ch. Valikhanov*, 329. Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR [in Russian].

23 Seksenbaev, O.S. (1974). *Stroitelstvo sovkhozov v Kazakhstane: 1938–1953 hh. [State farms formation in Kazakhstan: 1938–1953]*. Alma-Ata [in Russian].

24 Leninskii komsomol Kazakhstana: (v tsifrakh i faktakh) (1981) [Lenin Komsomol of Kazakhstan: (in figures and facts)]. Alma-Ata [in Russian].

25 Potapov, A.V. (1974). *Hvardeitsy fronta i tyla: Rudnyi Altai v hody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 hh. [Front and rear guardsmen: Rudnyi Altai during the Great Patriotic War 1941–1945]*. Alma-Ata: Kazakhstan [in Russian]; Saprykin, N. (1975). *Kustanaitsy na fronte i v tylu: K 30-letiiu Pobedy. 1941–1945 [Kostanay residents at the front and in the rear: On the 30th anniversary of the Victory. 1941–1945]*. Kostanay [in Russian]; Demidenko, V.P. (1981). *Na zemle, ozarennoi druzhboi [On the Earth, Illuminated by friendship]*. Alma-Ata: Kazakhstan [in Russian]; Kanimkulov, A.K. (1980). *Trudovye i ratnye podvihi trudiashchikhsia Aktiubinskoi oblasti v hody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 hh.) [Labor and military feats of the workers of the Aktobe region during the Great Patriotic War (1941–1945)]*. Alma-Ata [in Russian]; Akinzhanov, M.A. (1972). *Trudovoi podvih kolkhoznogo krestianstva Zapadnogo Kazakhstana v hody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 hh.) [Labor feat of the collective farm peasantry in Western Kazakhstan during the years of the Great Patriotic War (1941–1945)]*. Alma-Ata [in Russian]; Ishmuratov, Zh.I. (1971). *Trudovye podvihi i pomoshch frontu trudiashchihhsia Hurevskoi oblasti v period Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 hh.) [Labor exploits and assistance to the front of the working people of the Guriev region during the Great Patriotic War (1941–1945)]*. Alma-Ata [in Russian].

26 Frontovoi privet tebe, Kazakhstan!: Sbornik pisem (1975). [Frontline greetings to you, Kazakhstan!: Collection of letters]. Alma-Ata: Publishing House «Kazakhstan» [in Russian].

27 Segizbaeva, Eh.S. (1975). Opyt Kompartii Kazakhstana po mobilizatsii trudovoi aktivnosti i ideino-politicheskomu vospitaniiu truzhenits aula i derevni v hody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 hh.) [The experience of the Communist Party of Kazakhstan on the mobilization of labor activity and the ideological and political education of the workers of the aul and village during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Alma-Ata [in Russian].

28 Morekhina, G.G. (1986). *Partiinoe stroitelstvo v period Velikoi Otechestvennoi voini Sovetskogo Soiuz. 1941–1945 hh. [Party formation during the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945]*. Moscow [in Russian].

29 Murmanceva, V.S. (1980). *Kommunisticheskaia partiia — vdokhnovitel i orhanizator boevoho i trudovoho podviha sovetskikh zhenshchin v hody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 hh. [The Communist Party is the inspirer and organizer of the combat and labor feat of the Soviet women during the Great Patriotic War of 1941–1945]*. Moscow [in Russian].

30 Galagan V.Ya. (1986). *Ratnyi podvih zhenshchin v hody Velikoi Otechestvennoi voiny [The women's feat during the Great Patriotic War]*. Moscow: Visha shkola; Ovchinnikova, L.P. (1987). *Zhenshchiny v soldatskikh shineliakh [Women in Soldier's Overcoats]*. Volgograd [in Russian]; Van'shina, V.I. (1986). *Ratnyi podvih sovetskikh zhenshchin v hody Velikoi Otechestvennoi voiny [The feat of the Soviet women in the years of the Great Patriotic War]*. Minsk [in Russian].

31 Koval, V.I., & Osipov, V.P. (1988). *Istoriko-partiinaia nauka v Kazakhstane [Historical and Party Science in Kazakhstan]*. Alma-Ata: Kazakhstan [in Russian]; Balakaev, T.B., & Aldazhumanov, K.S. (1987). *Zashchita zavoevanii Oktiabria v Velikoi Otechestvennoi voine (istoriografiia problemy) [Protection of the Conquests of October in the Great Patriotic War (historiography problem)]*. Velikii Oktiabr i sotsialno-ekonomicheskii prohress Kazakhstana: Istoriohrafiiia opyt i problemy. Akademiia Nauk Kaz SSR – Great October and the socio-economic progress of Kazakhstan: Historiography: experience and problems. Kaz SSR AS. Alma-Ata [in Russian].

32 *Vse dlia fronta, vse dlia pobedy! [All for the front, all for the victory!]*. Alma-Ata [in Russian].

33 Aliia: Dokumenty, vospominaniia, stati, ocherki i druhie dokumentalnye materialy o Heroe Sovetskogo Soiuz. Alie Moldahulovoi (1985) [Aliya: Documents, memoirs, articles, essays and other documentary materials about Aliya Moldagulova, the Hero of the Soviet Union]. Alma-Ata: Zhalyyn [in Russian].

34 Bukeshev, A.D. (1985). *Nasha Aliia [Our Aliya]*. Alma-Ata [in Russian].

35 Halimuldina (Prokopenko), A.I., & Halimul'din, A.K. (1989). *Zvezdnyi chas Manshuk [The finest hour of Manshuk]*. Moscow: Molodaia hvardiia [in Russian].

36 Nurbekova, G.D. (1988). *Zhenshchiny Kazakhstana — frontu. Trudovoi podvih zhenshchin Kazakhstana v promyshlennosti i selskom hoziaistve respubliki v hody Velikoi Otechestvennoi voiny [The women of Kazakhstan — to the front: the labor feat of the women of Kazakhstan in the industry and agriculture of the republic during the Great Patriotic War]*. Alma-Ata [in Russian].

Ш.А. Ильясов, К.С. Ускембаев, Д.А. Джумабеков

*Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан
(E-mail: mr.history2015@mail.ru)*

Деятельность казахских должностных лиц колонизальной администрации Степного края

В статье рассмотрена административно-служебная деятельность казахских представителей колониальной администрации по служебным и наградным спискам, приказам генерал-губернаторов и военных губернаторов Степного края. Служебные записки, официальные приказы о волостных управителях, народных судьях, об аульных старшинах и сотрудниках других ведомственных колониальных учреждений – это уникальные письменные источники и материалы по истории служебной деятельности казахских должностных лиц колониальной администрации. Изучая и анализируя делопроизводственные документы канцелярии Степного генерал-губернатора авторы показывают состояние и особенности работы местного административного чиновничьего аппарата, характер управления казахскими чиновниками. Положение чиновника определяло его роль в казахском обществе на последнем этапе колониального периода (1891–1917 гг.). Наградные списки показывают, что казахские должностные лица в Степи чаще награждались халатами нескольких разрядов и часами, в редких случаях — медалями. Для удобства исследования приказы колониальной администрации поделены на несколько групп.

Ключевые слова: Степной край, волостной управитель, аульный старшина, народный судья, послужной список, наградной список, приказы российской администрации.

Послужные и наградные списки, приказы генерал-губернаторов — это важные делопроизводственные документы, свидетельствующие о прохождении государственной службы служащих административного аппарата. Нами представлены два исторических источника, которые следует рассмотреть по отдельности, так как в послужных формулярных списках в основном числились российские чиновники из высшего звена колониального аппарата Казахстана — от генерал-губернаторов до уездных начальников включительно. В свою очередь, проанализированные наградные списки на «киргизских должностных лиц», как правило, дают информацию о волостных управителях, народных судьях и аульных старшинах Степного края.

Рассмотрим наградные списки по чиновничьей иерархии казахских служащих: народных судей, волостных управителей, аульных старшин и других. Чекен Алимбаев — народный судья 2-го аула Кызылтаевской волости Каркаралинского уезда, состоявший на службе с 1877 г., орденов не имел. Награжден 1 января 1905 г. «за долголетнюю безпорочную» службу халатом 3-го разряда». Наградной список составлен 21 февраля 1906 г. [1, лл.1–250].

Алимбай Кошкумбаев — народный судья 2-го аула Сарыбуланской волости Каркаралинского уезда был награжден за беспорочную службу похвальным листом. Наградной список составлен 1 января 1899 г. [1, л. 6].

Научабай Тленчин — народный судья 3-го аула Чубартовской волости Каркаралинского уезда, состоявший на службе с 1891 г., был награжден за беспорочную службу похвальным листом [1, л. 17].

Абеу Кульджанбеков работал народным судьей 1-го аула Акчатавской волости Каркаралинского уезда с 1899 по 1902 гг. Награжден похвальным листом [1, л. 23–24].

Перейдем к анализу деятельности волостных управителей. Интересным для нас представляется наградной список Таныбергена Атакалина, в котором сказано, что он находился на государственной службе с 1899 г. Таныберген Атакалин являлся волостным управителем Абралинской волости Каркаралинского уезда. За «отличную, усердную службу, в особенности за безнедоимочное взыскание податей и повинностей, награжден халатом 3-го разряда» [1, лл. 13–14].

Шайкен Машанов являлся волостным управителем Токраунской волости Каркаралинского уезда. Он служил с 1889 г. по 24 мая 1904 г., наград не имел. Был награжден халатом 3-го разряда за долгую беспорочную службу [1, лл. 19–20].

Смагул Чолаков исполнял обязанности волостного управителя Акчатавской волости Каркаралинского уезда, не имел наград. Служил с 1899 г., награжден похвальным листом за долгую беспорочную службу [1, лл. 21–22].

Помимо приказов о награждении похвальными листами и халатами, встречаются также приказы о награждении серебряными часами с цепью. В приказе по Степному генерал-губернаторству № 114 от 27 июля 1907 г. отмечено: «Киргиз Средней волости Петропавловского уезда Габдулл Дюсембин во внимание заслуг, засвидетельствованных начальством, мною награждается серебряными часами с такового же цъпочкою. Подписал: Степной Генерал-губернатор Надаров. Верно: Канцелярский чиновник Кустаревичъ» [1, л. 233].

В следующем приказе за № 128 от 4 сентября 1907 г. говорится: «Киргиз № 1 аула Николаевской волости Омского уезда Касым Джентелин за общепользную деятельность награждается серебряными часами с таковой же цепочкою. Подписал: Степной Генерал-губернатор Надаров. Верно: Канцелярский чиновник Кустаревичъ» [1, л. 249].

Заслуживает внимания наградной список аульного старшины № 2 аула Абралинской волости Каркаралинского уезда Оспана Сабыкова. Он имел бронзовую медаль за Всероссийскую перепись 1897 г. и за «отличную усердную службу» был награжден похвальным листом [1, лл. 15–16].

Итак, анализируя наградные списки и приказы, можно сделать вывод: большинство волостных управителей, аульных старшин и народных судей награждались либо халатами трех разрядов, либо похвальными листами и лишь некоторые из них медалями, а доступ к высшим наградам России им был вообще закрыт. Отметим, что многие казахские чиновники были замешаны в коррупционных делах во время выборов волостных управителей и аульных старшин, собирали высокие налоги и подати с населения. Стоит вспомнить слова из произведения Ахмета Байтурсынова «Обращение к киргизской интеллигенции»: «Светочи киргизского народа! Неужели вы для того обучались, чтобы сделаться лишь чиновниками?» Знаете ли, на какие средства вы учились? Разве не видите, что тот киргизский народ, сынами которого являетесь вы, угнетен, изнурен, обездолен и гибнет в беспощадных тисках нужды, нет, нищеты. Нет для него света! Неужели этого вы не видите? Разве вы учились для того, чтобы, получив скудное жалованье, существуя впроголодь, сделаться рабом своего желудка. Если вы довольствуетесь тем, что носите светлые пуговицы да погоны. То это не признак ли того, что у вас блестят только погоны да пуговицы!!!» [2].

В данных документах о казахских чиновниках имеются лишь краткие сведения, но, тем не менее, они являются ценным источником для определения и изучения деятельности низшего звена чиновничьего колониального аппарата.

В Центральном государственном архиве РК представлены послужные наградные списки (а также приказы генерал-губернаторов Степного края) помощников начальников уезда, волостных управителей, письмоводителей волостных управителей, фельдшером, которые тоже заслуживают внимания исследователей. Одним из известных чиновников был Абылайхан Ши-Мухамед Сюк-оглы, являвшийся старшим султаном, надворным советником и переводчиком канцелярии Степного генерал-губернатора. Он автор публикации «Список членов, состоящих на службе в Акмолинской и Семипалатинской области», где приведены краткие сведения инспекторов, коллежских асессоров, казначеев, коллежских советников Омской казенной палаты, распределенных по уездам [1; лл. 64–66]. Известно также письмо-ходатайство Акмолинского губернатора, написанное Степному генерал-губернатору 16 июля 1907 г. за № 17044: «Представляя приговор Анновского сельского схода и наградной список в 2-х экземплярах на киргиза Средней волости Петропавловского уезда Габдулла Дюсембина, ходатайствую пред Вашим Высокопревосходительством о награждении его «за доброжелательное отношение к русскому населению» испрашиваемую в списке наградою.и.д. Петропавловского уездного начальника признает награждение Дюсембина желательным» [2].

Таким образом, послужные и наградные списки русских и казахских служащих являются одними из оригинальных исторических источников, которые позволяют определить не только биографические данные, но и социальный состав, карьерный рост чиновников Степного края в начале XX в. [2].

Много интересного, касающегося служебной деятельности казахских должностных лиц, можно узнать из страниц периодической печати. В частности, в газетах «Киргизская степная газета», «Омские областные ведомости» публиковались официальные и неофициальные документы, статьи корреспондентов. На первых страницах всегда помещались приказы степных генерал-губернаторов и военных губернаторов, а также другие государственные сообщения. К примеру, в приказах генерал-губернаторов и губернаторов областей говорилось о поощрении или взыскании, предании суду или следствию, об увольнении в отпуск или исключении из списков должности лиц в случае смерти, увольнении с должности казахских служащих.

Именно из официальных делопроизводственных документов мы можем знать о казахских представителях, служивших в колониальных органах власти. Это своего рода чуть ли не единственные официальные документы, в которых упоминаются имена волостных управителей, аульных старшин, народных судей — биев, канцелярских служащих. Несомненно, сведения о них скудны, но они, тем не менее, имеют свою историческую ценность. Исходя из сказанного выше официальные приказы российской колониальной администрации можно условно разделить на несколько групп:

- 1) первая группа — приказы об утверждении и назначении в должность, о переводе на другую должность, смещении, увольнении и выговоре казахским служащим;
- 2) вторая группа — приказы о поощрении, награждении и объявлении благодарности казахским чиновникам;
- 3) третья группа — приказы об исключении из списков должностных лиц в случае смерти;
- 4) четвертая группа — о повышении в производстве и увольнении в отпуск;
- 5) пятая группа — о предании суду и следствию.

Первая группа приказов самая большая в делопроизводстве канцелярии Степного генерал-губернатора. Рассмотрим в качестве примера несколько приказов из данной группы. В «Приказах по Семиреченской области» имеется следующая информация: «Переводчик туземных языков при Акмолинском областном суде, Асылходжа Курманбаев, с согласия Председателя означенного суда, переводится на службу в Семиреченскую область, с назначением к направлению должности переводчика в Семиреченское областное правление, с 1-го января сего года» [3]. В номерах «Киргизской степной газеты» публиковались сообщения об утверждении в должности: «Согласно избранию волостного съезда выборных утверждаются в должностях на трехлетие 1895–1897 гг. по Биеп-Аксайской волости, Копальского уезда: Волостного управителя — Телибай Мырзагулов, кандидата к нему Томанбай Мырзагулов, народных судей аулов № 1 — Джадра Кошкунбаев, кандидата к нему Секе Насыров, № 2 — Тажибай Манджекин, кандидата к нему Чекейбай Джарболлов, № 3 — Тажи Тлегенов, кандидата к нему Сарсенбай Байзаков, № 4 — Бугутай Джантлесов, кандидата к нему Маселей Кубетаев и № 5 — Джанбай Джидебаев, кандидата к нему Трусбай Буйшулаков» [3; 2].

В «Приказе по Акмолинской области» встречаются следующие имена казахских служащих: «Допускается киргиз (казак) Ортавской волости Турсупбек Косубаев к временному исправлению должности волостного управителя названной волости на время производства следствия об и.д. управителя Усен Косаев». В том же приказе есть и другие назначения: «Допускается киргиз (казак) Акмолинской волости и уезда Есильбай Алгменов к исправлению должности народного судьи названной волости, вместо Чона Кутапанова... Допускается устранный народный судья Восточной волости Кокчетавского уезда киргиз (казак) Кожамугур Чонов к отправлению своих служебных обязанностей» [4; 2].

В большинстве приказов после выборов публиковались более полные списки должностных лиц. К примеру, в приказе по Акмолинской области: «Утверждается в должностях, согласно выбору общества на трехлетие с 1896 по 1899 г. Акмолинского уезда Ишимской волости: Оспан Омаров — волостным управителем; Канапия Омаров — кандидатом по нем, Чамнил Байгоджин, Киюк Тайбасканов, Бата Тасыбаев, Абижан Сейдалин, Данияр Касымов и Ахмед Айнабеков — народными судьями Акмолинской волости: Абдрахман Мухамедиаров — волостным управителем, Фахеедин Чунтубаев — кандидатом по нем, Джусуп Джумагулов, Исаменды Кадырбаев, Чонай Кутпанов, Абдукерим Чокаев, Муса Дененкулов, Ташмагамбет Пуров, Есинбай Айменев и Али Тлепов — народными судьями названной волости» [5; 1].

В приказе по Семипалатинской области встречаются следующие имена: «Утверждается согласно выбору общества в должностях на трехлетие с 1896 по 1899 гг. Устькаменогорского уезда Курчумской волости: Управитель — Ежебай Таусаров, кандидата по управителя — Мамыр Данияров, народных судей в старшинские аулы: № 1 — Раимбек Макежонов, № 2 — Берден Бызаубагаров, № 3 — Чорман Тюлегонев, № 4 — Джеке Ережепов, № 5 — Маукар Юлемисов, № 6 — Борук Торпаков и № 7 — Чотрай Кенеспаев. Алтайской волости, кандидата по Управителю — Самалтыр Копджасаров, № 2 — Езимбай Акимбаев, № 3 — Хусаин Кузембаев, № 4 — ЧубарДусиендин, № 5 — Чегабай Умербеков, № 6 — Ошак Кошкынов и № 7 — Таблике Дончуаков» [5, с.1].

В другом приказе по Акмолинской области имеются имена следующих казахских должностных лиц: «Утверждается согласно выбору общества на трехлетие с 1896 по 1899 год. Акмолинского уезда Чуйской волости Отунчи Джундубаев волостным управителем, Уксумбай Аргымбаев кандидатом

по нем; Серикпай Булутпаев, Казыбай Баимбетев, Джаныбек Туржанов, Дюсенбай Булгалов, Исмаил Сартетпаев и Иледбай Наурузбаев народными судьями названной волости [6; 2].

В следующем приказе о других казахских служащих по Акмолинской области отмечено: «Утверждается согласно выбору общества, на трехлетие с 1896 по 1899 гг. киргизы Акмолинского уезда, Караагачской волости Оспан Чонов волостным управителем и Баймапан Садыбеков кандидатом по нему и Каспак Карагозин, Амре Чеараков, Джолдыбай Чонгожин и Джамке Кенджебаев народными судьями в названной волости. Подписал: военный губернатор, генерал-лейтенант Санников» [7; 2].

Также имелись приказы, связанные с принятием на государственную службу в российскую колониальную администрацию. К примеру, в приказе по Степному генерал-губернаторству: «Киргиз Семипалатинской области Рахим-Джан Дюйсенбаев принимается на государственную службу в мою Канцелярию, с причислением по происхождению и образованию к третьему разряду канцелярских служащих. Об этом объявляю по Степному генерал-губернаторству. Подписал: Степной генерал-губернатор, генерал от кавалерии барон Таубе» [8; 1].

В другом приказе, опубликованном позднее в одном из номеров газеты все о том же Рахим-Джане Дюйсенбаеве говорится следующее: «Канцелярский служащий моей Канцелярии, не имеющий чина Рахим-Джан Дюйсенбаев назначается младшим переводчиком киргизского языка при Канцелярии. Об этом объявляю по Степному генерал-губернаторству. Подписал: Степной генерал-губернатор, генерал от кавалерии барон Таубе» [9; 2]. Это говорит только о том, что казахским служащим давался шанс подняться по карьерной лестнице в подобных учреждениях.

Имелись также приказы о смещении, снятии и увольнении с должности и восстановлении в должности по какой-либо причине, связанной со служебной деятельностью. Так, в одном из таких приказов говорится: «Волостной управитель Кенсуйской волости, Пржевальского уезда, Мамыркул Истанбеков за бездеятельностью по сбору податей и повинностей с населения волости смещается мною с занимаемой должности, исполнение же обязанностей волостного управителя возлагается на кандидата по нем Бектенья Джунусова» [10; 1].

В более содержательном приказе по Акмолинской области отмечается по пунктам: «Объявляется. Народному судье Омской волости и уезда Саржану Джуканову строгий выговор за неуместные выражения в прошении на имя волостного управителя.

Восстанавливается в должности. Устраненный приказом моим от 6 апреля 1897 г., волостной управитель Атбасарской волости и уезда Есемсеит Саркин с 12-го с. февраля.

Устраняется. Народный судья Николаевской волости, Омского уезда Джакуп Кошербаев от занимаемой им должности на время производства о нем следствия и суда.

Утверждается в должности, согласно выбору общества, на трехлетие с 1896 — 1899 гг. народный судья Караагачской волости, Акмолинского уезда Койлюбай Чолаков. Подписал военный губернатор, генерал-лейтенант Санников» [11; 1]. В очередном приказе по Семипалатинской области говорится о выборе муллы Ибрагима Тайтекина: «Утверждается согласно выбору общества муллою Карамалинской волости, Павлодарского уезда, киргиз этой же волости № 8 аула Ибрагим Тайтекин. Февраля 3 дня 1898 г. № 10» [12; 1].

Имеется также в данном приказе сообщение о народном судье Искаке Кунанбаеве: «Приказом по области, от 22 ноября 1897 г. за № 90 был уволен от должности народного судьи № 4 аула Чингизской волости, Семипалатинского уезда, Искак Кунанбаев, как неудовлетворяющий требованию 113 ст. Степного положения. Ныне, в виду того, что он, Кунанбаев, приговором Семипалатинского областного суда по делу о превышении власти по суду оправдан, киргиз Искак Кунанбаев восстанавливается в должности народного судьи сказанной волости. Подписал военный губернатор Семипалатинской области Генерального штаба генерал-майор Карпов» [12; 1].

В приказе военного губернатора Акмолинской области за № 46 от 8 мая 1901 г. имеется сообщение о принятии на службу в полицейское управление Джусупа Сатыбалдина: «Зачисляется. Джусуп Сатыбалдин в штат Омского городского полицейского управления с откомандированием для занятий в распоряжение Председателя Акмолинского уезда по крестьянским делам Присутствия» [13; 1].

Вторая группа приказов — приказы о поощрении, награждении и объявлении благодарности казахским должностным лицам. В номерах официальной периодической печати часто встречаются приказы степных генерал-губернаторов и военных губернаторов о поощрении и благодарности казахских должностных лиц. К примеру, один из подобных приказов по Семипалатинской области: «Объявляю мою благодарность волостным управителям Устькаменогорского уезда Себинской волости Желяму Алиханову, Аиртавской волости Джанузаку Куглерову и Уланской волости Джаке Сатпаеву

за точное исполнение ими служебных обязанностей и за своевременную сдачу кибиточной подати за минувший год» [14; 2].

В другом приказе уже по Акмолинской области говорится следующее: «Государь император, согласно положению Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах, Всемилостивейше соизволил в 1-й день февраля 1895 года пожаловать серебряные медали с подписью «за усердие» для ношения на груди управителю Булекпаевской волости, Токмакского, ныне Пишпекского уезда, Сулейхану Каркину, Семипалатинскому городскому бию Умырбеку Бегеневу, управителю Омской волости Омского уезда, заурядхорунжему, Хасеню Кокенову» [15; 1].

В еще одном приказе по Степному генерал-губернаторству и Сибирскому казачьему войску от 30 июня 1901 г. № 48 говорится о награждении других казахских должностных лиц: «Согласно за свидетельствованию г. председателя Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска о патриотическом поступке муллы Уланской волости, Устькаменогорского уезда, Семипалатинской области Мухамед-Галия Тлеукина, выразившемся в оказанном им содействии в прокормлении в 1900 году лошадей мобилизованных 6 и 9 полков Сибирского казачьего войска, названный мулла награждается многопочетным халатом 3-го разряда» [16; 1].

Некоторые казахские служащие прилагали усилия по строительству школ в волостях и внесли свой вклад в развитие школьного образования в крае. В одном из таких подобных приказов от 5 июля 1901 года № 50 встречаются имена казахских чиновников Торсана Тлеликова и Шайахмета Ташетова: «В виду засвидетельствования и.д. военного губернатора Акмолинской области об особых заслугах управителя Пресногорьковской волости, Петропавловского уезда, Торсана Тлеликова и кандидата по нем Шайахмета Ташетова, оказавших своим ревностным участием и влиянием на киргизское общество содействие к осуществлению постройки названной волости первой русско-киргизской школы, названные лица награждаются мною почетными халатами: Тлемисов — 1-го разряда и Ташетов — второго разряда. Об этом объявляю по Степному генерал-губернаторству. Подписал степной генерал-губернатор, генерал-лейтенант Сухотин» [17; 2].

В номерах газет встречаются также менее объемные приказы о награждении: «Согласно представлению, г. военного губернатора Семиреченской области нижепоименованные лица, за отлично-усердную службу награждаются:

Кафтаном 3-го разряда:

Волостной управитель Востчно-Талгарской волости, Верненского уезда, Соймасай Учкемпиров.

Похвальными листами:

Джигиты при Верненском уездном управлении киргизы Барлыбай Джандаралов, Чельбек Дербисов и Токсун Худайбердиев;

Народный судья Ченьтубинской волости, Пржевальского уезда, Суваходжа Муратбеков;

Аульный старшина Жаркентской волости, Пржевальского уезда, Чорман Байбулов и джигит при Пржевальском уездном управлении киргиз Дикан Абдраманов.

Об этом объявляю по Степному генерал-губернаторству. Подписал степной генерал-губернатор, генерал от кавалерии барон Таубе» [18; 2].

Имеются также и более короткие приказы о награждении казахских служащих, один из них — Приказы по Степному генерал-губернаторству: «Государь император, согласно положению Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах, в 1-й день июня сего года Всемилостивейше соизволил пожаловать управителям волостей Павлодарского уезда: Алтыбаевской — Ис Бердалину и Теренгульской — Ильясу Джанкарину за усердную и полезную их службу серебряные медали: первому для ношения на шее на Владимирской ленте, а второму для ношения на груди на Анненской ленте. Об этом объявляю по Степному генерал-губернаторству. Подписал: степной генерал-губернатор, генерал от кавалерии барон Таубе» [19; 1].

В еще одном приказе отмечено: «Выборного Акчетавской волости, Каркаралинского уезда, киргиза Адамбая Чалакова, о награждении которого почетным кафтаном 3-го разряда объявляю в приказе от 19 ноября 1896 года за № 81, следует считать награжденным таковым же кафтаном второго разряда. Об этом объявляю по Степному генерал-губернаторству. Подписал: степной генерал-губернатор, генерал от кавалерии барон Таубе» [20; 1].

Встречаются также приказы о награждении рассыльных. Вот, к примеру, один из них: «Согласно представлению, г. военного губернатора Акмолинской области награждается, за отлично-усердную службу рассыльный при Омском уездном управлении, киргиз Омской волости, Байдала Айтикеев по-

хвальным листом. Об этом объявляю по Степному генерал-губернаторству. Подписал: степной генерал-губернатор, генерал от кавалерии барон Таубе» [21; 2].

В приказах о награждении упоминались даже обычные казахи. В качестве примера приведем приказ о награждении Нурмухамеда Саганаева: «Государь император, по представлению г. министра финансов и согласно удостоению комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах, в 13-й день апреля с. г. Всемилостивейше соизволил пожаловать киргизу Кызыл-Топрякской волости, Акмолинского уезда, Нур-Мухамету Саганаеву серебряную медаль для ношения на шее на Станиславской ленте» [22; 1].

Особо стоит отметить приказ о награждении казахского чиновника Аблайханова от 10 января 1901 года № 4: «Государь император в 1-й день сего января месяца Всемилостивейше соизволил пожаловать награды нижепоименованным лицам: сверхштатному чиновнику особых поручений при Степном генерал-губернаторе, IV класса, Коллежскому советнику Аблайханову орден Св. Владимира 4 ст. для нехристиан установленный...» [23; 2].

Третья группа — приказы по исключению из списков должностных лиц в случае смерти. К примеру, приказ об исключении волостного управителя Семипалатинского уезда Мухамеда Ибраимова: «Исключается из списков за смертью кандидат Сейтеновского Волостного Управителя Семипалатинского уезда Мухамед Валий Ибраимов» [24; 1].

Также имелись подобные приказы, связанные со смертью высоких должностных лиц колониальной администрации — уездных начальников: «Исключается из списков за смертью Петропавловский уездный начальник статский советник Мамонтов» [25; 1].

Встречаются приказы, в которых дается сообщение о смерти представителей самой нижней ступени администрации — народных судей. Так, в одной из них отмечено, что «народный судья № 11 аула, Арганатинской волости Лепсинского уезда, Бексултан Черюбаев, за смертью, последовавшей 24 февраля нынешнего года, исключается из списков должностных лиц туземной администрации, исправление же должности народного судьи означенного аула поручается кандидату к народному судье Татану Аргынову» [26; 2].

Или приведем другой пример, когда упоминаются в приказе волостные муллы: «Исключается из списков за смертью Волостной мулла Сейтеновской волости, Семипалатинского уезда, Аманжол Байсаков» [27; 1].

Четвертая группа — о повышении в производстве и увольнении в отпуск. Данная группа приказов, представляют для нас большой интерес, свидетельствует о карьерном росте казахских должностных лиц.

В первом таком приказе говорится: «Указом Правительствующего Сената от 13-го февраля 1895 года произведен младший переводчик киргизского языка канцелярии Степного генерал-губернаторства, коллежский регистратор Бакия Чалымбеков в губернские секретари, со старшинством с 17 мая 1894 года. Об этом объявляю по Степному генерал-губернаторству, генерал от кавалерии барон Таубе» [28; 1].

В следующем приказе под № 32 о повышении в должности сообщается: «Сверхштатный чиновник особых поручений при Степном генерал-губернаторе, VI класса, Коллежский Советник Аблайханов, согласно прошению, назначается на должность Старшего переводчика киргизского языка. Об этом объявляю по Степному генерал-губернаторству. Подписал и.д. Степного генерал-губернатора Санников» [29; 1].

Такого же карьерного роста достиг коллежский секретарь Джантасов. В приказе под № 2 говорится: «Младший переводчик киргизского языка при моей канцелярии коллежский секретарь Джантасов назначается старшим переводчиком при той же канцелярии [30; 1].

В одном из приказов об увольнении в отпуск имеются такие сведения: «Увольняется согласно прошению, для устройства домашних дел в двухмесячный отпуск в пределах Семипалатинской области волостной управитель Семипалатинского уезда, Вугуменской волости, Арап Абралин» [31; 2].

В другом приказе об увольнении в отпуск под № 34 сказано: «Увольняется в отпуск. Канцелярский служитель Омского Городского Полицейского Управления, султан Мадальхан Аблайханов в пределы Российской империи сроком на 28 дней, считая таковой с 27-го сего марта» [13; 1, 2].

В одном из аналогичных приказов под № 38 встречаются имена служащих полицейского управления: «Увольняется канцелярский служитель Омского городского полицейского управления Балабек Сатыбалдин Тлеукин в пределы Российской империи сроком на два месяца [32; 2].

Также имелись приказы об увольнении духовных лиц со службы. Вот один из приказов Семипалатинского военного губернатора Карпова: «Увольняется согласно прошению, по болезни от службы мулла Каркаралинской волости, Павлодарского уезда, Дуржумбай Чеголев» [33; 2].

Пятая группа — о предании суду и следствию. Во многих приказах данной группы мы встречаем имена казахских чиновников, которые превысили свои должностные полномочия. Они были связаны с такими преступлениями, как взяточничество, клевета и т.д. В одном из приказов сообщается: «Предаётся суду Аульный Старшина Аккумуляской волости Семипалатинского уезда Мата Кельдин по обвинению в преступлении, предусмотренном 362 ст. Уложения о наказании» [35; 1].

В том же приказе встречается имя управителя Ногаева: «Предаётся суду Управитель Кызылтавской волости, Павлодарского уезда Ногаев по обвинению в преступлениях, предусмотренных 338 и 362 ст. Уложения о наказании» [34; 1].

Предавались суду аульные старшины и других волостей: «Предаётся суду при Семипалатинском Областном суде аульный старшина Аргыльджалской волости, Семипалатинского уезда Исакан Кушелепов, по обвинению в преступлении, предусмотренном 3 п. 377 ст. Уложения о наказании» [36]. Также упоминается и другой аульный старшина Телибай Нураитаев: «Предаётся суду при Семипалатинском Областном суде аульный старшина Бельгагачской волости, Семипалатинского уезда Телибай Нураитаев по обвинению в преступлении, предусмотренном 3 п. 377 ст. Уложения о наказании» [35; 1].

В этом же приказе военного губернатора Семипалатинской области генерал-майора Карпова отмечается: «Устраняется от должности за преданием суду народный судья № 10 старшинства, Чакчанской волости, Павлодарского уезда Тасы Тырнаков» [35; 1].

Случаи снятия с должности и предания суду на тот период не редкость. Частая смена казахских должностных лиц отрицательно сказывалась на самой природе государственного управления краем. Во многом качества руководителя административной единицы зависели от него самого, но партийная родовая борьба надламывала казахское чиновничество. Сейчас не представляется возможным изучить административную деятельность всех казахских чиновников, так как они менялись ежегодно. Мы не можем дать полную оценку деятельности отдельно взятого казахского служащего. Также практически полностью отсутствуют формулярные списки по казахскому чиновничеству, только некоторые достаивались такого внимания со стороны российской администрации.

Также в номерах «Киргизской степной газеты» публиковались статьи корреспондентов о повседневности казахского чиновничества. Так, в приказе степного генерал-губернатора сообщается, что из ревизионной записи управляющего канцелярии степного генерал-губернатора, статского советника Лосевского отмечено, что в Усть-Каменогорском уезде практически во всех казахских волостях устроены общественные волостные дома для удовлетворения потребностей местного туземного населения. Генерал-губернатор относит это «отрадное явление» в степи к особой заботе уездного начальника подполковника Федорова, и он выражает ему благодарность. В связи с этим за отличную усердную службу награждаются волостной управитель Чамалганской волости, Верненского уезда — Таспулатов и писец канцелярии того же уезда — Александров: первый — халатом 1-го разряда, а второй — серебряными часами [36; 1].

В периодической печати встречаются статьи, посвященные партийной борьбе казахских служащих. Так, в одной из них под названием «Неблаговидные приемы партийной борьбы» корреспондент пишет: «Желая баллотироваться на должность волостного управителя, наши аткамынары прежде всего подсчитывают голоса выборных, состоящих в родстве с ними, т.е. лиц, снабженных полномочием выборных и принадлежащих к одному роду с кандидатом. Если таких родственников окажется большинство среди всего наличного числа выборных, то победа претендента на выборах обеспечена, так как «родственник» всегда подаст голос за своего родича... Такие выборные охотно продают свои голоса тому из выступивших на баллотировку кандидатов, который в них нуждается и пожелает купить... Баллотировка обыкновенно подтверждает и дает известное официальное выражение закулисной предварительному «подсчету» и конкурирующих кандидатов, основанному на подкупе... Аткамынары в последнее время стали принимать довольно оригинальные предосторожности на случай обмана выборных, продавших свои голоса. Аткамынары берут с них векселя на довольно солидные суммы в обеспечении верности данного обещания. Связанный векселем выборный непременно положит свой шар тому кандидату, которым он подкуплен. «Предварительный подсчет! Всегда покажет — куда попал голос вероломного выборного, если бы такой нашелся, а кто именно этот выборный тоже до этого доберутся — и тогда подавай он по векселю деньги! Было бы крайне желательно, что-

бы начальство приняло какие-либо меры против подобной «организации» подкупов при волостных выборах» [37; 3]. Подкуп выборщиков во время выборов представлялось своего рода обычным явлением, на которое закрывало глаза руководство российской колониальной администрации.

В другой подобной статье «Несколько слов о должностных лицах туземной администрации» сообщается о нарушении этических норм поведения со стороны волостных управителей после того, как они избираются на должность. В ней отмечено, что люди, которые становятся волостными управителями, меняют манеру общения с окружающими, а также с близкими друзьями, что приводит к частым ссорам и даже дракам. К волостным управителям близко не подступить. К ним запрещено являться без служебного доклада, запрещается также громко говорить на тот случай, если управитель спит. Автор статьи отмечает, что если кто осмелится нарушить данные правила, то к нему будут приняты серьезные меры. Корреспондент газеты далее пишет, что такие управители любят порисоваться своей властью, берутся за все и издают невероятные распоряжения, зная наперед, что они будут отменены. Если до избрания человек был умным и рассудительным, но получив должностной знак, где надо и где не надо старается блеснуть своей властью. Закон требует, чтобы должностным лицам оказывали уважение, но закон же и карает за злоупотребление властью.

Автор статьи делает вывод, что при исполнении своих служебных обязанностей должностные лица должны руководствоваться требованиями, заключающимися в служебной присяге, а не произвольными представлениями о своих правах над населением [38; 2].

Утверждение светской по характеру власти было несовместимо с традиционной организацией управления и по своим бюрократическим особенностям. «Казахам чуждо и дико в нашей жизни все, что нам кажется совершенно естественным и понятным. Как воспитанным под своеобразными условиями жизни номада, им непонятны самые элементарные идеи гражданского устройства на европейский лад, — пишет специально занимавшийся вопросами управления в Казахстане А.К. Гейнс, — «следствия, производимые приказами, тянутся бесконечно и безуспешно. Даже тогда, когда правительство сознательно разрушало традиционные институты управления и его потестарные составляющие, казахское население сохранило ориентацию на привычные стереотипы. Оттого и бийский суд в 50-х гг. был еще непоколебимым, основным социальным регулятором общества» [39; 109].

Он отмечает, что, более того, он привлекателен и для представителей других этносов: «Суд биев (хороших людей) скор и производится на словах, он довольно справедлив и всегда бескорыстен, потому пользуется уважением не только казахов, но и разночинцев и казаков, из которых многие идут в суд биев, в особенности по исковым делам на казахов» [39; 109].

По поводу суда биев высказался и известный российский исследователь И.И. Крафт. Он пишет: «Биями назывались народные судьи, терявшие это звание вместе с увольнением от должности. По введении в действие степного положения 25 марта 1891 г., звание биев не сохранилось уже и за народными судьями» [40; 161]. Тем самым он подчеркивает, что бием мог стать в обозначенное время любой человек, имеющий поддержку среди своих сородичей и со стороны колониальной администрации.

В целом, необходимо отметить, что местное казахское чиновничество в лице волостных управителей, аульных старшин и народных судей (бии), являясь низшим звеном административного аппарата на территории Казахстана, играло роль марионетки в руках российских колониальных властей. Но они были первой группой казахского чиновничества, сформированной благодаря российской колониальной системе на тот период. Многие казахские должностные лица стали частью формируемой казахской интеллигенции конца XIX — начала XX вв.

Наградные и послужные списки, периодическая печать являются важными делопроизводственными документами в установлении личностей, работавших в казахской туземной администрации. Послужные и наградные списки русских и казахских служащих являются одними из оригинальных исторических источников, которые позволяют определить не только биографические данные, но и социальный состав, карьерный рост сотрудников колониального управления Степного края.

Список литературы

1 ЦГА РК, ф.64, оп. 2, д.161, л.1–250.

2 Ильясов Ш.А. Делопроизводственные документы как источник по истории административного аппарата Степного края в начале XX века / Ш.А. Ильясов, З.Г. Сактаганова, А.Д. Утебаева // Вестн. Караганд. ун-та. Сер. Философия. История. — 2014. — № 2. — С. 7–12.

- 3 Приказы по Семиреченской области // Киргизская степная газета. — 1895. — № 6. — 12 февр.
- 4 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Киргизская степная газета. — 1895. — № 7. — 19 февр.
- 5 Высочайший рескрипт // Киргизская степная газета. — 1895. — № 31. — 20 авг.
- 6 Приказы по Акмолинской области // Киргизская степная газета. — 1895. — № 32. — 27 авг.
- 7 Приказы по Акмолинской области // Киргизская степная газета. — 1897. — № 46. — 23 нояб.
- 8 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Киргизская степная газета. — 1895. — № 45. — 26 нояб.
- 9 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Киргизская степная газета. — 1897. — № 1. — 5 янв.
- 10 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Киргизская степная газета. — 1895. — № 47. — 10 дек.
- 11 Приказы по Акмолинской области // Киргизская степная газета. — 1898. — № 15. — 12 апр.
- 12 Приказы по Семипалатинской области // Киргизская степная газета. — 1898. — № 15. — 12 апр.
- 13 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Акмолинские областные ведомости. — 1901. — № 24; 20. — № 25; 27; 26. — 13 июня.
- 14 Приказы по Семипалатинской области // Киргизская степная газета. — 1895. — № 3. — 22 янв.
- 15 Приказы по Акмолинской области // Киргизская степная газета. — 1895. — № 32. — 27 авг.
- 16 Приказы по Степному генерал-губернаторству и Сибирскому казачьему войску // Акмолинские областные ведомости. — 1901. — № 27. — 4 июля.
- 17 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Акмолинские областные ведомости. — 1901. — № 28. — 11 июля.
- 18 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Киргизская степная газета. — 1898. — № 10. — 8 марта.
- 19 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Киргизская степная газета. — 1895. — № 41. — 29 окт.
- 20 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Киргизская степная газета. — 1897. — № 5. — 2 февр.
- 21 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Киргизская степная газета. — 1897. — № 11. — 16 марта.
- 22 Приказы по Семипалатинской области // Киргизская степная газета. — № 44. — 1897. — 9 нояб.
- 23 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Акмолинские областные ведомости. — 1901. — № 28. — 11 июля.
- 24 Приказы Омскому военному округу. По Семипалатинской области // Киргизская степная газета. — 1895. — № 2. — 15 янв.
- 25 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Киргизская степная газета. — 1897. — № 1. — 5 янв.
- 26 Приказы по Семиреченской области // Киргизская степная газета. — 1897. — № 15. — 20 апр.
- 27 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Киргизская степная газета. — 1898. — № 18. — 3 мая.
- 28 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Киргизская степная газета. — 1895. — № 10. — 12 марта.
- 29 Именной Высочайший указ, данный Правительствующему Сенату // Акмолинские областные ведомости. — 1901. — № 18. — 25 апр.
- 30 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Акмолинские областные ведомости. — 1913. — № 3. — 16 янв.
- 31 Приказы по Семипалатинской области // Киргизская степная газета. — 1897. — № 14. — 6 апр.
- 32 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Акмолинские областные ведомости. — 1901. — № 18. — 25 апр.
- 33 Приказы по Акмолинской области // Киргизская степная газета. — 1898. — № 15. — 12 апр.
- 34 Приказы по Семипалатинской области // Киргизская степная газета. — 1895. — № 21. — 4 июня.
- 35 Приказы по Семипалатинской области // Киргизская степная газета. — 1897. — № 21. — 1 июня.
- 36 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Киргизская степная газета. — 1897. — № 39. — 15 окт.
- 37 Неблаговидные приемы партийной борьбы // Киргизская степная газета. — 1897. — № 20. — 25 мая.
- 38 Несколько слов о должностных лицах туземной администрации // Киргизская степная газета. — 1898. — № 5. — 1 февр.
- 39 Рысбеков Т.З. Образование первых профсоюзов в Казахстане [Электронный ресурс] / Т.З. Рысбеков, А.А. Жанасов // Вестн. ЗКГУ. — Режим доступа: <http://mebrk.kz/journals/2587/63760.pdf>.
- 40 Крафт И.И. Из киргизской старины / И.И. Крафт. — Оренбург: Типография Ф.Б. Сачкова, 1900. — 168 с.

Ш.А. Илиясов, Қ.С. Өскембаев, Ж.А. Жұмабеков

Дала өлкесінің отарлық әкімшілігінің қазақ лауазымды тұлғаларының қызметі

Мақалада отарлық әкімшіліктің қазақ өкілдерінің қызметтік және марапаттау тізімдері, Дала өлкесінің генерал-губернаторлары мен әскери губернаторларының бұйрықтары бойынша әкімшілік-қызметтік қызметі қарастырылды. Авторлар Дала генерал-губернаторы кеңсесінің іс жүргізу құжаттарын зерделеп, талдай отырып, жергілікті әкімшілік шенеунік аппараты жұмысының жай-күйі мен ерекшеліктерін жан-жақты ашты. Қызметтік жазбалар, болыстық басқарушылар, халық судьялары, ауылдық старшиналар және басқа ведомстволық колониялық мекемелердің қызметкерлері туралы ресми бұйрықтар — бұл қазақ отарлық әкімшіліктің лауазымды тұлғаларының қызметтік іс-әрекетінің тарихы бойынша бірегей жазба деректер мен материалдар. Қазақ шенеуніктерін басқарудың

ерекшеліктері мен сипаты ғылыми мақалада сипатталды. Шенеуніктің жағдайы оның отарлық кезеңнің соңғы кезеңінде (1891–1917 жж.) қазақ қоғамындағы рөлін анықтады. Марапаттау тізімдері бізге даладағы қазақ лауазымды тұлғаларының қалай және немен марапатталғанын, бірнеше разрядтағы халат пен сағаттармен, сирек жағдайларда медальдармен марапатталғанын көрсетті. Зерттеу ыңғайлылығы үшін отарлық әкімшіліктің бұйрықтары бірнеше топқа бөлінген.

Кілт сөздер: Дала өлкесі, болыстық басқарушы, ауылдық старшина, халық судьясы, қызметтік тізім, марапаттау тізімі, Ресей әкімшілігінің бұйрықтары.

Sh.A. Ilyasov, K.S. Uskembayev, D.A. Dzhumabekov

Activities of Kazakh officials of the colonial administration of the Steppe region

In the article the administrative and official activities of the Kazakh representatives of the colonial administration on official and award lists, orders of governors-general and military governors of the Steppe region are considered. Of the notes official orders on the parish governors, the national judges, aul foremen and employees of other departmental colonial institutions are unique written sources and materials on the history of the service activities of the Kazakh officials of the colonial administration. Studying and analyzing office documents of the office of the steppe governor-general, the authors show the state and peculiarities of the work of the local administrative bureaucracy apparatus, character of management of the Kazakh officials. The position of the official determined his role in the Kazakh society at the last stage of the colonial period (1891–1917). Award lists show that Kazakh officials in the Steppe were often awarded with bathrobes of several categories and watches, in rare cases — with medals. For the convenience of the study, the orders of the colonial administration are divided into several groups.

Keywords: Steppe region, the municipal Manager, aul foreman, national judge, achievement list of, premium list, orders of the Russian administration.

References

- 1 CGA RK [CSA RK]. f.64, op. 2, d.161, 1.1-250.
- 2 Ilyasov, Sh.A., Saktaganova, Z.G., & Utebaeva, A.D. (2014). Deloproizvodstvennye dokumenty kak istochnik po istorii administrativnogo apparata Stepnogo kraia v nachale XX veka [Office documents as a source on the history of the administrative apparatus of the Steppe region in the early XX century]. *Vestnik Karahandinskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Istoriia – Bulletin of Karaganda University. The Series Of Philosophy. History, 2*, 7–12 [in Russian].
- 3 Prikazy po Semirechenskoi oblasti [Orders on Semirechensk region]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 6 (1895, 12 fevralia) [in Russian].
- 4 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 7. (1895, 19 fevralia) [in Russian].
- 5 Vysochaishii reskript. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 31. (1895, 20 avhusta) [in Russian].
- 6 Prikazy po Akmolinskoi oblasti [Orders on Akmola region]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 32. (1895, 27 avhusta) [in Russian].
- 7 Prikazy po Akmolinskoi oblasti [Orders on Akmola region]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 46. (1897, 23 noiabria) [in Russian].
- 8 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 45. (1895, 26 noiabria). [in Russian].
- 9 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 1. (1897, 5 yanvaria) [in Russian].
- 10 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 47. (1895, 10 dekabria) [in Russian].
- 11 Prikazy po Akmolinskoi oblasti [Orders on Akmola region]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 15. (1898, 12 apreliia) [in Russian].
- 12 Prikazy po Semipalatinskoi oblasti [Orders in the Semipalatinsk region]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 15. (1898, 12 apreliia) [in Russian].
- 13 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. *Akmolinskie oblastnye vedomosti – Akmola regional statements*, No. 24; 20, No. 25; 27, 26. (1901, 13 iyunia) [in Russian].
- 14 Prikazy po Semipalatinskoi oblasti [Orders in the Semipalatinsk region]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 3. (1895, 22 yanvaria) [in Russian].
- 15 Prikazy po Akmolinskoi oblasti [Orders on Akmola region]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 32. (1895, 27 avhusta) [in Russian].
- 16 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu i Sibirskomu kazach'emu vojsku [Orders on the Steppe Governor-General and the Siberian cossack army]. *Akmolinskie oblastnye vedomosti – Akmola regional statements*, № 27. (1901, 4 iyulia) [in Russian].

- 17 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. *Akmolinskie oblastnye vedomosti – Akmola regional statements*, 28. (1901, 11 iyulia) [in Russian].
- 18 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 10. (1898, 8 marta) [in Russian].
- 19 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 41. (1895, 29 oktiabria) [in Russian].
- 20 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 5. (1897, 2 fevralia) [in Russian].
- 21 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 11. (1897, 16 marta) [in Russian].
- 22 Prikazy po Semipalatinskoi oblasti [Orders in the Semipalatinsk region]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 44. (1897, 9 noiabria) [in Russian].
- 23 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. *Akmolinskie oblastnye vedomosti – Akmola regional statements*, 28. (1901, 11 iyulia) [in Russian].
- 24 Prikazy Omskomu voennomu okruhu. Po Semipalatinskoi oblasti [The orders of the Omsk military district. In the Semipalatinsk region]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 2. (1895, 15 yanvaria) [in Russian].
- 25 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 1. (1897, 5 yanvaria) [in Russian].
- 26 Prikazy po Semirechenskoi oblasti [Orders on Semirechensk region]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 15. (1897, 20 apreliia) [in Russian].
- 27 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 18. (1898, 3 maia) [in Russian].
- 28 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 10. (1895, 12 marta) [in Russian].
- 29 Imennoi Vysochaishii ukaz, dannyi Pravitelstvuyushchemu Senatu [The Supreme decree given to the governing Senate]. *Akmolinskie oblastnye vedomosti – Akmola regional statements*, 18. (1901, 25 apreliia) [in Russian].
- 30 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. *Akmolinskie oblastnye vedomosti*, 3. (1913, 16 yanvaria) [in Russian].
- 31 Prikazy po Semipalatinskoi oblasti [Orders in the Semipalatinsk region]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 14. (1897, 6 apreliia) [in Russian].
- 32 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. *Akmolinskie oblastnye vedomosti – Akmola regional statements*, 18. (1901, 25 apreliia) [in Russian].
- 33 Prikazy po Akmolinskoi oblasti [Orders on Akmola region]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 15. (1898, 12 apreliia) [in Russian].
- 34 Prikazy po Semipalatinskoi oblasti [Orders in the Semipalatinsk region]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 21. (1895, 4 iyunia) [in Russian].
- 35 Prikazy po Semipalatinskoi oblasti [Orders in the Semipalatinsk region]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 21. (1897, 1 iyunia) [in Russian].
- 36 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 39. (1897, 15 oktiabria) [in Russian].
- 37 Neblahovidnye priemy partiinoi borby [Unseemly party methods of struggle]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 20. (1897, 25 maia) [in Russian].
- 38 Neskolko slov o dolinostnykh licakh tuzemnoi administratsii [A few words about the officials of the native administration]. *Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper*, 5. (1898, 1 fevralia) [in Russian].
- 39 Rysbekov, T.Z., & Zhanasov, A.A. Obrazovanie pervykh profsoyuzov v Kazahstane [Formation of the first trade unions in Kazakhstan]. *Vestnik ZKGU – West Kazakhstan State University*. Retrieved from: <http://rmebrk.kz/journals/2587/63760.pdf> [in Russian].
- 40 Kraft, I.I. (1900). *Iz kirhizskoi stariny [From Kyrgyz antiquity]*. Orenburg: Tipografiia F.B. Sachkova [in Russian].

S.S. Kassimova

*Ye.E. Karaganda State Technical University, Kazakhstan
(E-mail: saule.saken2010.kasimova@mail.ru)***The last years of life of Saken Seifullin**

The article provides an overview of sources considering the last years of life of one of the founders of Kazakh Soviet literature, a public figure Saken Seifullin. During the study of archival materials and periodicals, the author shows the contribution of S.Seifullin to the study of the problems of literary criticism and the main directions of his activities in the Writers Union were analyzed. The negative effects of the Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of April 23, 1932 «On Fiction», the struggle against formalism and naturalism in literature on the development of national literature were studied. The author, diversifying social and literary activities of S. Seifullin, determined that S.Seifullin was not only a supporter of the Bolshevik ideology, but also its opponent and developed his own view to the policy of the «Small October» conducted by F. Goloshchekin in Kazakhstan. Introducing the documents of the People's Commissariat of Internal Affairs into the scientific circulation, the author comprehensively analyzed and studied the reasons for the accusation of S. Seifullin in nationalism and Trotskyism. Archival documents show that the accusations made against the Kazakh intelligentsia, and in particular against S. Seifullin, are baseless and demonstrate the deliberate Soviet policy of «Small October». The author formulates the conclusions about the socio-political life in Kazakhstan in the period of study.

Keywords: Union of writers of Kazakhstan, criticism, repression, trotskyism, nationalism, rehabilitation.

After the independence of Kazakhstan Seifullin has been criticized by various opinions. Among them there are activists in the new society and those who abandon the principles of the falling Soviet government. In accordance with the requirements of the communist ideology, Seifullin was a revolutionary, a supporter of the Soviet government. Saken Seifullin contributed to the establishment of the Soviet Union, supported the Bolshevik ideas, and became a classic, ideologically contradictory with the Alash leader.

However, S.Seifullin succeeded in the Stalinist repressions of the thirty years. This applies not only to Saken Seifullin, all Soviet-party nomenclature have suffered from repression, they were charged with.

Saken Seifullin did not always look at the Bolshevik authorities. To the leadership of Kazakhstan Goloschekin was opposed to economic reforms. He criticized it in his works and used it as a weapon in the fight against politics.

The last years of Saken Seifullin's life are full of controversy. The first Congress of Writers of Kazakhstan was held on June 12 and 18, 1934 in Almaty. On the eve of the congress, articles by S.Seifullin, I.Zhansugurov and A.Tazhibaev were published under the rubric «On the eve of the congress of writers». Authors have raised topical issues of Kazakh literature and put it in the center of public opinion [1; 2]. Writers' Congress Opened by Seifullin. Regarding the collection of ancient literary heritage in the literature development Seyfullin said that the high-ranking officials are indifferent to the Kazakh language. Studying new problems of national literature, he says: «before that, who perceived the word «criticism» as «beating» showed their low, incomplete knowledge» [2; 119].

Earlier in 1929, S.Seifullin published a collection of samples of Kazakh oral literature, heroic epics, and folklore works. Therefore, it is clear that the problem of collecting the rich heritage of the people is the result of the development of good works. In the 20s, when he headed the republican government, he fought for the expansion of the status and existing rights to the Kazakh language. It would not be superfluous to say that the study and the use of the Kazakh language was his life slogan. During a speech at the congress, I.Zhansugurov notes that because of the system of government the rights of writers were limited.

Saken Seifullin's work in the Writers' Union of Kazakhstan confirms that he has become an active organizer and participator in solving problems such as admission to young people, preparing for creative trips, dramatic, artistic circles, writing textbooks in Kazakh language.

On 21 June, 1934 in the composition of poets-writers aimed at the all-union the work of the following individuals: I.Zhansugurov, B.Maylin, S.Seifullin, S.Mukanov, M.Auezov, T.Zharokov, A.Tazhibayev. On 5 August of this year, signed by the Chairman of S.Seifullin and secerate A.Tazhibaeva in the Writers' union was adopted on 29 members and 29 candidates [3].

In connection with the 100th anniversary of the death of A. Pushkin in 1935, Seifullin contributed to the publication of the poet's works in the Kazakh language. In the mid-1930s, the works of Kazakh poets and writers began to be translated into Russian.

During his government, Seifullin fought with the colonial communists to introduce the Kazakh language in offices. And in the last years of his life, he made efforts to develop the language and image of the Kazakh nation. This is evident from the words of Seifullin at the First Congress of Writers of the USSR, held in August 1934, on the large tribune of Moscow. For clarity, it would be better to make an example from his speech: «... Poets who write in Russian, do little or no work at all on topics from the life of non-Russian nationalities.... Without studying and not knowing the peoples of the USSR, they give what they invented as real, made-up, false types give out as real people of our time.... Such writers as V. Ivanov, Shklovsky, Afinogenov, and the author of the play «The ring of fire», showing particular types, heroes among the peoples of the USSR, write what they want. Shklovsky wrote essays about Turksib, in which he claimed that the Kazakhs call themselves Kyrgyz. Another writer, Afinogenov, in his play «Fear» displays a Kazakh student, draws him in a half-full, half-blown form. The author of the play «The Ring of Fire», describing the Kazakh Red Guards, presents him as a fool, half-idiot» [4; 114]. Despite the imperative of communist ideology, S. Seifullin's intentions completely contradicted international educational policy. He put the interests of the nation at the highest interest and criticized other national writers who, not knowing the Kazakh people, wrote inappropriate things.

In mid-1936, the Union «Pravda» newspaper issued a statement calling for the fight against formalism and naturalism in art and literature. On April 11, 1936 there was a three-day debate among writers on this subject [5; 1]. Several editions of the newspaper «Kazakh Literature» were dedicated to this scandal. Along with the development and improvement of literature, the artistic issues of the Kazakh literature were widely discussed.

In mid-1936, the domestic newspaper «Pravda» declared the struggle against formalism and naturalism in literature and art. On April 11, 1936, a debate among the old writers on this topic was held for three days [5; 1]. Several editions of the «Kazakh Literature» newspaper were dedicated to this aitys. Along with the development and improvement of literature, the artistic issues of the Kazakh literature were widely discussed. Concluding speech of Lekeruly B., Mailin's «Myrgymbai», I. Zhansugurov's poem «Zharyk», were not studied in detail, and the conditions of socialist realism were not used. Seifullin's «Socialistan» and «Albatross» criticized the claims that there is formalism in the face of social realities as a new type of introduction. In general, the struggle against formalism in this literature was widely spread among Russian writers at that time. The works, which were not necessarily reflected in the works of socialist realism, were infallible in the Soviet society. The strict requirements of the Soviet authorities on the ideology and culture front impeded the Kazakh writers to be able to subscribe to the national and literary works of the Kazakh literature. Many writers have denied the national color and the theme of their works as they appear to be at the level demanded by the party.

The next word is related to criticism in the literature. Kanysh Kuanyshev, a member of the party, an adviser, and then executive secretary of the Union of Writers of the USSR, said that writers were fractured. He was wrongly convinced that Seifullin's works had nothing to do with the problem of human existence [5; 4]. In this regard S. Seifullin said: «The shortcomings in the linguistic tradition suggest that our critics are badly written, but do not tell us how to write, use, or rely on. Here are our critics». He concludes with his own thoughts: «we need to help each other, we need a friendly discussion, we need to discuss the essay before it's printed» [6; 1]. At that, Saken Seifullin contradicted the literary criticism, which was based on a dry word, which did not grow up to the writer. In his opinion, he is justified in criticizing unfair criticism. Therefore, he called for a pre-qualification, a methodology to criticize, and did not look down on the criticism.

In May 1936, in Moscow, the Decade of Kazakh Literature and Art was held. The Writers' Union of Kazakhstan made great preparations for this decade. At the meeting on January 31, 1936 in Moscow, the issue of the Decade of Kazakh literature and art was discussed, preparation for it and drawing up an action plan were assigned to Seifullin and the chairman of the Writers Association Tugzhanova [7]. Kazakh folk artists performed in Moscow and presented to the Soviet Union the spiritual world of the Kazakh people. At the ceremony, Seifullin received the Order of the Red Banner of the Kazakh writers. On May 26, 1936, in a Resolution signed by the Chairman of the Central Executive Committee Kalinin, reads: «Writer Saken Seifullin for his outstanding contribution to the development of Soviet Kazakh folklore» [8; 3]. The republican newspapers «Socialist Kazakhstan», «Kazakh Literature» and the newspaper «News of the CEC and the All-Union CEC» of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union and

the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union published this news and success in each issue of the newspaper.

It was one of the most memorable events in Almaty on July 13, 1936, when the 20th anniversary of Saken Seifullin's work was celebrated in the country. The writer, the witness who took part in this anniversary of Mukanov in his novel «The School of Life» tells about this event under the heading «The celebration of Kazakh literature». On this holiday held at the republican level, Respect for Seifullin and his work, congratulations were published one after another on the pages of the publication.

The ceremonial publication of the Kazakh Literature newspaper on July 21, 1936 is fully devoted to Seifullin's work. Cultural figures and writers G.Serebryakova K.Zhandarbekov K.Baiseitov, Tarlovsky, T.Ryskulov devoted congratulatory words. And composer R.Elebaev dedicated the work «Bulbul» in honor of the poet. The poets K.Amanzholov, I.Zhansugurov, A.Tazhibaeva praise him in their works. Auezov published his article «Truthful, haughty poet». A group of officials led by Kulumbetov and Nurpeysov published a congratulatory letter to S.Seifullin in the magazine «Adebiat Maidany» in 6 issue, 1936. The first secretary of the Communist Party of Kazakhstan Mirzoyan rated him «S.Seifullin is a veteran of Kazakh literature». S.Seifullin thanked for the completion of the holiday and highly appreciated the achievements of Kazakhstan in the Union.

Here we would like to say that the Soviet power was created without the will and desire of hundreds of nationalities. That's why it is declared that the paper is still being made possible to develop national culture and art by conducting «national politics», «localization». In other words, if nationalist politics and localization were really conducted, why the Alash intellectuals were dismissed from the civil service, and literature and culture became an instrument of ideology, hiding in a narrow circle, and why it was restricted to national prosperity.

The Soviet government, by uniting different nations under the false slogan «friendship of nations», «internationalism», in fact, tried to deprive them of their national attributes and led a policy of russification. There was a propaganda that the Russian people were the leaders of culture and civilization, and the representatives of other nations did not have a culture before, and only with the help of the «fraternal care» of the Russian people did they develop. Speaking about the cultural development of Kazakhstan in the 20–30s, he proudly speaks about decades of Kazakh art and literature in Moscow in 1936. However, Kazakhstan was not the only country to play in the capital of the Soviet Union, but before us, such as Ukraine, Georgia and then Uzbekistan. Republics have made their decades. The newspaper «News of the CEC and the All-Union CEC», without any hesitation, published a report on the creation of a «Leninist nationalist policy» in the Soviet Union. At first glance, the unity and solidarity of nations and nationalities living in harmony with one another is a good idea. But after a year, the «artificial policy of the nation» revealed its true face. All the party-Soviet workers and intelligents of the Republics of the former Soviet Union were the victims of the Stalinist repressions.

By the middle of 1936, trials against the Trotskyites began in Moscow. In the first plenum of the Writers' Union of the USSR, which was held in Minsk in early 1936, a friend of Seifullin, a Russian writer F.Berezovsky talked about the state of the Kazakh literature and wrote: «Seifullin's poems «Red horse» and some of the political errors related to Trotskyism in his works. Now, Seifullin has got rid of this mistake» [9; 341]. Following this, actions to eliminate the Trotskyism began in Kazakhstan and Seifullin was targeted.

With the advent of 1937, the political situation became more complicated and the search for «population rains» began. The aggravation of repression took place in February and March at the plenary meeting of the Central Committee of the all-union communist (Bolshevik) Party after Stalin's report on the theme «Measures to destroy the Trotskyites and hypocrisy and shortcomings of the party» [10; 1–26]. The decision of the plenum of all party organizations was strictly enforced. Material on the pages of the same period will give us a clear picture of the situation.

Head of Propaganda Department of the Regional Party Committee I.Kabilov called for the fight against the Alash people in his article «The task of the Kazakh Bolsheviks is to combat the Kazakh nationalism» [11; 2]. L.Zalin wrote about the Trotsky-based right-wing agents in Kazakhstan [12; 4], in the «Kazakh Literature» newspaper on August 13th, published articles titled «We Will not Live For Nationalist Fascists», «The Nationalist-Fascist Pests in the Literature Must Be Destroyed» [13; 1]. In the beginning, T. Ryskulov, S.Kozhanov, N.Nurmakov, U.Kulyabetov were accused as nationalist fascists and Japanese-German spies, in the next article of S.Seifullin, I.Zhansugurov, S.Mukanov G.Tugzhanov were accused of «propaganda» of the Trotsky-Bukharin counter-revolutionary theory. Instead of fighting the people, Seifullin demonstrated a

great deal of genius, and in recent years it has been said that he has not given a prominent work depicting modern life. In the article titled «Let's Create a Pestilence Effect of the Nationalist Fascist Enemies in the Writers' Organization» S.Mukanov was slandered by praising S.Seifullin and propagating his nationalist ideology [14; 2]. Articles published in newspapers and magazines in 1937, «Kazakh nationalism — the main threat to the nation», «it is necessary to punish and destroy the right-trotskyist spies» were aimed at fighting against «enemies of the people» among the party employees and writers of the Kazakhs [15; 1]. In all the state bodies, institutions and industries the tendency to search for enemies of the people has grown. The Union of Writers in Kazakhstan has been stuck in the campaign of «exposing enemies».

On April 5–7, 1937 the Almaty City General Assembly of Writers' Organization was held [16; 2]. In his speech at the meeting, Zharokov says: «Sabit, Saken and Ilyas do not criticize each other and are worried that «friendship will collapse» and thereby accused S.Seifullin, S.Mukanov, I.Dzhansugirov. The main article published in the newspaper «Kazakh Literature» showed that the deficiencies in the Writers' Union were due to the educational work and weakness of mutual criticism. Speaking at the reporters' meeting of April 11, S.Seifullin was assessed as «unable to fully demonstrate his disadvantages».

On April 26, 1937, the first plenary session of the Kazakh Writers was held. One month later, on May 16–17, at the Almaty General Assembly of Writers, M.Karataev made a report entitled «The negligence and arrogance in the Writers' Organization» and underlined that the plenum did not fulfill the resolutions of the writers [17].

On July 11–13, 1937 the regular party meeting of the Union of Writers of Kazakhstan was held [18; 76–78]. There S.Seifullin made a speech: «I have many shortcomings. Although I tried to be far-sighted, there were moments when I did not finish it». H.Zhusupbekov called on S.Mukanov to reconsider his honesty before the party, made a warning to S.Seifullin and I.Zhansugurov, to make a hard reprimand to B.Mailin and called «to destroy the enemies of the people». According to H.Zhusupbekov's report, the main task of the leaders of the Union of Writers Mukhanov, Seifullin, Zhansugurov, Tugzhanov in the current period was the fact that they did not make the corresponding conclusion from the February-March Plenum of the Central Committee of the Communist Party without fighting against the Trotsky-nationalist counter-revolutionary smuggling in the literature. In connection with Seifullin, it was noted that until now there were not enough shortcomings in the collections and publications, he showed a negligent attitude to the original criticism, currently at work, in the collective farms there is no connection with the population, political and creative backwardness. When we examine the content of the meetings held in the Writers' Organization in the field of «raiding the enemy of the people», we see that almost everybody is criticized by Seifullin's «disadvantage».

L.I Mirzoyan, secretary of the Kazakh regional party committee, said in his speech at the First Congress of the Communist Party of Kazakhstan in June 1937 that the party of Kazakhstan would mobilize to fight against all the powerful people and fascist elements, armed with decisions of the February and March plenary session of the Central Committee [19; 5]. And the People's Commissariat of Internal Affairs of Kazakhstan has been reporting to the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan about the successes in the disclosure of malefactors and spies.

Thus, the slander of «national enemies», and «nationalists» was directed mainly to writers such as S.Seifullin, I.Zhansugurov, B.Mailin, S.Mukanov. Seifullin has been accused of acts of hostility against the Soviet government. In his novel «Tar zhol, taigak keshu», «Enemies of the people» T.Ryskulov, N.Nurmakov, Zh. Saduakasova, A.Asylbekova show as fighters, write about Trotsky and Zinoviev, write a laudable article about A.Baitursynov, adhere to the Pan-Turkic idea, create a group of «seifullinism» in opposition to the national party.

Colonel, journalist Amantay Kaken, who worked for long years at the National Security Administration investigating S.Seifullin's 04519 criminal case, wrote a documentary story «The truth about Saken or what the documents of the People's Commissariat of Internal Affairs speak about». After that, the work «Kazaktyn Sakeni», as a specialist in human rights activities of the author, deeply analyzed, comparatively researched and will help us to understand that in the life of Seifullin there are the last moments of life, to become an innocent «enemy of the people».

September 24, 1937 Seifullin was arrested. September 25, S. in Seifullin's appeal to the internal Affairs bodies of the Kazakh SSR «Under the influence of Nurmakov in 1935 he joined the Soviet nationalist organization. I give in the investigation reliable arguments about the actions of their and other members of the organization against the Council», — said in a statement [20; 17]. But all these data show that this document is genuine. The first of them, on October 6, 1937, an employee of the 4th Department of the state security Department Baymurzin noted that «Prisoner S.Seifullin expressed obscene words against the body

of The people's Commissariat of internal Affairs. I tried to grab a chair to hit me, but I pulled it away». The second document is a report by investigator Serembaev to junior lieutenant Ivanov, the head of the 4th division of the Ministry of Internal Affairs for the Kazakh SSR. It says about 13 days of silence of Seifullin, about insulting the employees of the People's Commissariat of Internal Affairs and about the fact that he hit his head against the wall [20; 19, 20]. We understand that Seifullin resisted without acknowledging the unacceptable slander and accusations. The legal officer of the party said that the Central Committee of the party, saying that Stalin officially allowed the torture of the culprit to establish the crime committed the attempt on the Fatherland, proves that this document can not be written on September 25, and subsequently lead to violent writing, investigators changed the date of the document, false. And we add that due to the fact that the people involved are not guilty, innocent, the need to detect a crime has become a habit of the investigation. The investigators, who decided, by whatever way, only to accept, to assume criminal and accumulated the inevitable false information. Day and night, due to the fact that he saw physical and mental suffering, he was forced to «admit» to a crime not committed those who did not survive.

In 1937, in the Soviet Union, including in Kazakhstan, as directed by Stalin, all the enemies of the nation were destroyed. That is why the falsified information was drawn up and consolidated, and the Kazakh intelligentsia associated with the opposition group in the center of the Soviet «anti-Soviet government».

«In Kazakhstan, Ryzkulov, Nurmukov, Kozhanov and Kulumbetov were the leaders of the well-organized, Trotskyite, bourgeois nationalist, terrorist counter-revolutionary organization. As a result of the unification of «nationalist» groups since 1928, on the proposal of Kozhanov, S.Seifullin, as the leader of the nationalist group, joined the anti-Soviet organization, which involved new people, joined the members of the organization. He took part in the preparation of terrorist acts that tried to kill the heads of the all-Union Communist party and the Soviet government. This organization intends to allocate Kazakhstan from the Soviet Union and create a bourgeois Kazakh state under the leadership of Japan. Japanese-German spies abroad contacted with M.Shokai and R.Marsekov. Since 1922, he was in the counter-revolutionary direction against the Soviet government, carried out activities in the literature on the Trotskyite direction, devoted his work to Trotsky, promoted Trotskyism among nationalists. In 1936, the enemy of the people is associated with the Trotskyites through Sokolnikov» [20; 36, 37].

In our opinion, the internal Affairs bodies in making decisions with special care proceeded from the fact that S.Seifullin was an opponent of the people. It is true that S.Seifullin devoted L.Trotsky a collection of poems «Dombrya». This was proof that in 1923 at the III regional party conference he called the «Trotsky «gang»».

In February 1937, in connection with the convicted G.Sokolnikov in the case called «relatively anti-Soviet Trotskyite center», the reason for this was the creative connection between the wife of G.Sokolnikov and S.Seifullin, Russian writer G.Serebryakova. According to the scientist T.Kakishev, who interviewed G.Serebryakova during the conversation and wrote memories of S.Seifullin, they had met twice in their life. The acquaintance of two writers began in 1936 during the decade of Kazakh art and culture in Moscow. The first meeting took place in the office of writer Fadeyev, and the second proceeded in her park. He gave her the Kazakh version of G.Serebryakova's book «Marx's youth», edited by her. At this time, G.Serebryakova's husband G.Sokolnikov was not in her home while on a business trip. Therefore, the investigators misrepresented the meeting of two creative writers made about the facts of the accusations of «Trotskyism» [9; 312–315].

After the death of the Bolshevik leader V.I. Lenin L.Trotsky to fight for power with I.Stalin and finally with his 30 accomplices, he was deported to Almaty in January 1928. According to the scientist T.Omarbekov in recognition of Almaty as an isolated region L.Trotsky did not believe that the local opposition will be able to repel Stalin. He had no hope for the Kazakh Communists. In Kazakhstan, no attempts were made to organize opposition against I.Stalin and F.Goloschekin. «Kazakhstan's political leaders are not that Trotskyism has not fully mastered the ideological foundations of Marxism-Leninism yet. As for the Kazakh intelligentsia, they were not ready to accept the new Trinity doctrine, mainly because of the national and international laserscope-Leninist» [21; 180].

We also agree with the scientist's reflections. In General, S. Seifullin was not involved in the policy of confiscation and collectivization of wealth in Kazakhstan in 1927–1929. At this time he worked as the rector of the University in Tashkent. Upon arrival in Almaty in 1929, he taught at the Kazakh pedagogical University until 1934, engaged in the study of the ancient heritage of Kazakh literature. At the same time, search Trotskyites, the prosecution in this S.Seifullin, another Kazakh intelligentsia was not terminated.

As mentioned above, the charge of «seifullinism», «Trotskyism» was fictional, in connection with literary works, has no criminal basis.

The second reason for the accusation is S.Seifullin's struggle for the Kazakh language, a decisive statement of his view on national problems, expressing A.Baitursynov, who is involved in the Kazakh nation, in 1923 he is able to accuse him of «nationalism». Later, the opponents found and aggravated scenes of «nationalism» in the works of the National folk character. The fact that he published a photo of members of Alash in his book «Tar Zhol, Taygak Keshu» clearly shows that he was a «nationalist». Third, in this novel he shows the «enemies of the people» N.Nurmakov, A.Asylbekov and K.Sarymoldayev as fighters in the way of Soviet power.

It is well known that the nationalist, state and public figure N.Nurmakanov was the head of the government of Kazakhstan in 1924–1929 after S.Seifullin. Unity of views on the path of national interests that started S.Seifullin continued during the time of N.Nurmakanov. In March 1923, Seifullin and Nurmakov were among 14 people who addressed a letter to the Central Committee of the all-union Communist Party, which pointed to the danger of colonialism and the accusation of Kazakh communists of nationalism. N.Nurmakov's attempt during the years of the government of Kazakhstan does not agree with the proposed program of Soviet policy, required the consideration of national interests and peculiarities, fought for the implementation of this direction, faced the protest of F.Goloshchekin. Three days after S.Seifullin's arrest on September 27, 1937, the Supreme Court of the USSR decided to shoot N.Nurmakov. So it was easier to associate S.Seifullin and N.Nurmakova to the charge. Fourth, the moral, civic qualities of S.Seifullin, forgiveness sound in the memories of those who saw him. One of them is assistance to Magzhan Zhumabayev in employment and financial support. But this attempt was in «vigilance» of internal affairs.

February 25, 1938 the Supreme Court of the USSR in Almaty sentenced the visiting military Board: «Seifullin since 1922 divided the Trotskyite views and pursued a Trotskyite activities in the literature. Since 1928, he joined the counter-revolutionary-nationalist groups, and later became part of the counter-revolutionary, bourgeois-nationalist, insurgent-terrorist and sabotage organization operating in the Kazakh SSR in the block with the right-Trotsky terrorist organization and aimed at the armed overthrow of the Soviet power, the rejection of Kazakhstan from the Soviet Union and the creation of a bourgeois Kazakh state under the leadership of Japan, he participated in the preparation of terrorist acts against the leaders of the all-union Communist Party and the Soviet government and in the preparation of an armed uprising against the Soviet government, recruited new members in the organization, engaged in sabotage in the literary field». After this decision he was sentenced to death [20; 38].

If you refer to the research of the scientist-demographer M.Tatymov on the day of S.Seifullin's death, on February 25, 33 more people were shot [22; 132]. Among them are representatives of the Kazakh intelligentsia who collaborated with Seyfullin, such as S.Mendesheev, S.Asfendiyarov, S.Eskarayev, T.Zhurgenov, U.Kulumbetov, I.Moldazhanov, Zh. Saduakasov. History proves that they were the owners of high intellectual and business qualities of their time. Writer from Karaganda Zh. Bekturov in an interview with the figure of Alash A.Ermekov says: «if not to say that Saken was on the side of the Reds, and we were on the side of the horde, Saken was a nationalist more than we. Here he described the «nationalist» not in the meaningless sense, but in the sense that Saken served his people honestly, contributing to the promotion of the Kazakh language and culture» [23; 444].

Twenty years later, in 1957, Seifullin was completely justified.

References

- 1 Сейфоллаұлы Сәкен. Жазушылар съезіне / Сейфоллаұлы Сәкен // Социалистік Қазақстан. — 1934. — 12 июнь.
- 2 Қазақстан Кеңес жазушыларының тұңғыш съезі. ҚКӘБ. — Алматы, 1934. — 12–18 июнь. — 143 б.
- 3 ҚР ОММ. — 1778-қ. — 1-тіз. — 21-іс. — 19-п.
- 4 Сахара сұңқары (Мемлекет және қоғам қайраткері, жаңа заманғы әдебиет көшбасшысы С. Сейфуллинге арналады). — Алматы, 2004. — 406 б.
- 5 Әдебиет айтысының алғашқы қорытындылары // Қазақ әдебиеті. — 1936 — 25 апр.
- 6 С. Сейфуллиннің айтыстағы сөйлеген сөзінен // Қазақ әдебиеті. — 1936. — 5 май.
- 7 ҚР ОММ. — 1778-қ. — 1-тіз. — 21-іс. — 10-п.
- 8 С. Сейфуллинге награда беру туралы // Қазақ әдебиеті. — 1936. — 2 июнь.
- 9 Кәкішев Т. Дала дауылпазы. Ғұмырнама / Т. Кәкішев. — Алматы: Қазығұрт, 2005. — 408 б.

- 10 Сталин И. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников / И. Сталин // Большевик Казахстана. — 1937. — № 4. — Март-апрель.
- 11 Қабылов І. Қазақ большевиктерінің міндеті — қазақ ұлтшылдығына қарсы күресу / І. Қабылов // Социалистік Қазақстан. — 1937. — 12 қаңт.
- 12 Залин Л. Фашистік разведкалардың троцкистік-оңшыл, ұлтшыл агенттерін тамырымен құртайық / Л. Залин // Социалистік Қазақстан. — 1937. — 6 июль.
- 13 Ұлтшыл фашистерге өмір сүргізбейміз; Қалмақан. Әдебиетте троцкист-бухариншіл, ұлтшыл-фашист зиянкестерін жеріне жете құрту керек // Қазақ әдебиеті. — 1937. — 13 тамыз.
- 14 Жазушылар ұйымындағы ұлтшыл-фашистердің зиянды зардаптарын құртайық // Қазақ әдебиеті. — 1937. — 8 қазан.
- 15 Қазақ ұлтшылдығы — ұлт мәселесіндегі басты қауіп; Халық жауларына қарсы күресті күшейте береміз; Троцкист-оңшыл шпиондарды аяусыз талқандап, тамырымен құрту керек // Социалистік Қазақстан. — 1937. — 2 июнь.
- 16 Жазушылардың Алматы қалалық жалпы жиналысынан // Қазақ әдебиеті. — 1937. — 20 апр.
- 17 ҚР ОММ. — 1778-қ. — 1-тіз. — 34-іс. — 31–33-пп.
- 18 Политические репрессии в Казахстане 1937–1938 гг. — Алматы: Казахстан, 1998. — 336 с.
- 19 Мирзоян Л.И. Отчетный доклад первому съезду КП (б) Казахстана о работе Крайкома КП (б) К 5 июня / Л.И. Мирзоян. — Партиздат Крайкома КП (б). — 1937. — 56 с.
- 20 Кәкен А. Сәкен шындығын дйттегенде, немесе НКВД құжаттары шерткен сыр: деректі хикая / А. Кәкен. — Ақмола: Қаламгер, 1996. — 92 б.
- 21 Омарбеков Т. Қазақстан тарихының XX ғасырдағы өзекті мәселелері: көмекші оқу құралы / Т. Омарбеков. — Алматы: Өнер, 2003. — 552 б.
- 22 Тәгімов М. Қазақ әлемі / М. Тәгімов // Қазақстан. — Алматы: Атамұра, 1993. — 160 б.
- 23 Мерей (Ғалым Т. Кәкішұлына арнал. ғыл.-биограф. жин.). — Алматы, 2002. — 633 б.

С.С. Қасымова

Сәкен Сейфуллин өмірінің соңғы кезеңі

Мақалада қазақ кеңес әдебиетінің негізін салушылардың бірі, қоғам қайраткері Сәкен Сейфуллиннің өмірінің соңғы жылдарын қарастыратын деректер сараланған. Автор мұрағат құжаттары мен мерзімді баспасөз материалдарын зерттеу барысында С. Сейфуллиннің әдеби сын мәселелерін зерттеуге қосқан үлесін көрсеткен және оның Жазушылар одағындағы қызметінің негізгі бағыттарына талдау жасаған. БКП (б) Орталық Комитетінің 1932 жылғы 23 сәуірдегі «Көркем әдебиет туралы» Қаулысының, әдебиеттегі формализм мен натурализмге қарсы күрестің ұлттық әдебиеттің дамуына жағымсыз әсері зерттелген. Автор қоғамдық, әдеби қызметін жан-жақты зерттеу арқылы С. Сейфуллиннің тек большевиктік идеологияның жақтаушысы ғана емес, сонымен қатар Ф. Голощекиннің Қазақстанда жүргізген «Кіші Қазан» саясатына қарсылығы мен өзіндік көзқарасы болғанын анықтаған. Ішкі Істер Халық Комиссариатының құжаттарын ғылыми айналымға енгізу арқылы С. Сейфуллиннің «халық жауы» атанып, «ұлтшылдыққа», «троцкизмге» айыпталуының себептері талданып, кеңінен ашылған. Мұрағат құжаттары қазақ зиялыларына, оның ішінде С. Сейфуллинге қарсы жасалған айыптаулардың негізсіз болып табылатынын және кеңестік «Кіші Қазан» саясатының мақсатты бағыттылығын көрсетеді. Автор қарастырылған кезеңдегі Қазақстандағы қоғамдық-саяси өмір туралы қорытынды жасаған.

Кілт сөздер: Қазақстан Жазушылар одағы, сын, қуғын-сүргін, «троцкизм», «ұлтшылдық», ақтау.

С.С. Касимова

Последние годы жизни Сакена Сейфуллина

В статье дан обзор источников, рассматривающих последние годы жизни одного из зачинателей казахской советской литературы, общественного деятеля Сакена Сейфуллина. В ходе изучения архивных материалов и периодической печати автором показан вклад С. Сейфуллина в изучение проблем литературной критики и проанализированы основные направления его деятельности в Союзе писателей. Изучены негативные влияния Постановления Центрального Комитета ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О художественной литературе», борьбы против формализма и натурализма в литературе на развитие национальной литературы. Автор, разносторонне изучая общественную и литературную деятельность С. Сейфуллина, определил, что С. Сейфуллин был не только сторонником большевистской идеологии, но и её противником и выработал собственный взгляд на политику «Малого Октября», проводимую Ф. Голощекиным в Казахстане. Вводя в научный оборот документы Народного Комиссариата Внутренних Дел, автор всесторонне проанализировал и изучил причины обвинения С. Сейфуллина в национализме и троцкизме. Архивные документы показывают, что

обвинения, выдвинутые против казахской интеллигенции, и, в частности, против С. Сейфуллина, являются беспочвенными и демонстрируют целенаправленную советскую политику «Малого Октября». Автор формулирует выводы об общественно-политической жизни в Казахстане в изучаемый период.

Ключевые слова: Союз писателей Казахстана, критика, репрессия, «троцкизм», «национализм», реабилитация.

References

- 1 Saken Seifollauly. (1934). Zhazushylar sezine [To congress of writers]. *Sosialistik Kazakstan – Socialist Kazakhstan*, 12 iiun [in Kazakh].
- 2 Kazakstannyn kenes zhazushylarynyn tynhysh sezi. K KAB [Kazakhstan is the first Congress of Soviet Writers. KCSW]. (2004, 12–18 June). Almaty [in Kazakh].
- 3 Kazakstan Respublikasynyn Ortalyk Memlekettik Myrahat [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. 1778 Found. 1-List. 21-Case. Folder-19 [in Kazakh].
- 4 Sahara synkary (Memleket zhane koham kairatkeri, zhana zamanhy adebiet kosbasshysy S. Seifullinhe arnalady) [Sahara Fortress (State and public figure, dedicated to the modern literature leader S. Seifullin)]. (2004). Almaty [in Kazakh].
- 5 Adebiet aitysynyn alhashky koryrtyndylary [The first results of literary aitys]. (1936). *Kazak adebiety – Kazakh literature* [in Kazakh].
- 6 S. Seifullinnin aitystagy soilegen sozinen [From S. Seifullin's speech on the aitys]. (1936). *Kazak adebiety – Kazakh literature* [in Kazakh].
- 7 Kazakstan Respublikasynyn Ortalyk Memlekettik Myrahat [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. 1778 Found. 1-List. 21-Case. Folder-11 [in Kazakh].
- 8 S. Seifullinhe nahrada beru turaly [About giving a prize to S. Seifullin]. (1936). *Kazak adebiety – Kazakh literature* [in Kazakh].
- 9 Kakishev, T. (2005). *Dala dauylpazy. Hymyrnama [Steppe Sparkle. Biography]*. Almaty: Kazyhurt [in Kazakh].
- 10 Stalin, I. (1937). O nedostatkah partinnoi raboty i merah likvidatsii trozkistskih i inykh dvyryshnikov [On the shortcomings of party work and measures to eliminate the Trotskyist and other double-dealers]. *Bolshevik Kazakhstana – Bolshevik of Kazakhstan*, 4 [in Russian].
- 11 Kabylov, I. Kazak bolshevikterinyn mindeti — kazak ultshyldyhyyna karsy kyresu [The task of the Kazakh Bolsheviks is to combat the Kazakh nationalism]. *Sotsialisttyk Kazakhstan – Socialist Kazakhstan* [in Kazakh].
- 12 Zalin, L. (1937). Fashisttik razvedkalarzyn trozkistik-onshyl, ultshyl ahentterin tamyrmyn kyrtaiyk [Let's broke Trotskyist-Right Nationalist Fascist Agents]. *Sotsialisttyk Kazakhstan – Socialist Kazakhstan* [in Kazakh].
- 13 Ultshyl fashisterhe omir syrhezbeimiz; Kalkaman. Adebiette trozkis-bukharanshil, ultshyl-fashist ziankesterin zherine zhete kyrtu kerek [We do not live on nationalist fascists; Kalmykhan. In the literature it is necessary to destroy Trotskyist-Bukharin, nationalist-fascist pests]. (1937). *Kazak adebiety – Kazakh literature* [in Kazakh].
- 14 Zhazushylar uymyndahy ultshyl-fashisttedin ziyandy zardaptaryn kyrtaiyk [Let's create the harmful consequences of nationalist-fascists in the writer's organization]. (1937). *Kazak adebiety – Kazakh literature* [in Kazakh].
- 15 Kazak ultshyldyhy — ult masesindehi basty kauip. Halyk zhaularyna karsy kyresty kysheite beremiz. Trozkist — onshyl shpiondardy fyausyzy talkandap, tamyrmyn kyrtu kerek [Kazakh nationalism is a major threat to the nation, and we are strengthening the fight against the people's enemies. Trotskyist must destroy the right spy worms and destroy them with roots]. (1937). *Sotsialisttyk Kazakhstan – Socialist Kazakhstan* [in Kazakh].
- 16 Zhazushylardyn Almaty kalalyk zhalpy zhinalysynan [From general meeting of writers in Almaty city]. (1937). *Kazak adebiety – Kazakh literature* [in Kazakh].
- 17 Kazakstan Respublikasynyn Ortalyk Memlekettik Myrahat [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. 1778 Found. 1-List. 34-Case. Folders-31–33 [in Kazakh].
- 18 Politicheskije repressii v Kazakhstane 1937–1938 hh. [Political repression in Kazakhstan in 1937–1938]. (1998). Almaty: Kazakhstan [in Russian].
- 19 Mirzoyan, L.I. (1937). Otchetnyi doklad pervomu sezdu KP(b) Kazakhstana o rabote kraikoma KP(b) k 5 iiunya [Report to the first congress of the CP (b) of Kazakhstan on the work of the regional committee of the CP (b) By June 5]. [in Russian].
- 20 Kaken, A. (1996). *Saken shyndyhyyn dittehende nemese NKVD kyzhattary shertken syr: Derekti khikaia [Sarken Sings Truth or NKVD Secrets: Facts]*. Almaty: Kalamger [in Kazakh].
- 21 Omarbekov, T. (2003). *Kazakstan tarikhynyn XX hasyrdahy ozekti maseleleri [Actual problems of the history of Kazakhstan in the 20 th century]*. Almaty: Oner [in Kazakh].
- 22 Tatimov, M. (1993). *Kazak alemi [Kazakh world]*. Almaty: Atamura [in Kazakh].
- 23 Meri (Halym T. Kakishulyna arnalhan hylymi-biohrafyalyk zhinak) [Meriy (scientific and biographical collection for scientist T. Kakishuly)]. (2002). Almaty [in Kazakh].

I.A. Kukushkin¹, A.A. Tishkin², E.A. Dmitriev¹

¹*Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan;*

²*Altai State University, Barnaul, Russian Federation*

(E-mail: sai@ksu.kz)

Sacred monuments of ancient Saryarka and modern researches

The accumulation of materials characterizing the sacral monuments of ancient Saryarka took decades. Places of spiritual attraction of the Bronze Age are marked by necropolises, which were often created around the large funerary structures of charismatic military leaders, spiritual leaders or rulers, combining secular and spiritual power. The most famous are Aksu-Ayuly II, Ortau II, Begazy, Buguly III, Sangyru, Aybas-Darasy. Due to large-scale researches of recent years, such burial grounds as Tanabai, Kyzyltau, Besoba, Sherubai I, Karazhartas, Shantimes have been studied by archaeological methods, which can rightly be attributed to the sacred centers of the Bronze Age. The chronological spectrum of research covers almost all of the 2nd millennium BC, emphasizing the sacred and cultural features of each period.

Keywords: necropolis, burial structure, the Bronze Age, sacral, mausoleum.

The sacred geography of the Bronze Age of Saryarka involves the study of the centers of spiritual attraction of the ancient population associated with the administration of religious and religious practices in the 2nd millennium BC. During this period, in places that were considered sacred, necropolises were organized, which were often grouped around sacred and significant funerary structures of charismatic military leaders, spiritual leaders or rulers who combined secular and spiritual power. On the burial field, they are usually distinguished by their large parameters, reflecting the high social significance of objects for the whole society.

Due to the specifics of economic activities aimed primarily at the development of the cattle-breeding sector of the economy, the population of the steppe bronze lacks specially constructed monumental buildings of a temple character in the generally accepted sense of the word. Their functions are performed by socially stratified burial complexes, which play the role of peculiar sacral centers arranged under the open sky. They appear as large earthen mounds, under the embankment of which various ritual constructions, remains of sacrifices and fiery rituals are fixed.

The accumulation of materials characterizing the sacred sites of the ancient Saryarka, occurred throughout the XX century. However, many archaeological sites have been investigated in recent years.

Consider the three archaeological cultures that have developed in the territory of Central Kazakhstan — Early Alakul, Fedorovo and Begazy-Dandybay, a number of monuments which, of course, can be attributed to the sacred and significant objects of the Bronze Age.

Petrovka funerary complexes belong to the first quarter of the 2nd millennium BC. In this period, in the Ural-Kazakhstan region, charioteer-warriors enter the historical arena, taking leading positions in the system of the social structure of society. On the burial field, their burials are marked as blurred, flattened embankments, overlapping the rounded fences of small vertically installed plates. In the central part, usually one or two large ground pits are fixed, the dimensions of which can reach 3x4 m, depth up to 2 m and more. Around are often located burials of children and relatives of lower rank. Later, burials made in stone boxes became widespread. Most of these graves are accompanied by numerous altars, arranged on the ground below the ground. A distinctive feature of the burials is the presence of a chariot complex, represented by paired bones of horses, chariots, plate cheek-pieces, as well as weapons of close and distance combat.

In the fully «equipped» form the chariot complex is quite rare. Much more often in the absence of traces of a chariot in the burial chamber, we encounter a pair of burials of sacrificial harness horses, symbolizing the presence of a «virtual» chariot. Currently, about eighty pairs of sacrificial animals are known in the Ural-Kazakhstan region [1].

Horses, as a rule, were laid along the long sides of the burial chamber or from the western, less often from the eastern face side of the grave pit, which was assigned the role of the chariot itself. In Saryarka, the paired skeletons of horses were recorded in the Aschisu, Nurtai, Ayapbergen, Nurataldy I, Tanabai and Kyzyltau burial grounds. The high social status of the deceased was also emphasized by the funeral inventory of militaristic content. First of all, these are arrowheads made of horn, stone or bronze, since it was the

bow with arrows that was the main weapon of the chariot. Bronze knives are often noted, occasionally hanging-butt axes, hooks and sleeve spearheads, which were considered weapons of the princely rank [2].

The separate category consists of finds of stone and bronze maces, interpreted as insignias of power or as objects of ritual purpose marking people of a special social rank.

Traditionally, the burials of the Bronze Age with the tops of the maces are considered as the burials of military leaders. For these graves the military attributes is characterized, and the presence of maces is interpreted as symbols of power, indicating a high lifetime status of the deceased. Maces made of soft stone often have a rather fragile structure, which implies their use within the social ranking or ritual sphere, possibly indicating the priestly status of their owners [3].

The ideological basis of the population of this period is war, which brought to life a deity endowed with pronounced military functions. Apparently, originally the maces labeled the attendants of this deity, where the «elects» combined military and priestly functions, worshiping the god of war and thunder, which in the mythological tradition was depicted jumping on a chariot with a mace in hand. With the help of his cudgel, bow and arrows, he fights against the serpent — the ruler of the hostile world.

The cult features of this deity are most present in the burials with tops of maces, arrowheads and squeezing stones for making a hallucinogenic drink. Most likely, the priests of the god of war not only asked him for good luck in battle and rich booty, but they themselves were part of military units participating in the hostilities. This can be indicated, for example, by six graves with maces from 96 counted burials of the Sintashta burial ground [4]. It is hardly possible to assume that in one team there could be such a number of military leaders, in fact, one for every 16 sup positively buried, including children and women.

This assumption was confirmed by a find in the Tundyk early Alakul burial site of a rounded bronze top of a mace found in a closed complex in Central Kazakhstan for the first time [5; 2]. The only direct analogue is the bronze top mace from the Baganaty III cemetery in northern Kazakhstan [6]. The small size and weight of bronze maces (about 200 grams) allow us to consider their purpose, as an authoritative or ritual symbol, rather than an effective military weapon.

The relative diversity of the weapons found in the burial is significant, where, besides the mace, a knife and arrowheads are encountered. There is a lack of a conventional set of labor tools on the background of the weapon set. An interesting discovery is that of a pebble stone, which may have been used in the preparation of the ritual hallucinogenic drink. It seems that this burial could be the burial of a warrior-priest, a clergyman of the deity associated with the military sphere, as indicated by the location of the grave itself, which was not the main burial. The central place was occupied by the burial in the form of a double stone box, looted in antiquity.

Of great interest is a representative quiver set of arrows with individual characteristics. Each of the eight arrowheads had its own special, distinct form. The absence of serial copies implies their use for ritual purposes when performing any ceremonial actions. The symbolism of the bow and arrow often serves as one of the most ancient attributes associated with sacred practice [7].

The instability of the political situation and the constant military conflicts contributed to the rise of the cult of the god of war and the strengthening of the power of the priests — the senders of this cult. It is indicative that in the burial the bronze mace was located in the area of the deceased's shoulder, literally copying the mythological character of the «Mace carrier», well known for rock art. These petroglyphs are interpreted as images of a thunderer, an indispensable attribute of which is the mace (club, vajra), which he carries on his shoulder [8]. It is not excluded that the servants of the cult of this formidable deity, the symbol of the Bronze Age military tribal elite, who converged in a ritual duel, could also be depicted with maces [9].

Interpretation of the burial as the burial of the priest, presupposes the existence of a developed system of religious-mythological ideas in Andronovo society, supported by specially trained people with sacred knowledge.

The significance of the cult of the god of war in the first quarter of the second millennium BC was expressed not only in the distribution of burials of priests with maces, but also in the adoption of military aristocracy of priestly functions. The subject sacralization of military power was implemented in carrying out lush and complex funerary rites, the presence of a rich inventory in the graves of the leaders-charioters, where they began to place maces, which was reflected in Petrovka elite graves.

Apparently, the afterworld, by analogy with the earthly one, was also thought of in a state of militaristic excitement, engulfed in military conflicts and predatory raids, as clearly indicated by the burial inventory, saturated with diverse weapons, and the presence of war chariots.

It is symptomatic that a number of burial grounds is isolated, where only one case of paired draft horses, symbolizing the chariot, is found in the largest necropolis barrow, in the absence of those in the rest of the burial structures (Nurtai, Ayapbergen, Tanabai). This circumstance makes it very likely that these burials are necropolitan and could belong to military leaders who originally originated from the tribal aristocracy among the ranks of warriors. Probably, they could retain a title corresponding to their social status, indicating a notable origin, for example, kshatriya or rajaystar, i.e. a warrior standing on a chariot, which was emphasized by the chariot content of the burial rite. Subsequently, representatives of the military elite become the half-legendary ancestors of one or another tribal community.

Thus, the «heroic epoch» on the territory of Kazakhstan was marked by the appearance of large mounds with an unusually «magnificent» ritual complex. The funeral inventory with pronounced «militaristic» features and chariot symbolism, may indicate the emergence in the society of this period of a special social stratum — the warriors-charioteers. The spread of the chariot complex was a kind of marker of the clan military aristocracy, which became the dominant force in the expanses of Steppe Eurasia in the first centuries of the 2nd millennium BC.

It can be stated that at this time the cult of the chariot and the charioteer is of great importance. A number of elite kurgan burial grounds appear on the territory of Saryarka, which become sacral centers of the «heroic» era, such as, for example, Satan, Aschisu, Kyzyltau, Tanabai.

Fedorovka culture covers the period from the XVIII to XVI centuries BC. A characteristic feature of the sacral architecture of the socially-stratified burial complexes of the Fedorovka culture of Central Kazakhstan is the presence of large concentric structures that fit into each other and are covered by a barrow embankment. This ritual task was solved by arranging fences rounded in plan from vertically installed slabs or built of stones by the method of building masonry, as well as by arranging ring ditches or rounded pits-depressions. In the central part, there is usually marked a single high-status burial perfect in a stone box or cysts.

One of these objects is the cemetery Besoba, where a group of large mounds was investigated. So, for example, mound 3 was an earthen mound with a diameter of 26 m and a height of 1.5 m prior to the excavations. The diameter of the outer fence was 14 m, the inner diameter was 6 m. The height reached 1.6 m. The outer fence is rather fragmented, but the inner one is almost completely preserved. It is characterized by well-worked, tightly fitted slabs of gray granite, on which, from the northeast side, an eight-pointed star and a straight cross are depicted in deep knocking. It is possible that these signs could mean the title of the ruler or symbolized a deity to which the deceased himself could be equated. The inner part of the fence is filled with a large number of large stones mixed with the ground, which apparently suggests the presence of antiquity stone structure in the center of the burial structure.

After clearing the inner fence, two burials were discovered in stone boxes — the main and additional inlet, in which were found gold earrings with a bell, plaques, stripes and ceramic vessels [10].

Ordinary fences, consisting of 2–3 single-layer rings built of stone, in their planigraphy repeated high-status structures, but they were constructed according to a simplified version, emphasizing the basic ideological model of the structure.

The concentric circles inscribed into each other are considered to be the image of the daytime light — the sun. Close or in a similar way, the head part of the «sun-headed» deities was depicted with their general anthropomorphism. Probably, such a combination of solar symbolism and anthropomorphic being we see in the Fedorovka elite burials. The semantics of the structures fit into the mythology «the fence with the burial — the sun-man». In other words, the buried was a kind of symbol of the solar deity and his living incarnation on earth. The difference is also noted in the rock art, where sun-headed anthropomorphs are much higher and more images of ordinary people. «Gigantism» emphasized their greatness and divine essence, which is noted, for example, in the altar scene of the sanctuary Tamgaly [11; 2].

Apparently, we can talk about the wide spread of the solar cult, which occupies a central place in the ideological sphere of Fedorovka society. It is realistic to assume that society in this case was organized according to the theocratic principle, where the top of the social pyramid was occupied by a person with an unprecedented high status and, accordingly, the broadest powers.

So, if the differences in the construction of the burial structures of ordinary graves and elite burials are difficult to measure, then the analysis of the burial chambers and the accompanying inventory did not reveal such contrasts. Stone grave boxes are fairly standard for all members of society, regardless of status. Consequently, it can be a question not of a socio-economic, but exclusively of a social, but an incredibly high ranking of the society of the Fedorovka culture.

The external difference, which could distinguish prominent members of society from the rest of the tribesmen, according to preliminary data of the burial rite, is the wearing of gold earrings with a bell. Such earrings were found only in men's (gender and age definitions made by the candidate of historical sciences K.N. Solodovnikov) extraordinary burial structures and, apparently, are a kind of «calling card» of the Fedorovka elite.

Thus, the Fedorovka culture of Central Kazakhstan was a highly centralized and well-organized tribal society, apparently divided on tribal basis into separate associations of tribal groups. The social structure of one such association consisted of a deified highly status leader and common members of the community. Power and spiritual functions may have been inherited, acquiring the character of dynastic government. For example, only one large socially stratified structure was recorded on a single burial ground of Besoba with two dozen private burials. This sacred place can rightfully be called a kind of «valley of the kings» of the Bronze Age. Certainly, such well-known necropolis of Fedorovka culture as Aksu-Ayuly II, Baybala II, Ortau II can be attributed to similar high-status sacral monuments of the Bronze Age [12].

To the sacred monuments of the Begazy-Dandybay culture of Saryarka, developing in the XV-XII centuries BC, undoubtedly, belong large mausoleums of tribal nobility, where, with all the external similarity of construction equipment, distinctive features of each of them can be traced.

Against the general background of the Begazy-Dandybay antiquities, the Karazhartas mausoleum with a pyramidal-step shape stands out for its unique design, which made it possible to draw analogies with the countries of the Middle East. It is assumed that in antiquity there existed a trans-Asian corridor connecting the civilizations of the Middle East and Central Asia, through which not only migratory flows, but also their accompanying things, ideas and technologies, including construction canons, were moving in both directions. This is confirmed, for example, by the widespread use of the war chariot in Western Asia, Egypt, and the Balkans, which was invented in the Ural-Kazakhstan steppes.

Oriented by the corners of the cardinal directions, the pyramidal-step construction of the mausoleum consisted of 5–6 rows of walls, where each row receding to the center was higher than the previous one.

The length of the outer perimeter is 14x14.5x14.3x13.5 m, height — 1.5 m. Outside the walls are lined with fragmentary preserved large slabs installed vertically. From the southeast, a dromos was added to the burial chamber, cutting through the walls of the mausoleum.

From the north, northeast and east at a distance of up to half a meter from the facing plates, a heavily destroyed fence composed of building masonry up to 0.3 m high was fixed. It was blocked by numerous un-systematic stacks of stones that appeared as a result of the destruction of the upper structures of the monument during the repeated penetration of the burial chamber of the mausoleum.

The inner space of the central perimeter of the walls was a burial chamber of the ground type, which was almost completely robbed in antiquity. In the study of the necropolis, individual human bones, a gold ring, bronze knives, arrowheads, needles were found, as well as a representative ceramic collection [13].

The large burial chamber and impressive parameters of the Karazhartas mausoleum, characteristic of all the outstanding Begazy mausoleums, point to the underlying socio-economic processes that take place in the society of this period. First of all, the dimensions of the burial chambers testify to this, which, unlike, for example, from the Fedorovka chambers, increases by several times, which presupposes filling them with numerous and diverse accompanying equipment. At construction of the mausoleums the building stone, plates, blocks is widely used. The most famous sacred monuments of Begazy-Dandybay culture are the mausoleums of Begazy, Buguly III, Sangyru, Aibas-Darasy, attributed to the objects of monumental memorial-cult architecture of the late Bronze Age [14, 15]. They demonstrate a high degree of ranking and centralization of the communities that are carriers of the Begazy-Dandybay cultural traditions.

Building such grandiose objects for the Late Bronze Age could only be afforded by a highly organized and well-managed society with significant human resources and centralized power, and in this case the status of a leader could approach the early royal rank or another title of that time.

Socially stratified mausoleums are distinguished by their monumentality, which confirmed the special significance of the representatives of society buried here. For example, in the Karazhartas mausoleum, social stratification was emphasized by the number of bypass fences, stepwise rising to the central part, the semantics of which can mean moving up the steps, towards the sky. The originality of the stepped construction, good visibility served as a reminder of the ruler's connection with the heavenly deities and demonstration of the sacredness of power itself in ancient society, obtained by birthright and involvement in this or that celestial being, as well as the sacrality of the place as a whole.

Thus, the megalithic constructions of the high-status Begazy-Dandybay mausoleums and the enormous labor costs associated with their construction, with good reason, make it possible to attribute these monuments to the monumental sacral architecture of the late Bronze Age.

The Shantimes fence, decorated in a completely different style and referring to the very finale of the Bronze Age (10th century BC), stands a little apart. Giant stone platform of 1650 square meters, unlike other structures, is not oriented in the vertical, but in the horizontal projection, designed for perception from above, i.e. from the height of the sky, where, according to the ideas of the ancients, supreme deities lived, to which it was dedicated. Similar principles underlie the construction of the Torgai geoglyphs and burial mounds with long arc-shaped stone calculations — «mustache».

In form, the structure resembles a mandala image — a square with a circle inscribed in it — where the celestial sphere, embodied in the form of a barrow and the earth in the form of a quadrangular fence, thought like the four directions of the world harmoniously connected. Most likely, in this case, we see not so much a funerary as a temple-ritual complex of the Bronze Age, built under the open sky. This is confirmed by numerous fireplaces around the perimeter of the fence and dozens of stone altars around the sacral center, represented by stone rings. In the study of fireplaces, a stone altar and fragmented bones, including the human lower jaw, were found, which does not exclude the holding of a ceremony of human sacrifice.

It has been established that the real labor costs for the construction of a ritual and ceremonial complex are more than 1000 times higher than the labor costs for the construction of a private burial [16].

Thus, it can be stated that the level of social labor for the construction of sacred and significant funeral structures was directly proportional to the level of social, later and socio-economic ranking, complicated by ideological factors, which is especially important for the polar strata of the Bronze Age society of Saryarka.

The work was supported by the grants of the MES RK AR05131774 «Study of ethnocultural processes in the territory of Saryarka and adjacent regions in the Bronze Age» and AP05131861 «The history of the Kazakhstan steppe zone population in the Bronze Age — the beginning of the Early Iron Age (according to pottery technology)».

References

- 1 Зданович Д.Г. Лошади и близнецы: к «археологии ритуала» Центральной Евразии эпохи бронзы / Д.Г. Зданович, Е.В. Куприянова // Аркиам-Синташта: древнее наследие Южного Урала. — Челябинск, 2010. — С. 130–161.
- 2 Дегтярева А.Д. Результаты аналитического исследования металла могильника Кривое Озеро / А.Д. Дегтярева, С.В. Кузьминых // Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. — Челябинск, 2003. — С. 285–309.
- 3 Нелин Д.В. Погребения эпохи бронзы с булавами в Южном Зауралье и Северном Казахстане / Д.В. Нелин // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. — Челябинск, 1995. — Ч. V., Кн. 1. — С. 132–136.
- 4 Генинг В.Ф. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей / В.Ф. Генинг, Г.Б. Зданович, В.В. Генинг. — Челябинск, 1992. — Ч. 1. — 408 с.
- 5 Кукушкин И.А. Могильник Тундык: предварительные результаты исследований / И.А. Кукушкин, Е.А. Дмитриев, А.И. Кукушкин // Этнические взаимодействия на Южном Урале. — Челябинск, 2015. — С. 136–143.
- 6 Плешаков А.А. Могильник эпохи бронзы Баганаты III / А.А. Плешаков, О.И. Мартынюк, А.В. Баев. — Петропавловск, 2005. — 82 с.
- 7 Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы) / Ю.И. Михайлов. — Кемерово, 2001. — 363 с.
- 8 Самашев З.С. Накальные изображения Верхнего Прииртышья / З.С. Самашев. — Алма-Ата, 1992. — 288 с.
- 9 Рогожинский А.Е. Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы / А.Е. Рогожинский // История и археология Семиречья. — Алматы, 2001. — Выпуск 2. — С. 7–44.
- 10 Кукушкин И.А. Полевые исследования на могильнике Бесоба (Казахстан) / И.А. Кукушкин, Е.А. Дмитриев // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — Барнаул, 2016. — Вып. XXII. — С. 142–147.
- 11 Горячев А.А. Художественное своеобразие и семантический анализ образов «солнцеголовых» эпохи бронзы Тамгалы в свете материалов письменной и изобразительной традиции древних цивилизаций / А.А. Горячев, Т.А. Егорова // История и археология Семиречья. — Алматы, 2011. — Вып. 4. — С. 27–47.
- 12 Маргулан А.Х. Древняя культура Центрального Казахстана / А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев. — Алма-Ата, 1966. — 436 с.
- 13 Кукушкин И.А. Могильник Каражартас. Погребальное сооружение бегазы-дандыбаевской «знати» / И.А. Кукушкин, Е.А. Дмитриев, А.И. Кукушкин // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. — Белокураха, 2017. — С. 582–583.
- 14 Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана / А.Х. Маргулан. — Алма-Ата, 1979. — 360 с.

15 Бейсенов А.З. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана / А.З. Бейсенов, В.В. Варфоломеев, А.Е. Касеналин. — Алматы, 2014. — 192 с.

16 Кукушкин И.А. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: Исследование социально-стратифицированных погребальных комплексов Сарыарки в эпоху бронзы (промежуточный) / И.А. Кукушкин. — Караганда, 2016. — 207 с. Инв. № 0216PK00536.

И.А. Кукушкин, А.А. Тишкин, Е.А. Дмитриев

Ежелгі Сарыарқаның сакралды ескерткіштері және заманауи зерттеулер

Ежелгі Сарыарқа сакралды ескерткіштерін сипаттайтын материалдарды жинақтау он жылдықтармен жүргізілді. Қола дәуірінің рухани тартылыс орындары некропольдермен белгіленді, олар жиі зайырлы және рухани билікті біріктірген дарынды әскери қолбасшылардың, рухани көшбасшылардың немесе басқарушылардың ірі жерлеу құрылыстарының айналасына құрылады. Аса танымалылары Ақсу-Аюлы II, Ортау II, Беғазы, Бұғылы III, Саңғыру, Айбас-Дарасы болып табылады. Соңғы жылдары археологиялық әдістермен ауқымды зерттеулердің арқасында Танабай, Қызылтау, Бесоба, Шерубай I, Қаражартас, Шантимес сияқты қорымдар зерттелді, оларды қола дәуірінің сакралды орталықтарына толық негізбен жатқызуға болады. Әрбір дәуірге тән, сакралды белгілері және мәдени ерекшеліктеріне көңіл аударылған, зерттеулердің хронологиялық шоғыры іс жүзінде барлық б.д.д. II мың ж. камтиды.

Кілт сөздер: некрополь, жерлеу құрылыстары, қола дәуірі, сакралды, кесене.

И.А. Кукушкин, А.А. Тишкин, Е.А. Дмитриев

Сакральные памятники древней Сарыарки и современные исследования

Накопление материалов, характеризующих сакральные памятники древней Сарырки, происходило десятилетиями. Места духовного притяжения эпохи бронзы отмечены некрополями, которые нередко создавались вокруг крупных погребальных сооружений военных предводителей, духовных лидеров или правителей, совмещающих светскую и духовную власть. Наиболее известными являются Ақсу-Аюлы II, Ортау II, Бегазы, Бугулы III, Сангыру, Айбас-Дарасы. Благодаря масштабным исследованиям последних лет археологическими методами изучены такие могильники, как Танабай, Кызылтау, Бесоба, Шерубай I, Каражартас, Шантимес, которые с полным основанием можно отнести к сакральным центрам бронзового века. Хронологический спектр исследований охватывает практически всё II тыс. до н.э., подчеркивая сакральные черты и культурные особенности, характерные для каждого периода.

Ключевые слова: некрополь, погребальное сооружение, эпоха бронзы, сакральный, мавзолей.

References

- 1 Zdanovich, D.G., & Kupriyanova, E.V. (2010). Loshadi i bliznetsy: k «arkheologii rituala» Tsentralnoi Evrazii epokhi bronzy [Horses and twins: to the «archeology of the ritual» of Central Eurasia in the Bronze Age]. *Arkaim-Sintashta: drevnee nasledie Yuzhnoho Urala – Arkaim-Sintashta: the ancient heritage of the Southern Urals*, 130–161. Chelyabinsk [in Russian].
- 2 Degtyareva, A.D., & Kuz'minyh, S.V. (2003). Rezultaty analiticheskoho issledovaniia metalla mohilnika Krivoe Ozero [Results of the analytical study of the metal of the Krivoe Ozero burial ground]. *Mohilnik bronzovoho veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaurale – Burial ground of the Bronze Age Krivoe Ozero in the Southern Trans-Urals*, 285–309. Chelyabinsk [in Russian].
- 3 Nelin, D.V. (1995). Pohrebennia epokhi bronzy s bulavami v Yuzhnom Zaurale i Severnom Kazakhstane [Bronze Age Burials with Maces in Southern Trans-Urals and Northern Kazakhstan]. *Rossia i Vostok: problem vzaimodeistviia – Russia and the East: problems of interaction, V, Vol. 1*, 132–136. Chelyabinsk [in Russian].
- 4 Gening, V.F., Zdanovich, G.B., & Gening, V.V. (1992). *Arkheolohicheskie pamiatniki ariiskikh plemen Uralo-Kazhastanskikh stepei [Archaeological monuments of the Aryan tribes of the Ural-Kazakhstan steppes]*. Part 1. Chelyabinsk [in Russian].
- 5 Kukushkin, I.A., Dmitriev, E.A., & Kukushkin, A.I. (2015). Mohilnik Tundyk: predvaritelnye rezultati issledovaniia [Tundyk burial ground: preliminary research results]. *Etnicheskie vzaimodeistviia na Yuzhnom Urale – Ethnic interactions in the South Urals*, 136–143. Chelyabinsk [in Russian].
- 6 Pleshakov, A.A., Martynyuk, O.I., & Baev, A.V. (2005). *Mohilnik epokhi bronzy Bahanaty III [Burial site of the Bronze Age Baganaty III]*. Petropavlovsk [in Russian].
- 7 Mihajlov, Yu.I. (2001). *Mirovozzrenie drevnikh obshchestv yuha Zapadnoi Sibiri (ehpoha bronzy) [Worldview of the ancient societies in the south of Western Siberia (Bronze Age)]*. Kemerovo [in Russian].
- 8 Samashev, Z.S. (1992). *Naskalnye izobrazheniia Verkhneho Priirtishia [Rock carvings of the Upper Irtish]*. Alma-Ata [in Russian].

- 9 Rogozhinskij, A.E. (2001). Izobrazitelnyi riad petrohlifov epokhi bronzy sviatilishcha Tamhaly [The pictorial series of petroglyphs of the Bronze Age of the Tamgaly sanctuary]. *Istoriia i arkhologiiia Semirecia – History and archeology of Semirechye*, 2, 7–44. Almaty [in Russian].
- 10 Kukushkin, I.A., & Dmitriev, E.A. (2016). Polevye issledovaniia na mohilnike Besoba (Kazakhstan) [Field research at the Besoba burial ground (Kazakhstan)]. *Sokhraneniie i zuchenie kulturnogo naslediiia Altaiskoho kraia – Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory*, XXII, 142–147. Barnaul [in Russian].
- 11 Goryachev, A.A., & Egorova, T.A. (2011). Hudozhestvennoe svoeobrazie i semanticheskii analiz obrazov «solntseholovykh» epokhi bronzy Tamhaly v svete materialov pismennoi i izobrazitelnoi traditsii drevnikh civilizatsii [Artistic originality and semantic analysis of the images of the «sun-headed» Bronze Age Tamgaly in the light of the materials of the written and pictorial traditions of ancient civilizations]. *Istoriia i arkhologiiia Semirechia – History and archeology of Semirechye*, 4, 27–47. Almaty [in Russian].
- 12 Margulan, A.H., Akishev, K.A., Kadyrbaev, M.K., & Orazbaev A.M. (1966). *Drevniaia kultura Tsentralnogo Kazakhstana [Ancient culture of Central Kazakhstan]*. Alma-Aty [in Russian].
- 13 Kukushkin, I.A., Dmitriev, E.A., & Kukushkin, A.I. (2017). Mohilnik Karazkhartas. Pohrebalnoe sooruzhenie behazy-dandybaevskoi «znati» [Burial ground Karazhartas. Funerary construction of Begazy-Dandybay «nobility»]. *V (XXI) Vserossiiskii arkhelohicheskii sezd – V (XXI) All-Russian Archaeological Congress*, 582–583. Barnaul [in Russian].
- 14 Margulan, A.H. (1979). *Behazy-dandybaevskaia kultura Tsentralnogo Kazakhstana [Begazy-dandybay culture of Central Kazakhstan]*. Alma-Ata [in Russian].
- 15 Bejsenov, A.Z., Varfolomeev, V.V., & Kasenalin, A.E. (2014). *Pamiatniki behazy-dandybaevskoi kultury Tsentralnogo Kazakhstana [Monuments of Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan]*. Almaty [in Russian].
- 16 Kukushkin, I.A. (2016). *Otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote po teme: Issledovanie sotsialno-stratifikatsionnykh pohrebalnykh kompleksov Saryarka v epokhu bronzy (promezhutochnyi) [Report on research work on the topic: Study of socially stratified burial complexes of Saryarka in the Bronze Age (interim)]*. Inv. No. 0216RK00536. Karaganda [in Russian].

G.M. Razdykova¹, F.N. Salimov²¹*S. Toraigyrov Pavlodar State Pedagogical University, Kazakhstan;*²*Tajikistan National University, Tajikistan**(E-mail: gulnazkz@list.ru)*

To the question of the content of educational programs in the muslim schools of Kazakhstan

In the article various sources and literature including post-revolutionary literature of the second half of the 20th century and the beginning of the 21st century are presented. New ethnographic materials will give a broader perspective on the content of academic programs in Muslim schools. Teaching and methodological literature in Muslim *maktabs* (mostly refers to elementary schools where children are taught reading, writing, grammar and Islamic studies) was represented both by handwritten and printed textbooks and teaching aids. Such textbooks and teaching aids meant specially written books for certain disciplines. Handwritten books were widely used in the Muslim *maktabs*. Over the years many of the manuscripts had been published in numerous later editions. Learning and teaching support was mainly focused on compilation of school curriculum. The first school curriculum for «new-method» schools was compiled by I. Gasprinsky in 1898. It was called «*Rahbar Mogallimin*» and consisted of a subject schedule, basics of teaching by the sound method, lesson plans, as well as examples of lessons schedule with the amount of academic hours. Textbooks for *maktabs*, which were widespread in the Governor-Generalship of the Steppes, were mostly published not in Kazakh, but in Tatar. They outlined the main provisions of the Islamic religion. The educational and methodological basis of the pedagogical system of Kazakhstan preserved the obsolete features.

Keywords: Muslim schools, Kazakh literature, Islam, culture, religious and spiritual literature, school curriculum, ethnography of Kazakhs.

Teaching and methodological literature in Muslim schools was represented both by handwritten and printed textbooks and teaching aids. Such textbooks and teaching aids meant specially written books for certain disciplines.

Handwritten books were widely used in the Muslim *maktabs*. In the report of the Orenburg Muslim Spiritual Authority, dated February 1, 1893, there is the following information: «The Ministry of Education became aware that in its subordinate... *maktabs* and *madrasah*, in addition to printed books of religious content, handwritten books and notebooks, content of which is often imbued with feelings of hostility towards Russia, are often used» [1].

Manuscript books were in widespread use. Over the years many of the manuscripts had been published in numerous later editions. One of the first to come out was the epic «*Yer-Targhyn*» (Kazan, 1862), recorded by N.I. Ilminsky according to oral information provided by of *akyn* Marabai. Later, nine more editions of the epic were published. In accordance with archival documents, it was possible to determine the edition of 7,600 copies printed.

Further, in the archival documents, there was information explaining the use of handwritten books: «... the reason for the appearance of handwritten copies of these books is the fact that the students have practice in spelling and calligraphy according to the usual procedure. In all *madrasah*, they usually transcribe printed or less often handwritten books, and so that not to waste the effort and material, they use their exercises in bookish form, which later will be able to be used by those who need them» [2].

At the end of XIX century handwritten educational books gradually began to give way to printed publications.

Learning and teaching support was mainly focused on compilation of school curriculum. The first school curriculum for «new-method» schools was compiled by I. Gasprinsky in 1898. It was called «*Rahbar Mogallimin*» and consisted of a subject schedule, basics of teaching by the sound method, lesson plans, as well as examples of lessons schedule with the amount of academic hours.

In the years that followed until 1917, 21 school curriculums for Muslim schools were compiled and published. The most popular school curriculum was «*Ysuly Tedris*» because of a number of advantages it contained. For example, it took into account the age peculiarities of students, had the developed methodology for teaching certain disciplines in each class. This curriculum was compiled on the basis of the principles of

Islam, and at the same time it conformed to the requirements of the *Jadid* education system. It should be noted that there were individual school curriculums that were applied within one educational institution.

In the «new-method» *maktabs*, where the range of studied subjects was quite vast, the list of used textbooks included: school primer or ABS books «*Tatar-alifbasy*» («Tatar alphabet») by M. Kurbangaliyev; «*Tatar-tili*» («Tatar language») by Tuktarov and Gismati; «*Tutkioku*» («Reading in Turkish») by Mahmoud Mardjani. The last textbook, published in the city of Orenburg, was quite widespread in the Governor-Generalship of the Steppes.

«Muntazym Alifba» («Correct ABC book»), compiled by the teacher of *madrrasah* «Galiya» Khanafeyev, was used in *madrrasah* as a primer and the first book for reading. The textbook consisted of 42 pages. Khanafeyev gave brief instructions on how to give lessons using his primer compiled by him for teaching according to the sound method. Two or three sounds and letters were suggested to be studied, and then there were some words to practice reading the letters studied, then they were followed by whole sentences, and finally by articles. These articles are usually of the same content — about benefits and need for studying at *Maktab*. Along with the articles of secularism content, a number of articles on the Islamic doctrine under the title «*Fasyf*» are included into the primer. Samples of Arabic reading are placed at the back of the textbook [3].

Unfortunately, the primer did not differ either in the variety of the material or in the sequence, that is why it is not clear what tasks the author pursued. The drawbacks of the primer include also a bad, small print, the lack of visual materials.

The first textbook «*Oku kuraly*» («Fiction reading book»), specially published for Kazakh children in 1913, was created by A. Baitursynov. The classic of literature collected in it a great amount of data on all areas of science in the twentieth century — chemistry, physics, astrology, literature, geography, mathematics, biology. A. Baitursynov also wrote «*Alippe*» («ABC book»). It is compiled by the sound method. As for the distribution of material, the author followed the general requirements of didactics — from known to unknown, from easy to difficult, which, has to be said, was quite successfully short proverbs and instructive, informative stories about veneration of elders, about prudence in actions, about frugality and forbearance, etc. are also placed in the second part of the ABC book.

The best textbook on geography was believed to be *Maglumat-ulafak*, the book in Persian, where it was said that there were four elements: fire, wind, water and earth; the fire set between the sphere of moon and wind, the wind set between the spheres of wind and earth; the earth is surrounded by the three other elements. Further it was said that there were 7 heavens, 7 planetary systems, 7 belts or parts of the world and 7 seas. From private information, for example, such were reported: «... on Mount Saranzio, there is an imprint of the foot of Adam, in the Indian Sea, there is an island on which people with dog heads live...», etc.

In Muslim schools, much attention was also paid to the teaching of *Tajwid*, the main purpose of which was the correct reading of the Quran by studying the rules of articulation of Arabic sounds.

The most popular textbooks on the history of Islam were «*Tarikhi Islam*» by A. Mahmud, «*Kholasai Tarikhi Islam*» by H. Zabiri, a textbook under the same title by F. Karimov, «*Madhaleh Tarikhi Islam*» by S. Sungatullin; textbooks on the history of prophets included study guides by M. Khanafi, I. Khalili, Sh. Khamidullin and others. Textbooks on history among the study guides on humanitarian subjects were the smallest in number; however, in terms of content and structure, they fully corresponded to the requirements of textbooks on history, including information about the history of Russia.

While teaching literature, attention was also paid to its theory. The first authors of the textbooks on this subject were G. Sagdi, J. Adutov, G. Ibragimov. «*Mukhtasar key age idea tibia*» by G. Sagdi, published in 1911 in Ufa and «*Adibiet dareslareh*» by Galimjan Ibragimov, published in 1916 in Kazan, became the most successful teaching aids on this subject. They described types of works, genres, plot, composition, style, literary analysis, etc. Teaching of this subject in educational institutions promoted a thorough understanding of the subtleties of literary mastery.

In the Governor-Generalship of the Steppes, teaching was carried out with the help of the same textbooks and teaching aids which included: Arabic philology, Islamic law, religious philosophy, logic, dogmatics, metaphysics with the chapters dedicated to astrology and cosmography, history, geography and other branches of knowledge, in the same way as it was in Central Asia and among Volga Tatars.

The history of Kazakh textbooks is closely intertwined with the history of the Tatar books. Before the revolution the center of the Kazakh language printing book was the city of Kazan. Tatar publishers and merchants in particular were engaged in printing books in this language and in distributing them among the Kazakh population. They contributed to the formation and development of the Kazakh national book and

teaching aids for Muslim schools. The first book in Kazakh was published by the Tatar publisher in 1866. It was «*Kassai Tamimdar*» which was published by a Tatar merchant Sh. Khussainov.

At the end of the XIX century the first printing house in the Governor-Generalship of the Steppes was Breslin's Printing House, in which 20 books were published in Tatar, Kazakh, Bashkir languages. At the very end of the XIX century the printing of books with the Arabic font, such as «*Duties of Women*», the desk book calendar «*Zaman*» by Sh. Shagidullin, «*The Rules of Spelling*» by H. Faizullin and others began to live up there.

In 1901 in Orenburg, there was opened a printing house of the merchant Gilman Ibragimovich Karimov, who gave great importance to the «new-method» schools, as well as to the supply of such schools with secular textbooks. In printing houses «*Karimov, Khussainov and K*» prominent position belonged to textbooks and teaching aids for Muslim schools.

During 15 years the Printing House of Karimov's brothers printed 117 books in Kazakh language, i.e. more than one-third of all pre-revolutionary publications in Kazakh language. There were published «*Kyz Zhibek*», «*Alpamys*», known among the Turkic-speaking peoples «*Yousuf and Zulaikha*», «*Zorkum*», poems «*Takhir and Zukhra*», «*Buz Eget*» and others [3]. The love poem «*Takhir and Zukhra*», which was popular among the Kazakhs, was published in 14 editions in Kazakh.

Among the published books there were study guides for Kazakh schools as well. For example, the textbook «*Uku-yazu*» («*Reading and Writing*») for the first year of literacy by Jagfar G., published in 1910 in Orenburg, was very popular.

Until the early XX century the publishers of Kazakh books were almost only Tatar representatives. Many of them (Sh. Shelenov, H. Muratov, Zhanibekov, Suzimbekov, M. Seraliyev) were the authors of Kazakh books. According to A. Kuzembayev, in the late XIX — early XX centuries there were 14 printing houses in Kazakhstan. The total edition of Kazakh books during the pre-revolutionary period exceeded 2 million copies [4]. Subsequently, the «*Karimov, Khussainov and K*» partnership was established, which turned into the largest printing institution in the Governor-Generalship of the Steppes.

According to the content, all pre-revolutionary Kazakh books may be subdivided as follows (Table 1):

Table 1

Content of Kazakh books [5]

Subject Area	Number of Publications	Total Edition of Other Books
Folklore and fiction literature	386	1 821000
Textbooks, study guides, dictionaries, self-teaching guides	45	139980
State and Law	2	1000
History	10	29300
Medicine, veterinary medicine	11	34200
Engineering	4	11000
Reference books	1	2000
Odes	12	43825
Religious and spiritual literature	38	118 800
Total:	509	2201 105

509 books out of all the books published in Kazakh before the revolution, were typed in Arabic and came out with a total edition of 2,201,105 copies. By the number of publications Kazakh pre-revolutionary books, among the books of the Turkic peoples, came on only Tatar ones.

As can be seen from the table, the absolute majority of Kazakh books fell on fiction and folklore, amounting to 386 publications with a total edition of 1,821,000 copies. In those times these book performed functions not only for aesthetic upbringing and development of artistic taste, but also they replaced books on politics, philosophy, and pedagogy.

Kazakh heroic epics, which were published in numerous later editions, were extremely popular in teaching children. Take for example eight editions of the epic «*Alpamys*», multiple numbers of editions of the epic «*Khikayat Korugly Sultan*». In addition, the epics «*Kambarbatyr*», «*Orak Mamai batyrdin hikayasy*», «*Kissa-i Kulamergeren*», etc., known among people since ancient times were published and republished several times.

Small fragments and episodes from the great poem «*Shahnameh*» by Ferdowsi were published in Kazakh in translation made by Kazakh poets K. Shakhmardanuly, *akyn* Serdaly, mullah Khassen and others.

On the second place among the pre-revolutionary Kazakh published books are educational material, dictionaries, and self-teaching guides. They account for 45 titles with a total edition of 139,980 copies.

If, at the beginning, the native language teaching materials for Kazakh *maktabs* included folklore literature, then there appeared special books for teaching Kazakh language and reading books, for instance «*Kazakh adabiyety*» («Kazakh literature») by A. Urazaliyev, «*Akyl kitabı*» («The Book of Knowledge») by M. Kashimov, «*Onega yakinamuna*» («Pattern or Rules») by Alimbetov, «*Kazakh balalaryna oku kitabı*» («Reading Book for Kazakh Children»), «*Kazakhsha oku kitabı*» («Reading Book in Kazakh») by M. Maldybayev, «*Kazakh adabiyety*» («Kazakh literature») by A. Kipshakbayev [5].

In the early XX century there were more textbooks in Kazakh. In 1914, arithmetic textbooks in Kazakh for the first and second year of study were published in Orenburg. It should be noted that the publication of exact science and natural science textbooks for Kazakh *maktabs* did not receive a significant development until 1917. However, this does not mean that natural science disciplines were not learned in Kazakh. Teaching geography, physics, botany, mathematics, astronomy was carried out with help of the textbooks published for Tatar *maktabs* and madrasah. Interest in the history of the people became actual due to the development of book printing in the native language, growth of the educational movement and literacy as evidenced by the appearance of the first works on history in general and Kazakh people in particular. Such works included the following books published in the Kazakh language: «*Turik, Kyrgyz-Kazakh ham handarsheshiresi*» («Genealogy of the Rulers of the Turks, Kyrgyz-Kazakh», Orenburg, 1911) by Sh. Khudaibergenov, «*Mukhtasar Tarikh Kyrgyzstan*» («Short History of the Kyrgyz», Orenburg, 1913) by U. Abyzgildin, «*The History of the House of the Romanovs with the addition of the history of the Kyrgyz*» in the Kazakh language by K. Khodzhaev, A. Kassimov and S. Zhangirov (Orenburg, 1912).

The third place was occupied by religious and spiritual literature. A significant share of the edition belonged to a specific genre of religious and religious-paroemiatic ideas: *dastan* and *kissa*. Most of the religious *dastans* and *kissa* had the form of works in which the themes and plots of famous Muslim legends and tales were taken as a basis, as well as the texts devoted to the life of Muhammad, his companions, to the description of the history of the spread of Islam, in particular, religious wars and campaigns in the name of Islam and the victory of Islam.

Among the many times republished religious *dastans* and *kissa* there were such works as, for example, «*Kissa-i Tamidar*», «*Kissa-i Seid-Battal*», «*Kissa-i Zarkum*», «*Kissa-i Salsal*», «*Kissa-i Zhumzhuma*», «*Kukhammed-Khanafiya*», «*Kesik bash kitabı*», «*Kissa-i hazret-i Gusman*», «*Kissa-i uakiga Kerbela*», «*Marhabashahar Ramazan*» and many others. A certain part of the religious editions is composed of elegy songs compiled in honor of the Kazakh pilgrims who made Hajj to Mecca and Medina and died while traveling. They are «*Kissa-i Oserbay*», «*Hazh-ul-haramayen Bekturgan bin Karazhankazhy*», «*Kissa-i ondyrbayhak-ul-haramayen*», «*Kozybay-kazhi Isengul-hadjiulynyn Marsyasy*» and others.

The first editions of religious *dastans* and *kissa* in Kazakh appeared at the end of the XIX century in Kazan printing houses. At first, the number of such publications was small. In the last quarter of the past century, the number of religious publications increased noticeably. The reason for this phenomenon was, firstly, a sharp increase in Muslim propaganda in the Steppes Territory, which was launched as a counterbalance to the missionary propaganda of Orthodox Christianity, which also sought to gain certain positions among the Kazakh people, and secondly, due to the penetration of a large number of spiritual Muslim literature in Kazakhstan, as well as extending the sphere of influence of Tatar and Central Asian mullahs.

Among the religious books, the most studied works of that time were «*Iman Sharty*» (ABC book enclosing the terms of faith) and «*Haftiyak*» (the seventh part of the Quran containing instructions).

In total, before the Russian Revolution in 1917, about two hundred works of Kazakh writers as well as translated books along with reprints were published in Kazakh. This number included: the Kazakh authors' books — 128 books, translated literature — 16 books, children's and protreptic-didactic — 21 books, textbooks, educational and pedagogical publications compiled by Kazakh writers — 28 books, books of historical content — 9 books. Most of the publications of Kazakh fiction were released by Kazakh authors at their own expense. Orders for the publication of these books were placed in private printing houses in Kazan, Ufa, Orenburg, Troitsk. A small number of such literatures were published in printing houses in Tashkent, Semipalatinsk, St. Petersburg and other cities.

As a percentage of publications on fiction literature, they occupied the third place in the range of genres of Kazakh books, following the editions on Kazakh and Eastern folklore, and account for only 22 % of the total number of print publications, except for educational materials and history books.

If in the first half of the XIX century religious, religious and didactic literature and books for primary education were prevalent, then at the end of the XIX century there was gradual increase in publication law and philosophy books.

Despite the publication of Kazakh books, Tatar books, periodicals from Volga region, in particular from Kazan, where the regular printing of Muslim literature was set up at a higher level, were brought in a large quantity in the Governor-Generalship of the Steppes. The scientist A. Bukeikhanov wrote: «In Kyrgyz Steppes, people take out a subscription for Tatar newspapers and books of Tatar publishers in large amounts...» (Table 2) [6].

Table 2

Amount of Tatar books brought in the Governor-Generalship of the Steppes in the latter half of XIX c.

Through destinations	In 1857			In 1858			In 1859			In 1860			In 1861			Average for 5 years		
	Pes	Rubles	Kopeck	Pes	Rubles	Kopeck	Pes	Rubles	Kopeck	Pes	Rubles	Kopeck	Pes	Rubles	Kopeck	Pes	Rubles	Kopeck
Petropavlovsk	5004	1031	12	6408	916	80	5364	622	66	3054	461	55	3869	458	–	4739	698	–
Presnogorkovsk	200	15	–	529	41	60	420	69	40	243	39	90	180	25	–	314	38	–
Omsk	–	–	–	16	13	–	134	43	–	40	14	70	–	–	–	38	14	–
Koryakovsk	167	70	50	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Having regard to these data, it can be said that the amount of books brought into the Steppes Territory was fluctuating. Apparently, this was due to the market characteristics. However, in general, there was a downward trend in the import of Tatar books.

It should be noted that among the books brought in Kazakhstan from Volga region, the number of books in Kazakh language increased every year. There were books translated into Kazakh, for example, *dastan Khisama Kitaby «Zhumzhuma-sultan»*, translated by Yumachkov.

The most prominent Kazakh educator Ybyrai Altynsarin spoke out in favor of increasing translations of textbooks, including religious ones, into Kazakh. Being an inspector of the Kazakh schools of Turgai region, Y. Altynsarin tried to preserve the traditions of the people, including religious ones. He believed that the Mohammedan faith is inherited by Kazakh children partly in Tatar, partly in Arabic, which makes it difficult for them to perceive it. In connection with this, in 1884, he compiled a textbook «*Musylmanshylyktyñ tutkasy*» («Sharait-ul-Islam») about Islam in Kazakh language with Arabic letters [7]. However, after its publication in Kazan, the textbook was no longer published. Being in the archive for many years, this work was not known to a wide range of readers.

Y. Altynsarin in a letter to N.I. Ilminsky asked him to read and assist in the publication of several thousand copies of this textbook in Kazan. However N. Ilminsky did not get things going, because he was afraid that it would serve the spread of Islam, rather than Orthodoxy. After that incident, N. Ilminsky sought ways to remove Y. Altynsarin from his post considering him a shady person.

Progressive Russian intellectual class also advocated for the publication of books in Kazakh language. Thus, S. Checherina wrote: «Foreign children should be taught in such way that would be easier for them to absorb knowledge, which would be more convenient to pass into the mass of illiterate people. And, the best means to do this is to present educational books, useful and protreptic ones for the common people, in their own language... And in order to make these books as clear and easy as possible for foreigners, it is necessary to print them in a pure colloquial language... with a logical statement of thoughts, as close as possible to the common people. Simple men think and feel in a whole sense, in one organically consistent direction and value their religious persuasions, because they live by them. The people's way of thinking, their world view and philosophy of life are expressed in their native language» [8].

Therefore, from a «humane point of view, educational and study books for non-Russians should be printed and used in teaching in their native language in a genuine, pure form» [9]. N.P. Ostroumov at a meeting on education of Kazakhs expressed the same idea: «Textbooks can be both in the native language of students and in Arabic, but not in the artificial jargon that is now being introduced and has the task to integrate all the Mohammedan peoples. As for the language of teaching in the above-mentioned confessional schools, this should be exclusively the native language of the students». Many representatives of the Kazakh intellectual class spoke out in favor of compilation and publication of books in Kazakh language. «Beginning in 1905, — A. Bukeikhanov wrote, — several books in Kyrgyz language in verse and prose by Kyrgyz authors were published in Tatar printing houses» [10].

At that time, a new generation of writers, continuing the democratic and educational traditions of the great poet Abai, appeared in Kazakh literature. Among them there are well-known writers S. Toraigyrov, S. Kubeyev, M. Seralin, S. Donentayev, as well as writers whose names and artistic heritage were banned during the years of totalitarianism and were forgotten. These are M. Dulatov, M. Zhumabayev, A. Baitursynov, Sh. Kudaiberdiyev, G. Karashev, M. Kaltayev, Zh. Temiraliyev, B. Yerzhanov, A. Mametov, M. Zh. Kopeyev, Zh. Zhanibekov and many others. They, with good reason, deserve credit for the development of such new genres for Kazakh literature as social journalism and romance. An active civil position evidencing the growing national consciousness of the Kazakh people is expressed in their works. The subject and content of Kazakh literature at the beginning of the XX century in many ways met the spiritual needs of the Kazakh people.

According to the theme and content, all Kazakh literature in the beginning of the XX century may be subdivided into following groups:

1. Works describing the past and future of Kazakh people, such as «*Collection of works of Abai*», «*Kazaktyn Ainasyn*» by M. Kaltayev, «*Otken Kunder*» by S. Seifullin.
2. Books calling for knowledge, sciences, art and culture: «*Kazakh shakirtterine arnau*» by G. Mazhitov, «*Kazakh alippesi*» by Z. Yrgaliogly, «*Ulgili Bala*» by S. Kubeyev, «*Abrit*» by A. Mametov, «*Karlygash*» by G. Karashev, «*Adebiet ornegy*» by I. Beyssenov (1910, 1913), «*Zhasgumyrym*» by A. Zhandybayev.
3. Books that raised the issue of the heavy share of Kazakh women, their difficult situation: «*Gulkashima*» by M. Seralin, «*Kyzkorelik*» by T. Zhomartbayev, «*Kalyn mal*» by S. Kubeyev.
4. Books calling for a settled way of life, for engaging in crafts, trade and farming: «*Zhatpa, Kazak*» by A. Gumaruly, «*Kazaktyn Kamy*» by K. Abdullin, «*Milli Shygyrlar*» by B. Beisenbinov, «*Kyzmetker*» by M. Yenseyev.

However, the plans of the tsarist government did not include the development of Kazakh book publishing. It hindered the process in every possible way. Thus, 191 500 copies of 4 editions in Kazakh language were printed in 1914, in 1915 the number of books decreased almost twice up to 26 editions in amount of 85 850 copies.

Many books in Kazakh language were censored. School textbooks were often among them. The prohibition of editions of certain books created unnecessary problems in purchasing them where they were cheaper. At the same time, teaching aids for Muslim schools were subject to severe censorship by the tsarist authorities. All spiritual Muslim literature brought from abroad, as well as religious *dastans* and *kissa* printed in Russia, were sent to the St. Petersburg Censorship Commission (SPCC).

The constant growth of the publications of folk, religious and religious-protreptic literature in Kazakh caused anxiety and serious concern of the tsarist government. This circumstance caused a special discussion of the issue in a special meeting of the General Directorate on Press Affairs (GDPA). It was noted that the increase in the number of Kazakh publications was due to the weakening of censorship of Muslim books in general, both printed in Kazan and brought from abroad; that this factor affected the growing influence of Islamic clerics among Kazakhs and served as a conductor of Pan-Islamic and Pan-Turkic ideas to the Kazakh community. The SP CC censor V.D. Smirnov spoke at a meeting of the GDPA with a special report proposing a set of measures designed to limit the number of published religious literature, as well as their distribution. He considered the main direction in censorship work to be the use of all means to counter Kazakh progressives who seek through the press and literature «consolidation of foreign tasks and interests separately from the tasks and interests of the all-Russian ones».

The book of the famous Kazakh *akyn* Dulat Babatayev, «*Ossiyet Nameh*» (Kazan, 1880), in which the authorities did not like the protest against the oppression of Kazakh people, was among the first ones withdrawn from the circulation by the order of the tsarist censorship. However, first of all the tsarist censorship

launched a struggle against works of religious and religious-protreptic content, in which censors discovered «tendentious» verses against Russians on the grounds of religious intolerance. Dozens of works from religious *dastans* and *kissa* were under the tsarist censorship. For example, according to the initiative of B. Smirnov, a memorial song (elegy) written in honor of the Kazakh pilgrim Oserbai «*Kissa-i Oserbai*», which, as the aforementioned censor wrote, «was an enthusiastic eulogy of the pious jealousy of the rich Kyrgyz to glorification of Islam» was banned in 1893. Then, in accordance with the censorship view there were previously published religious *kissa*: «*Zarkum*», «*Seid-Battal*», «*Zhumzhuma*», «*Salsal*», «*Naushiruan*», «*Muhammed Qanapiya*», «*Kesik bas kitaby*» and many others which did not come out for several years. They were accused of fanning religious fanaticism.

The prohibitive measures led to the fact that certain literate Kazakhs hid in their possession books and hectographed brochures in Kazakh language that underwent the censorship. Tsarist officials often searched in the homes of literate Kazakhs and especially mullahs. In case such books and materials were found, people were severely punished, up to expulsion with confiscation of property. The informant Rashida Ilyasova contributed to the funds of the Pavlodar Museum of Local Lore named after G.N.Potanin Quran of 1904 edition, which her father (mullah) brought from Turkey. He buried the Quran in the vicinity of the Leninsky village (Pavlodar region, Kazakhstan) in 1938. It became possible to excavate the Quran only in 1952.

Ahmet Adilbaiuly, a grandfather of the informant Alubai Tatimbetov, was repressed with confiscation of property for possession of ancient books weighing 45 pods and exiled to Guryev with his family. In his letter of protest, he wrote that he had been studied for 2 years in Arabia in the Madrasah of «*Ishfha*» in Medina, then had studied in Egypt in the Cairo Madrasah «*Zhami Askhari*» and brought works of such historians as Ibn Khaldun, Ibn al Asyr, Talficul-Akbar, Ibn Haleken and others from there. He asked to return his books and diplomas confirming his studies in Medina and Cairo.

It can be concluded that the curricula and lesson plans that were used before 1917 were compiled in accordance with the requirements of pedagogy and teaching methodology. Although there were attempts to create a single curriculum, it could not become mandatory for all Muslim Turkic educational institutions due to the absence of a single coordinating center. Textbooks for *maktabs*, wide-spread in the Governor-Generalship of the Steppes, were mainly not in Kazakh, but in Tatar. They outlined the main provisions of the Islamic religion. The educational and methodological basis of the pedagogical system of Kazakhstan preserved the obsolete features. The education and teaching process at *maktabs* and *madrasah* was mainly accompanied by intimidation and corporal punishment, which hampered the development of literacy and, consequently, the general culture of the people. However, one can not detract from the advantages of the confessional school: its engagement with the people, the absence of formalism in teaching, the focus on moral issues in the course of learning, and autonomous management. Gradually, «new-method» schools, which had a higher level of teaching and learning and teaching support material, were widely spread in the Steppes Territory.

References

- 1 ЦГАРБ. — Ф. И-11. — О. 1. — Д. 1274. — Л. 1.
- 2 ЦГИА РБ. — Ф. И.295. — О. 11. — Д. 523. — Л. 36.
- 3 НА РТ. — Ф. 1. — О. 4. — Д. 5482. — Л. 140.
- 4 Абилов А.К. Казахское общество во II половине XIX века / А.К. Абилов. — Караганда: КарГУ, 1992. — 128 с.
- 5 Владимирцева В.Г. Деятельность татарских книгоиздателей в Оренбуржье / В.Г. Владимирцева. — Оренбург: Димур, 2006. — 250 с.
- 6 Букейхан А.Н. Казахи: историко-этнографические труды / А.Н. Букейхан. — Павлодар: Еко, 2006. — 163 с.
- 7 Алтынсарин Ы. Мусылманшылыктын туткасы. Шариат-ул-ислам / Ы. Алтынсарин. — Актөбе: Фатима принт, 2014. — 350 с.
- 8 Чечерина С.В. Как начиналось дело просвещения восточных инородцев. Известия по народному образованию / С. В.Чечерина. — СПб.: Сенатская типография, 1907. — 97 с.
- 9 Ислам в Татарстане: Опыт толерантности и культура сосуществования. — Казань: Мастер-Лайн, 2002. — 120 с.
- 10 Шалгумбаева Ж. История казахского книгоиздания: фольклор, художественная литература и их цензура / Ж. Шалгумбаева. — Алматы, 1994. — 300 с.

Г.М. Раздыкова, Ф.Н. Салимов

Қазақстандағы мұсылман мектептерінде білім беру бағдарламаларының мазмұны туралы

Мақалада XIX ғасырдың екінші жартысында және ХХІ ғасырдың басында революциядан кейінгі әдебиеттерді зерттеудің түрлі көздері мен әдебиеттері қарастырылды. Жаңа этнографиялық материалдар мұсылман мектептерінде білім беру бағдарламаларының мазмұнына кеңірек көзқарас беруге мүмкіндік берді. Мұсылман мектебінде оқу-әдістемелік әдебиет қолжазба және басып шығарылған оқулықтар мен оқу құралдарымен ұсынылған. Оқулықтар мен оқу құралдарын жекелеген пәндер бойынша арнайы жазылған кітаптар таралымға шығарыла бастаған болатын. Мұсылман мектептерінде қолжазба кітаптар кеңінен қолданылған. Үлкен танымалдыққа қолжазба нұсқасындағы кітаптар болды. Аталған қолжазбалар бірнеше рет көптеп қайта басылып, оқу бағдарламаларын жасауда оқу-әдістемелік құралы ретінде болды. Мұсылман мектептеріне арналған алғашқы оқыту бағдарламасы ол 1898 ж. И. Гаспринскийдің «Рэхбаре могаллимин» деп аталған кітабы болды. Бұл оқу құралында тақырыптық сабақ жоспары құрастырылды, дыбыстарды оқыту әдісі, пәндер жоспарлары және сағаттық есептеуі бар кестелерге мысалдар қолданылған. Дала аймағында кең таралған оқулықтар қазақ тілінде емес, татар тілінде жазылған. Олар ислам дінінің негізгі ережелерін айқын белгіледі. Қазақстанның педагогикалық жүйесінің оқу-әдістемелік базасы ескірген ерекшеліктерді сақтап қалды.

Кілт сөздер: мұсылман мектептері, қазақ әдебиеті, ислам, мәдениет, діни-рухани әдебиет, оқу бағдарламасы, қазақ этнографиясы.

Г.М. Раздыкова, Ф.Н. Салимов

К вопросу о содержании образовательных программ в мусульманских школах Казахстана

В статье рассмотрены различные источники и литература, в том числе постреволюционная литература второй половины XX в. — начала XXI вв. Новые этнографические материалы дают более широкий взгляд на содержание образовательных программ в мусульманских школах. Учебно-методическая литература в мусульманских мектебах была представлена как рукописными, так и печатными учебниками и учебными пособиями. Под учебниками и учебными пособиями понимались специально написанные по отдельным дисциплинам книги. В мусульманском мектебе широко использовались рукописные учебные книги, многие из которых неоднократно переиздавались. Главное место в учебно-методическом обеспечении занимало составление учебных программ. Первая учебная программа для новометодных школ была составлена И. Гаспринским в 1898 г. Она называлась «Рэхбаре могаллимин», в ней был дан тематический план уроков, изложены основы преподавания по звуковому методу, поурочные планы дисциплин, приведены примеры расписания уроков с расчетом часов. Учебники для мектебов, широко распространенные в Степном крае, в массе своей были не на казахском, а на татарском языке. В них излагались основные положения исламской религии. Учебно-методическая основа педагогической системы Казахстана сохраняла отжившие черты.

Ключевые слова: мусульманские школы, казахская литература, ислам, культура, религиозно-духовная литература, учебная программа, этнография казахов.

References

- 1 Central state archive of the Republic of Bashkortostan. F. I-11. O. 1. H. 1274. L. 1.
- 2 Central state historical archive of the Republic of Bashkortostan. F. I.295. O. 11. H. 523. L. 36.
- 3 The national archives of the Republic of Tatarstan. F. 1. O. 4. H. 5482. L. 140.
- 4 Abilov, A.K. (1992). *Kazakhskoe obshchestvo vo II polovine XIX veka [Kazakh society in the II half of the XIX century]*. Karaganda: KarHU [in Russian].
- 5 Vladimercева, V.G. (2006). *Deiatelnost tatarskikh knihoizdatelei v Orenbuzhe [The activities of Tatar book publishers in Orenbuzhie]*. Orenburg: Dimur [in Russian].
- 6 Bukejhan, A.N. (2006). *Kazakhi: istoriko-etnograficheskie trudy [Kazakhs: historical and ethnographic works]*. Pavlodar: Eko [in Russian].
- 7 Altynsarin, Y. (2014). *Musylmanshylyktyн tutkasy [Shariat-ul-islam]*. Aktobe: Fatima print [in Kazakh].
- 8 Checherina, S. (1907) *Kak nachinalos delo prosveshcheniia vostochnykh inorodtsev [How did the work of enlightening Eastern non-Russians begin]*. *Izvestiia po narodnomu obrazovaniuu – Izvestia on Public Education*. Saint-Petersburg: Senatskaia tipohrafiia [in Russian].

9 Islam v Tatarstane: (2002). Opyt tolerantnosti i kultura sosushchestvovaniia [Islam in Tatarstan: Experience of Tolerance and Culture of Coexistence]. Kazan: Master-Lain [in Russian].

10 Shalgumbaeva, Zh. (1994). Istorii kazakhskoho knihoizdaniia: folklor, khudozhestvennaia literatura i ikh tsenzura [The history of Kazakh book publishing: folklore, fiction and their censorship]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Almaty [in Russian].

A.S. Sagatova, A.A. Abdrahmanova

*Karaganda State Technical University, Kazakhstan
(E-mail: asem.sagatova@list.ru)*

About the role of the national idea «Mangilik El», as a strategy for the development of Kazakhstan in the context of globalization

In the article the problem of need to move forward the national idea of Kazakhstan in the modern world is considered, because there is no state which has no need of definition of the purposes and tasks for the future. Implementation of the strategy development for Kazakhstan in the 21st century demands integration of Kazakhstan society around paradigms of social development which can create the main content of the national idea. The analysis by the concept «national idea», «paradigm», «differentiation» was given by the authors. Qualitative characteristic of the national idea which is closely connected with the history of formation and development of any nation, its relation to life and society is given. Kazakhstan is on the way to democracy, and it may safely be said that the question of formation of the national idea is of particular importance for its citizens. It is proved that the need of the national idea in any society arises not at once. This is a logical consequence of formation and development of the state and society on the basis of stability that meets the interests of all its citizens. At the heart of the national idea, according to the authors, upbringing of future generation lies in national traditions of ancestors.

Keywords: globalization, national idea, consolidation, paradigm, modernization, traditional system, political system, patriotism, spirituality, ideology, tradition, independence, national culture, information space, values, religion, art, spiritual life.

In the conditions of growing globalization, the importance and necessity of nominating the national idea of Kazakhstan becomes clear, thus there is no state that does not need to define its goals and tasks for the future.

Realization of the principles of Kazakhstan's development strategy in the 21st century requires consolidation of the entire Kazakh society around those paradigms of social development that can form the main content of the national idea. One of the most important paradigms of the state ideology and policy of our young state is the formation of a national idea that could mobilize society to improve the quality leap, a real breakthrough in the field of political and economic relations.

The urgency of this problem repeatedly increases in the context of the most important directions of Kazakhstan's domestic and foreign policy, which are designated by the President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev in his annual Messages to the people of Kazakhstan. They are connected first of all with the solution of the tasks of economic, social and political modernization of our country and its entry into the number of 50 competitive countries of the world [1].

Now when Kazakhstan is on the path of improving democracy, we can say with confidence that the issue of the formation of the national idea has acquired special significance for citizens. The people with gaining independence of Kazakhstan received a new impulse of strength and energy, and now mobilizes them to solve new historical problems. In this regard, it becomes quite understandable why we in Kazakhstan at the level of state policy set the task of consolidating society and creating on its basis such a national idea that would become the guarantee of the stability of our state and would meet the interests of all its citizens.

The problem of realizing the need for a national idea in any society does not arise immediately, not from anything. It is the logical result of the formation and development of the people, with it is formed and develops. At the same time, the level of awareness of its necessity is always a growth criterion and strength of society. Here one can agree with the opinion of A. Nysanbaev, one of the leading domestic scientists, that «The presence of an adequate national idea in society is the most important condition for the qualitative growth of independent Kazakhstan» [2].

The historical experience of many civilizations shows that the presence in society of the need for a national idea does not automatically lead to its formulation. Awareness of its need on the part of the state or any social group, even possessing an imperious resource or on the part of society as a whole, is an important condition conducive to its formation, but the very possibility of having a national idea is connected not so much with the subjective need for it as with the objective conditions in which the society functions.

Speaking specifically about the conditions for the formation of the national idea and the strengthening of the statehood of our people on its basis, it should be noted that from the Saka and Uigur tribes to the reform of 1867–1868, which destroyed the traditional system of power, there was an integrating principle in the nomadic unification of the Kazakhs. Such a unifying foundation of the nomadic state was the need for political integration, relieving ethnically one-root tribal units from mutual conflicts.

The destruction of the traditional system of the Kazakhs was associated with the advent of tsarist colonialism into the steppe. This was followed by the destruction of the traditional social organization of the Kazakh society, completed already under the Soviet regime. The role of colonization was that in Kazakhstan it took the most complete form, which was expressed in changing the social structure, full perception of new political institutions for society and even types of thinking.

An indelible mark in the evolution of the Kazakh society left Soviet totalitarianism, which was characterized by an almost complete lack of autonomy of structural elements [3].

World experience of modernization demonstrates the importance of combining traditional and modern.

The traditionalism of the Kazakhs is determined by the nomadic way of life, which for all the external dynamism preserved the inner essence of nomads, as well as the generic structure. As a traditional feature of the national character of the Kazakhs, one should point to corporatism.

The main indicators of the flexibility of the political system of the Kazakh society are the existence of a tradition, the protection of human rights and freedoms, the existence of an institution of electivity, the institution of violence. The specific nature of the power in Kazakh society was that the holders of power were not appointed and elected as they were recognized. Thus, the title of ruler was a well-deserved honorary title.

For the success of democratic transformation and approval of the priority of human rights and freedoms in the process of reforming the Kazakhstani society, it is necessary to take into account the civilizational traditions and mentality of the Kazakh people, which has rich experience of the original nomadic democracy, respect and effective protection of personal and collective rights.

Thus, it is necessary to activate the historical consciousness of the people, a creative combination of their own and world experience. Today it is important for us to form relatively independent, autonomous individuals of Kazakh society, on the level of subjective development of which depends our future, related to the construction of civil society and the rule of law.

The identification of the system characteristics of the political organization of Kazakhstan in the past allows us to move on to the modern tasks of the modernization processes of Kazakhstan society. They are defined in the Message to the people of Kazakhstan dated January 17, 2014 «Kazakhstan way–2050»: a single goal, common interests, a single future». President N. Nazarbayev of the Republic of Kazakhstan proclaimed the national idea «Mangilik El», born of the thousand-year historical experience of the Kazakh people, the Kazakh way, passed over the years of independence.

If we talk about these goals and objectives, they reflect not only the basic values of the country's development, but also the community of interests, the historical destiny of the people of Kazakhstan. They are expressed in the following 7 principles «Mangilik El». They are: 1) independence of the republic, development of patriotism, 2) sustainable, economic growth based on innovation, 3) secular state, high spirituality, development of moral and spiritual education, 4) national unity, peace and harmony, 5) society of universal labor, development (6) commonness of history, culture, language, development of multilingualism, political culture, knowledge of one's roots, (7) national security and global participation of Kazakhstan in solving global and regional problems, development of co-operation, the ability to compete and the person in demand on the labor market.

Domestic researchers rightly point out that «The proposed formulation of the national idea, by consolidating and rallying the entire polyethnic society, strengthening the vector of civil identification, solving the most important socioeconomic and political problems of strengthening the state, will contribute to strengthening Kazakhstan's positions in the world space» [4]. Studying the basic principles of the national idea «Mangilik El» it's impossible not to pay attention to its multiplicity. Indeed, the national idea of «Mangilik El» has a universal character, and their various aspects are the subject of many public disciplines. In each of them, «Mangilik El» is used in its special meaning.

Thus, economists see the essence of «Mangilik El» in solving Kazakhstan's regional and global economic problems on the basis of innovations.

Philosophers actively discuss problems associated not only with the development of the spiritual and moral principles of the formation of the nation, but also with the universalization of universal human values.

Sociology and cultural studies are engaged in researching the meaning of «Mangilik El» not only from the point of view of the development of multiculturalism, but also the uniqueness of the traditional culture of Kazakhstan.

Historians study the historical memory of the nation, as well as the historical experience of previous generations, contributing to the formation of a sense of patriotism, love of the Motherland, pride in its past and present. Studying the national idea of «Mangilik El» from the point of view of historical experience, it should be noted that the preservation of the traditions, linguistic, cultural identity and identity of the Kazakh and other people of Kazakhstan as the most important condition for the qualitative growth of independent Kazakhstan is extremely topical for us. In conditions of ever-increasing globalization, a constructive dialogue of the values of the traditional culture of the people of Kazakhstan and the liberal-democratic society is needed. There is a need for laws regulating relations in the sphere of culture of the transit society and ensuring the uniqueness of the culture of people. Finally, the most interesting and at the same time promising way of the development of culture in the 21st century can turn out to be one that we figuratively defined as the «Eurasian cultural space». It is characterized by offering to humanity a soft, non-violent way of unification based on respect for the identity of each ethnic and religious community, advocating for the compatibility of the values of traditional and civil society as a bridge between the civilizations of the West and the East [3].

N.A. Nazarbayev notes: «The ideology of traditionalism is logically linked with the crisis of socialist ideology. Indeed, what can you turn to if the former dogmas were untenable? Probably, to the simplest, most understandable and at the same time deeply moral in the life of each people — to traditions. Their role in the life of the people is undeniable. Cultural traditions have always been a source of social regeneration. The return to one's roots, cultural roots is, of course, a positive process. In addition, it is necessary to abandon the simplistic interpretation of traditions and social progress. The experience of the modern world convincingly shows that some traditional structures are very organically intertwined in the fabric of the present civilization. Without experience, innovation is impossible. It is the traditions that allow a person not to be lost, but to adapt his way of life to the rapid changes of the modern world» [1].

But, on the other hand, if you insist on your own identity and do not care about being «heard» to become interesting to the world community, there is a danger of remaining interesting only to yourself, significant only in the horizon of your national values, i.e. be in a state of cultural isolation. And then an active Western mass culture breaks into such a «reserve» of national culture, the latter does not need much time to establish its domination.

In the modern world there is a transition from national culture to a global culture, the language of which is English. The US dollar is used all over the world, the Western mass culture is rapidly penetrating into our life, the model of a liberal democratic society is being realized to some extent in many countries, the world information space (the Internet and other information and communication technologies) is being created, there is a new reality — a virtual world and a virtual person. Thus, space and time are getting closer and closer, even merging. There were anti-globalists and anti-Westerners. In these conditions, the question of preserving the linguistic and cultural identity, originality and uniqueness of the culture of other people of the planet becomes extremely urgent.

In no case should one renounce the values of national culture. They need to give a human face, and then the national culture will be perceived without damage.

To solve the most difficult task of the national culture entering the space of world culture, it is not the desire to please but the ability to remain ones that determines. In no case should one become isolated within the limits of one's culture, one must go out into the world cultural space, but one must go out with what is, since this content has value.

The widespread thesis that in the global processes of modernity there are two systems of values that have a source in traditional culture and a system of values built around liberal and democratic orientations. It would be incorrect to interpret the clash of these two systems of values as a confrontation between two worlds: old, traditional and modern, democratic.

In the late XX — early XXI centuries the correlation between the processes of globalization and regionalization has been the subject of numerous scientific discussions. There are points of view that argue the main idea: globalization and regionalization are parts of one whole, and, developing, mutually reinforce. Quite a number of arguments also lie in the other position — there are serious contradictions between these two processes. There is also a third, compromise point of view, expressed by the well-known formula: «Think globally, but act locally». Such an approach, it seems, makes it possible to examine these

phenomena and processes with the necessary thoroughness, as related and, what is very important, politically motivated [5].

In modern scientific literature dealing with global and local problems, a similar phenomenon is called glocalization, which is defined as the transformation of the globalization process on a local level. There are several concepts that describe the process of intercultural interaction in the context of globalization. One of them is the concept of Glocalization of R. Robertson. According to this concept, the processes of globalization can not be represented only as the spread of capitalist relations and the cultural homogenization of world space. As in the past, so today globalization occurs along with «glocalization», that is adaptation of the borrowed cultural elements to various local conditions on the basis of the local tradition. Consequently, the unification and homogenization of cultures in some aspects (economy, material culture and way of life) is accompanied by localization, the growth of cultural diversity, the renaissance of the former cultural forms in others (religion, art, spiritual life, etc.). In glocalization, there are expressions of the resistance of local cultures to unification processes and the desire to maintain their identity under the constant pressure of Western European civilization as the leader of globalization.

In the framework of the concept of «clash of civilizations» by American political scientist S. Huntington, this process is treated as «indigenization». Analyzing the situation in the world, S. Huntington notes that the process of modernization of various countries (if, of course, they are successful) leads to a weakening of Western influence and the revival, strengthening and self-affirmation of local traditions — to the indigenization of national cultures. What makes «local» culture and ideology attractive for the population of the modernizing country? «They become attractive when they see the root of the material success and the influence of the country», answers S. Huntington [6].

Why is the experience of Kazakhstani modernization for the world community so appealing? In our opinion, the civilization that developed in the Kazakh steppe absorbed the signs of both the East and the West, being at the intersection of two sides of the world, the phenomenon of nomadism combined the collectivist and individualistic, etatist and liberal principles. At the same time for the political culture of nomads unacceptable was the complete dominance of both corporativism and individualism. Rather, it is a kind of «centaur» with a wonderful intertwining of individualism and corporativism. Specificity of nomadic democracy was also in freedom-loving, compromise and political balancing, which has the participants in the political process to reach a consensus. These traditions, in our opinion, determine the relatively successful implementation of democratic processes in modern Kazakhstan.

Summarizing all of the above, we can draw the following conclusions:

1) In the conditions of growing globalization, the importance and necessity of nominating the national idea of Kazakhstan, which is expressed in the definition of its goals and tasks for the future, becomes clear.

2) These tasks are connected with the economic and social political modernization of our country and its entry into the number of competitive countries of the world.

3) The world experience of modernization demonstrates the importance of combining traditional and modern.

4) Specificity of nomadic democracy was freedom of the Kazakhs, non-wacking despotic foundations, comparative freedom, equality of women, respect for the individual, lack of servile worship of authority, corporativeness.

5) The colonization of the Kazakh steppe by the tsarist and Soviet regimes led to a considerable deformation of the traditional mechanisms for the protection of human rights and freedoms, and the high etatization of this process.

6) The traditionalism of the Kazakhs in modern conditions is confronted with the constructions of the Western European type of thinking that have entered our life along with the introduction of Western economic systems, the emergence of new political institutions together with democratic values marks the beginning of a structured and functional renewal of society.

7) The national idea of «Mangilik El» is comprehensive. It is connected with the solution of the tasks of economic, social, political modernization, which should contribute to the strengthening of Kazakhstan's position in the world space.

8) From the point of view of the historical experience of many civilizations, the issue of preserving the traditions, language, cultural identity and identity of Kazakh and other people of Kazakhstan is an extremely topical issue.

9) The process of globalization and regionalization has been the subject of numerous scientific discussions. There are 3 main positions on the relationship of these two concepts. The first point of view is

that globalization and regionalization are parts of one whole. The second point of view is that there are serious contradictions between these concepts. The third, compromise point of view is expressed by the formula «Think globally, act locally». This means that, without forgetting the sources, we must together build a strong, prosperous and democratic Kazakhstan for the benefit of every person of Kazakhstan.

References

- 1 Новый Казахстан в новом мире: Послание Президента РК Н.Назарбаева народу Казахстана. — Астана, 2007.
- 2 Нысанбаев Ә. Ұлттық идея /Ә. Нысанбаев // Егемен Қазақстан. — 2005. — 25 наур.
- 3 Нысанбаев А. Эволюция политической системы Казахстана /А.Нысанбаев, М.Машан, Ж. Мурзалин, А. Тулеугулов.— Алматы, 2001. — 340 с.
- 4 Ашимбаев М. Национальная идея: предложения к обсуждению / М.Ашимбаев, А. Нысанбаев, А. Шоманов / Analytic. — 2005. — № 1. — 8 с.
- 5 Гжегож В. Глобализация и перспективы развития постсоциалистических стран /В.Гжегож, В.Г.Колодко.— Екатеринбург, 2002. — 200 с.
- 6 Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление /А.И.Уткин.— М.: Логос, 2002. — 294 с.

А.С. Сағатова, А.А. Абдрахманова

«Мәңгілік Ел» идеясының жаһандану жағдайында Қазақстанның дамуы стратегиясы ретіндегі ұлттық ролі жөнінде

Авторлармен қарастырылған мақаланың өзектілігі Қазақстанның қазіргі заманғы әлемдегі ұлттық идеясын ұсынудың қажеттілігі болып табылады. Ұлттық идеяның мақсаты — кез келген мемлекеттің болашақ мақсаттары мен міндеттерін айқындау. Қазақстанның ХХІ ғасырдағы даму стратегиясын іске асыру бүкіл қазақстандық қоғамды ұлттық идеяның негізгі мазмұнын қалыптастыра алатын қоғамдық даму парадигмаларының айналасында біріктіруді талап етеді. Авторлар «ұлттық идея», «парадигма», «дифференциация» түсініктерін талдайды. Ұлттық идея кез келген халықтың қалыптасуы және дамуы тарихымен, өмірге, қоғамға деген көзқарастарымен тығыз байланыста жетіледі. Қазақстанда қоғамды нығайту және оның негізінде біздің мемлекетіміздің тұрақтылығының кепілі болатындай және оның барлық азаматтарының мүдделеріне сай келетіндей ұлттық идеяны құру міндеті мемлекеттік саясат деңгейінде қойылады. Ұлттық идеяны құру міндеті қоғамды нығайту және еліміздің тұрақтылығы мен оның барлық азаматтарының мүдделерін қанағаттандыру негізінде қалыптастыру болып табылады. Кез келген қоғамда ұлттық идеяның қажеттілігі дереу пайда болмайтындығы дәлелденді. Бұл халықтың қалыптасуы мен дамуының логикалық салдары, ол әрқашанда даму процесінде болады. Соған қарағанда, авторлармен ұлттық идея мәселесі, мемлекетіміздің тұрақтылығы мен халықтың мүддесі жолында кепілі екендігі айтылған. Ол үшін ата-баба дәстүрінен тамыр тартқан ұлттық таным дүниесі, авторлардың пікірінше, ұлттық идеяның негізі болып табылады.

Кілт сөздер: ұлттық идея, шоғырландыру, парадигма, жаңғырту, дәстүрлі жүйе, саяси жүйе, патриотизм, руханият, идеология, дәстүр, тәуелсіздік, ұлттық мәдениет, ақпараттық кеңістік, құндылықтар, дін, өнер, рухани өмір.

А.С. Сағатова, А.А. Абдрахманова

О роли национальной идеи «Мәңгілік Ел» как стратегии развития Казахстана в условиях глобализации

В статье рассмотрена проблема необходимости выдвижения национальной идеи Казахстана в современном мире, так как нет государства, которое не нуждалось бы в определении своих целей и задач на будущее. Реализация стратегии развития Казахстана в ХХІ веке требует интеграции казахстанского общества вокруг парадигм социального развития, которые могут сформировать основное содержание национальной идеи. Авторами дан анализ понятиям «национальная идея», «парадигма», «дифференциация». Дана качественная характеристика национальной идеи, тесно связанной с историей становления и развития любой нации, ее отношением к жизни и обществу. Казахстан находится на пути к демократии, и можно с уверенностью сказать, что вопрос формирования национальной идеи имеет особое значение для его граждан. Будущее страны в руках молодежи. Доказано, что необходимость национальной идеи в любом обществе возникает не сразу. Это логическое следствие формирования и развития государства и общества на основе стабильности, что отвечает интересам всех его

граждан. В основе национальной идеи, по мнению авторов, лежит воспитание будущих поколений в национальных традициях предков.

Ключевые слова: глобализация, национальная идея, консолидация, парадигма, модернизация, традиционная система, политическая система, патриотизм, духовность, идеология, традиция, независимость, национальная культура, информационное пространство, ценности, религия, искусство, духовная жизнь.

References

- 1 Nobyi Kazakhstan b nobom mire: Poslanie Prezidenta RK Prezidenta N. Nazarbaeva narodu Kazakhstana (2007). [New Kazakhstan in the New World: Message from the President of the Republic of Kazakhstan N.Nazarbayev to the people of Kazakhstan]. Astana[in Kazah].
- 2 Nysanbaeb, A.(2005). Ultyk ideii:talkylyuga ysynystar [«The idea of the idea»].*Egemen kazakstan* [in Kazakh].
- 3 Nysanbaeb, A., Mashan, M., Murzalin, J., &Tuleugulov,A (2001). *Evolution politicheskii sistemy Kazakhstan*[*Evolution of the political system of Kazakhstan*].Almaty [in Kazah].
- 4 Ashimbaeb, M., Nysanbaeb, A., &Shomanob, A. (2005).National ideia: predlojeniya k obsujdeniy[National idea: proposals for discussion].*Analytic, 1, 8* [in Kazakh].
- 5 Gjegoj, B., Kolodko, B. (2002). *Hlobalizationi perspektiby razbitiia postsotsialisticheskikh stran* [*Globalization and prospects for the development of post-socialist countries*].Ekaterinburg [in Russian].
- 6 Utkin, A.I.(2002). *Hlobalization: protsessi osmysleniia* [*Globalization: the process and comprehension*]. Moscow [in Russian].

Z. Saktaganova, A. Grigorkevich

*Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan
(E-mail: GrigorkevichA@mail.ru)*

Physical Culture and Sports in the USSR and Soviet Kazakhstan in the 1940s–1980s.

In the article the issues of the development of physical culture and sports in the USSR and the Kazakh SSR in the 1940s–1980s. are considered. The methodological basis of the study was the principle of historicism, which allowed to examine the subject of research in development and interrelation. A brief historiographical review demonstrated that in the Kazakh historiography the history of Kazakhstan's Soviet sport has never become the object of a special study of historians. In general, physical education was not given due attention by the authorities until the 1950s, however, in the second half of the 20th century, the introduction of physical culture and sports into the everyday life of a Soviet citizen was one of the important problems in the development of physical culture in the Soviet country. The expansion of the physical culture and sports movement was facilitated by the opening of universities, technical schools, schools, faculties of physical culture, sports schools, the creation of sports committees, societies, clubs, etc. The figures on the dynamics of the expansion of the material base in the USSR and in the republic are given. The authors characterize the national types of competitions that have acquired a mass character. It is concluded that already in the 1950s and 1970s physical culture and sports became part of the educational system, and physical culture became an important component of one of the aspects of leisure of the Soviet person and the social life of society.

Keywords: physical culture, sport, history, Soviet Union, Kazakh SSR, politics, daily life, sport schools, education, Kazakh Soviet sport.

The actualization of the problem at the present stage, which has become the object of research in this article, is associated with a number of factors: the need to popularize a healthy lifestyle after the crisis of the 1990s in the post-Soviet countries, the growth of interest in sports from the middle class, the deterioration of the physical condition of modern youth, the complication of the situation with the development of mass, and first of all, children's sports in the post-Soviet space, the awareness of the authorities and the general population of the illegality of curtailing educational work aimed at attracting physical culture and sports of citizens and a number of other reasons. Physical culture can be considered as a social phenomenon that reflects the historically determined level of material, spiritual, scientific, theoretical and practical achievements of the society, as a process of specific activity of people in the field of social and individual creativity. The system of physical culture and sports, moreover, appears as a historically determined type of social practice, in this case the history of physical education and sport is an important aspect of social history. An appeal to the problem of the history of physical education and sports is due to a special attention to the history of everyday life, and in its study the issues of leisure and psychophysical health of people are singled out, and so on.

The activity of the system of physical culture is embodied in the physical culture of the individual, which is a socially determined area of the general culture of man. This cultural sphere is a qualitative and systemic state of a person, characterized by a certain level of the special education, physical perfection, motivational orientation and social and spiritual values acquired as a result of education and integrated in the culture of lifestyle, spirituality and psychophysical health. Therefore, an important aspect of the development of a common culture is the knowledge about the development of physical culture and sports. A special place in their content should be occupied by the regional and national component. One can not but agree with the researchers who believe that the underestimation of the role of the national history of the sports and physical culture movement, the specifics of the national and regional components of physical culture and sport, corresponding to the psychological make-up of various ethnic groups of the multinational country, leads to a loss of the socio-cultural values of this sphere acquired as a result of centuries of peoples experience [1].

The methodological basis of the study was the principle of historicism, which allowed to examine the subject of research in the development and interrelation of the main social factors and conditions. The principle of scientific objectivity made it possible to analyze the subject under study taking into account the realities of social and political changes in society. The study used a systematic approach to the study of sources; an integral picture of the development of physical culture and sports in all its internal contradictions is also recreated on the basis of a systematic approach that makes it possible to identify regular links, take into ac-

count the general conditions and specificity of the development of physical culture and sports in the region under study. The authors used a historical and comparative method that allowed to determine with a significant degree of certainty the specifics of the development of physical culture and sports in a separate region. Historical science has accumulated and has a significant methodological toolkit, which allowed to create a research base of this work, which is based on complementary different methods.

The source of the article was statistical and other data from the funds of the State Archives of the Russian Federation (Moscow), the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (Almaty), published statistical collections on the national economy of the Kazakh SSR, etc.

The problems of sports life in Soviet literature were covered from the point of view of propaganda of the Soviet way of life, the symbol of which was an athlete with immaculate moral qualities. In this kind of works, the positive aspiration of all citizens of the Soviet country for sporting achievements, victories, physical education in everyday life, as well as the need for educational work among the younger generation, aimed at the spirit of competition and the desire to achieve victories and better results was emphasized.

The scientific traditions of the study of this problem were laid in the last century. Ye.Yu. Zelikson, I.G. Chudinov, T.M. Kanevets, and others are among the first Soviet historians of physical culture. They laid the foundations of the Soviet school of the history of physical culture [2–4]. Since the 1950's the history of physical culture and sports in the USSR began to be studied as an independent object of research; intensive development of various aspects of the history of the physical culture and sports movement began. The development of physical culture and sports in certain time periods was studied in the works of D.A. Kradman and G.S. Demeter, N.P. Novoselov, S.D. Sinitsyn and G.D. Kharabuga, G.I. Kukushkin and others [5–9]. 1960s–1980s are characterized by the emergence of large generalizing works and many different publications on the history of the emergence of physical culture and sports [10]. The growth of the number of literature published in the USSR in only three decades makes it possible to track the following figures: if in 1940 400 titles of the sports books, pamphlets, educational and methodical literature in the USSR were issued with a circulation of 3,100,000 copies, in 1950 — 519 and 6,900,000 units respectively, in 1960 there were already 839 names and 11.7 million copies [11].

Studying the physical culture and sports movement in the Soviet era, the authors portrayed it as a pyramid, based on a massive physical culture, and on top there was the sport of higher achievements. In general, analyzing Soviet historiography, it should be noted that all Soviet authors summed up that the successes of achievements in the Soviet physical culture movement were associated with social policy, the successful socioeconomic development of the USSR and subsequently became the property of all the Soviet republics and all the people who inhabited the USSR. It goes without saying that in all such works the ideological component dominated and there was no criticism of the Soviet system, including in the field of sports and physical education.

Russian researchers actively began to study the history of Soviet sports after 1991: evidence of this are dozens of defended in Russia dissertational works of humanitarians [12]. The modern stage of the Russian historiography of the problem under consideration is characterized by the introduction into the scientific circulation of significant factual material, the expansion of the problems and geography of research. There is a direction of literature that can be described as «sports literature». This subject is examined from various aspects by researchers: sociologists, political scientists, psychologists, physicians, etc., engaged in the study of the development of physical culture and sports, the health of citizens and the upbringing of sports culture of a citizen of the country. In general, it should be noted that the range of publications that could be defined as «literature about sports» is wide enough and covers the subject fields of many natural and humanitarian disciplines.

Foreign European historiography of the given topic also has certain research traditions. In foreign historiography monograph of H.U. Gumbrecht on the philosophy of sports entertainment and monograph of J. Heisinga on the phenomenon of play and game culture in human civilization should be noted; the history of spectacular sports in the USSR is represented by R. Edelman; M. O'Mahouni studied the field of visual culture associated with the development of Soviet sports, etc. [13–16]. This problem has continued to attract critical attention of foreign authors in recent decades, in particular, a number of articles were published in «The International Journal of the History of Sport» [17–19].

As for Kazakhstan's historiography, unfortunately, we have to admit that the history of Soviet sport has never become the object of a special generalizing study or monographic study of historians.

In the USSR during the 1920s–1930s physical culture was built for the purpose of military training of huge masses of the population. There was an obvious skew in the direction of the military applied nature of

sports, which did not contribute to the folding of such sports components as the development of the maximum possible number of sports, the interests of sports fans, their broad material support from the state, direct work to achieve specific high sports results, national sports in the national republics, etc. Involvement of the population in the sports and sports movement took place both on a voluntary basis and in a compulsory manner. Sport became an instrument for the education of Stalin's man «homo soveticus»; the essence was not sporting rivalry, but involvement and participation, developing a habit of collective action. Undoubtedly, this policy brought its results, Soviet posters of the 1930s of the XX century with the image of muscular guys and girls should have caused a desire to play sports. They instilled a love for a healthy and healthy way of life, fostering the interest of young people in physical training.

The Soviet state centralized the management of the affairs of physical culture and sports, a separate department of the Union level (the Supreme Council of Physical Culture, the all-union Council of Physical Culture, the all-union Committee for Physical Culture and Sports, the General Directorate for Physical Culture and Sports), these oversaw sports, existed since 1920 up to 1959 (with brief interruptions in 1953–1954). This central body was in charge of all physical culture and sports work in the Soviet Union, including leadership and control in the field of training physical culture, the construction and use of sports facilities, the production and distribution of sports equipment, etc. From 1959 to 1968 the leadership of physical culture and sports work in the country was entrusted to public organizations, in particular, to the Union of Sports Societies and Organizations of the USSR, but public organizations could not, according to the authorities, work in the sports field. And since 1968 the Union Republican Committee for Physical Culture and Sport was established under the Council of Ministers of the USSR (1968–1986). In 1986, it was reorganized into the Union State Republican Committee of the USSR for Physical Education and Sport, having existed until November 1991. It also carried out a centralized guide to physical education in the country, holding all-union sporting events and controlling sports competitions, preparing and distributing physical training personnel, coordinating plans for the production and distribution of sports equipment and building sports facilities, as well as for international relations in sports sphere. The main idea of the Soviet system of physical education was the provision on the accessibility and massiveness of physical culture, which, in our opinion, was an indisputable achievement of the Soviet period.

The situation on the development of sports and physical education changed in the post-war years, contradictory and complex processes in the socio-political and economic life of the USSR had a significant impact on the development of Soviet sports and physical culture in the second half of the 20th century. In the formation of physical culture in the Soviet Union, one of the important problems was the introduction of physical culture and sports in the everyday life of the Soviet people. The expansion of the physical culture and sports movement was facilitated by the opening of universities, technical schools, schools, faculties of physical culture, sports schools, the creation of sports committees, societies, clubs, large bases. The material base also expanded: in the USSR in 1940 there were only 378 stadiums (with 1.5 thousand or more seats for spectators), in 1957 the total number of stadiums was 1,423 (29 of them were large, 269 were medium ones, and 1125 were of small size), and the number of sports grounds complexes was 4685 [20], in 1968 there were already 2895 large stadiums, and the number of teams of physical culture was 206358 [21].

In the late 1940s the work on the promotion of physical culture and sports was intensified: the first post-war all-union conference on agitation and propaganda (in 1949), in 1951 the All-Union Committee for Physical Education and Sports issued a directive on the organization and promotion of physical education; in the universities the faculties of physical culture and sports were restored, since 1956 the first sports days of the USSR began to be held; in 1952 the Soviet Union became a participant of the international Olympic movement. The scope of such events became grandiose: for example, in 1967, 80 million people, 170,000 physical culture groups took part in the Fourth Spartakiad of the Peoples of the USSR, and the final competitions were held in 23 sports [11; 55]. Exhibitions of artistic photography on sports were regularly held, television, radio, newspapers and magazines actively promoted physical culture and replicated the achievements of Soviet sport. In 1961, 14 sports newspapers, 16 sports magazines, 12 ballots and 10 periodicals were published in the USSR, their one-time circulation reached 3 million copies [22]. In addition to periodicals and special literature, sports topics were reflected in art and popular science books, central, republican and local press, radio and television programs, documentary and feature films, etc.

It should be noted that the promotion of physical culture and sports had the results: in the 1960s in the USSR there were 84 million people who systematically were engaged in sports, that is, virtually every third Soviet citizen. In the USSR, more than 70 kinds of sports were developed, up to 500 different all-Union competitions were held annually, once in four years the Spartakiads of the People of the USSR were held. In

1983, 95 million athletes and sportsmen participated in mass starts of the VIII Summer Spartakiad of the Peoples of the USSR, still almost every third resident of the country [23; 126]. Physical culture and sports ceased to be part of military-applied training, they became a part of leisure, hobby and predilection of the Soviet man. In 1986, there were 3,981 large stadiums in the USSR (with 1,5 thousand spectators and more), 83 thousand sports halls, 2,601 swimming pools, including 1554 indoor swimming pools. In addition, in the country there were about 600 thousand rifle shooting ranges, football fields, playgrounds and other sports facilities, every day about 30 million people could take part in sports facilities [20].

One of the stages in the development of physical culture and sports in Kazakhstan was the second birth of national sports. National types of competitions began to acquire a massive character. Representatives of almost all regions of Kazakhstan took part in the Kazakh-kures, thayak-zhugurtu (throwing sticks in the snow), Toguz-kumalak table game and many equestrian sports. A new round in the development of national sports in Kazakhstan began in 1944. The republic's sports organizations developed new rules for competitions in the main national sports and games [24; 53, 54]. In early 1945, the all-union Committee for Physical Education and Sports issued a special order «On Strengthening Work on National Sports». It noted the need for widespread use of national types of physical exercises that were part of the means of Soviet physical education and a powerful factor in the development of the mass physical culture movement in the national republics. As practical measures, the committee proposed to include elements of national games, dances and entertainments in the physical education programs of national schools and in the practice of preschool institutions, to arrange demonstrations on national sports on holidays, to revise existing and developed new competition rules, to select and streamlined national sports, including them in the practice of sports work in urban and rural sports teams.

In 1948 emphasis was placed on strengthening the work of the republic's sports organizations to create physical culture sections, especially in rural areas, sections on national sports, in order to improve teaching and training work in them, and to increase the involvement of Kazakh youth in sports. In 1949 «A Brief Collection of Kazakh National Sports» was published in the republic. It finally consolidated their official status and contributed to their further development. In 1958 the first all-union equestrian and sports competitions of kolkhozes, sovkhoses and horse farms were held in Moscow, its participants competed in kok-par, sayis, baiga for 7 km, kyz-kuu, kyz-jarys. And in 1960 the jubilee Spartakiad on national sports was held, it was dedicated to the 40th anniversary of the Kazakh SSR, the obligatory test species included baiga on 7 and 16 km, jarga-zharys, kazakhsa-kures, kok-par, sayis, toguz-kumalak. But gradually the role and importance of national sports were reduced, being superseded by classical sports.

In 1957 there were 63 different stadiums in the Kazakh SSR, there were no large stadiums, 11 medium-sized stadiums, 52 small ones. There were 264 sports grounds in the republic, 117 of them were in schools; 1056 basketball courts (569 of them were in schools), and 5390 volleyball courts (2025 of them were in schools) [20]. And already in 3 years, in 1960 in Kazakhstan there were 59 stadiums with 1500 and more seats for spectators, 500 sports halls, 25 swimming pools, 1221 football field, 10700 volleyball, basketball and tennis courts.

In 1970 there were 98 large stadiums, 2,546 sports halls, 43 swimming pools, including 14 indoor ones, 4623 football fields, more than 16,600 volleyball, basketball and tennis.

Statistical data, given in different sources, do not coincide, and the discrepancies are significant. For example, according to the State Archives of the Russian Federation in 1969 in the Kazakh SSR there were 4503 physical culture teams and 846 370 athletes [25].

Other discrepant quantitative indicators are given in official collections. Firstly, the statistical compendiums published in the republic before 1987 did not even reflect the figures on the history of physical culture and sports (neither sports facilities, nor the number involved in physical culture, etc.); secondly, the data given in them were highly overstated, the discrepancies were more than 100 %. According to them the number of teams of physical education in 1970 was 10,366, the number of regularly engaged in physical culture and sports was more than 3,620,500 people, 1310600 of them were women. In 1970 in Kazakhstan there were 208 masters of sports of the USSR, more than 295200 sportsmen-dischargers. In 1975 there were 11470 physical culture collectives, 4201500 people, including 1554,600 women were systematically engaged in physical culture and sports; there were 367 masters of the USSR and 63,640 athletes were discharged [26; 240, 27; 137]. It is difficult to say what data is close to the real situation of those years, but in any case the dynamics of the development of physical culture and sports in the republic was positive and was growing over the years.

Archival materials show the development of the system of sports education in the secondary school system. In 1970, children's and youth's sports schools worked in the Kazakh SSR: 3 track and field athletics ones, 2 speed skating ones, 1 football school, 1 cross-country skiing (jumping) school. The number of people engaged in children's and youth sports schools was 3527 people (2.7 % in the USSR). Among them, 1678 people were engaged in athletics schools, 721 — in speed skating ones, 751 — in football ones, 210 — in mountain skiing schools, 167 — in skiing (snatching and jumping) schools [28; 97].

In 1980, there were 124 stadiums, 4663 sports halls, 76 swimming pools, 8,069 football fields and more than 24,500 volleyball, basketball and tennis courts. In 1986, 155 stadiums, 5,488 gyms, 113 swimming pools were functioning in Kazakhstan, including 59 indoor ones, 9205 football fields and more than 26,500 volleyball, basketball and tennis courts. In 1980 the number of teams of physical culture was 12167, the number of regularly engaged in physical culture and sports was more than 4891900 people, 2085500 of them were women; in the republic there were 592 masters of sports. In 1986, the number of physical training teams increased insignificantly, reaching 14422, while the number of people involved in physical education and sports exceeded 5652600 people, including women (more than 2138500); 397 Kazakhstani athletes were awarded «Master of Sports of the USSR» title [26; 240, 27; 137]. In 1986 in Kazakhstan, the capacity of sports facilities for 10 thousand people was 1,285, that was the highest security among all the republics of the USSR. It should be noted that the provision of the population with sports facilities in the country was less than one-third of the need for them [29; 376; 30, pp. 606–607].

The all-Union Games of the People of the USSR, held in 1949, brought 38 new records to Kazakhstan. The documents of the jubilee X All-Kazakhstan Sports Games of 1960 refer to 24 new republican records. A significant event in the sport life was the USSR championship in track and field athletics in 1965. Of the Kazakhstani athletes, the great success was achieved by the sprinter A. Tuyakov, who won the gold medal in the 200 m race. In Soviet times, the first Olympic medal was brought to Kazakhstan by athlete Gusman Kosanov, who became a silver medalist in Tokyo-1964. In 1972, the best athletes of the republic participated in the USSR national team in the 20th Olympic Games in Munich. The Olympic champions were wrestler V. Ryazantsev, wrestler A. Nazarenko (silver medalists), athlete V. Soldatenko, volleyball player V. Kravchenko and swimmer V. Aboimov. In the archival materials on the XXI Olympic Games in Moscow (1980), Kazakhstan athletes were represented. They won 16 medals. Among them were wrestler J. Ushkempirov, water polo player S. Kotenko, basketball player N. Olkhovaya, wrestler S. Serikov, weight-lifter V. Mazin, runner V. Muraviev, boxers S. Konakbaev, V. Demyanenko, A. Bykov, T. Lesova, M. Azimov, F. Zigangirov, M. Myasnikov, O. Zagorodnev, M. Nechipurenko, A. Goncharenko [31].

The absence of generalizing works in the Kazakh historiography on the history of physical culture and sports requires professional historians to address these problems. Considering the history of Soviet sport and physical culture in the 1940s and 1980s, it is impossible not to mention the phenomenon of their rapid development. It is amazing that physical exercises among the widest sections of the population of the Soviet country were unprecedentedly popular. Despite the authorities efforts to popularize physical culture, such rapid successes of sports in our country would be impossible without a broad movement from below. A common Soviet citizen found in physical culture a way that helped to cope with difficulties, to take the mind off everyday worries. For some people, sport became a matter of life, professional earnings.

The management of physical culture and sports was often campaigning. Physical culture work was developed under the slogan «Massiveness is the basis of mastery!» «The main thing is not victory, the main thing is participation!». In the 1960s–1970s mass physical culture and sports in cities (and to a lesser extent in rural regions) were developed successfully. National sports didn't receive active distribution, although some activation of their development was typical for the 1940s–1950s. Active promotion of physical education and sports gave positive results: in the 1950s–1960s every third citizen of the country was attached to the sport. Physical culture and sports became part of the educational system and the history of physical culture became part of one of the aspects of social life in its development.

References

- 1 Агеев А.В. Развитие физической культуры и спорта на Ставрополье в первой половине XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук [Электронный ресурс] / А.В. Агеев. — Ставрополь, 2005. — Режим доступа: <http://cheloveknauka.com>
- 2 Зеликсон Е.Ю. Очерки по истории физической культуры в СССР (1861–1917): учеб. пос. / Е.Ю. Зеликсон. — М.-Л.: Физкультура и спорт, 1940. — 176 с.

- 3 Чудинов И.Г. Физическая культура в годы гражданской войны: дис. ... канд. ист. наук / И.Г. Чудинов. — М., 1940. — 311 с.
- 4 Каневец Т.М. История лыжного спорта в СССР: дис. ... канд. ист. наук / Т.М. Каневец. — Л., 1946. — 186 с.
- 5 Крадман Д.А. Физическая культура в СССР в годы развернутого наступления социализма по всему фронту, 1930–1934 гг.: дис. ... канд. пед. наук / Д.А. Крадман. — М., 1950. — 335 с.
- 6 Деметер Г.С. Спорт в СССР в годы второй сталинской пятилетки 1933–1937 гг.: дис. ... канд. пед. наук / Г.С. Деметер. — Л., 1953. — 690.
- 7 Новоселов Н.П. История физической культуры народов СССР. — Ч. 1 / Н.П. Новоселов, С.Д. Синицын, Г.Д. Харабуга; под ред. Дворцовой З.В. — М.: Физкультура и спорт, 1953. — 158 с.
- 8 Советская система физического воспитания / под. ред. Г.И. Кукушкин. — М.: Физкультура и спорт, 1975. — 558 с.
- 9 История физической культуры и спорта в СССР: ретр. указ. лит. 1923–1982 гг. / сост. К.А. Куликович. Респ. науч. метод. б-ка по физ. культуре. — Минск: [Б.и.], 1984.
- 10 Цуканова О.М. Становление и развитие физической культуры и спорта в Курском крае (1917–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук [Электронный ресурс] / О.М. Цуканова. — Курск, 2012. — Режим доступа: <http://cheloveknauka.com>
- 11 Истягина-Елисеева Е.А. История спортивной пропаганды в СССР в период 1945–1991 гг. [Электронный ресурс] / Е.А. Истягина-Елисеева, Е.Е. Бареникова // Вестн. спортивной науки. — 2015. — С. 54–57. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-sportivnoy-propagandy-v-sssr-v-period-1945-1991-gg>
- 12 Диссертации по гуманитарным наукам [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cheloveknauka.com>
- 13 Гумбрехт Х.У. Похвала красоте спорта / Х.У. Гумбрехт. — М., 2009. — 174 с.
- 14 Хейзинга Й. Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры / Й. Хейзинга. — СПб., 2011. — 418 с.
- 15 Эдельман Р. Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР / Р. Эдельман. — М., 2008. — 400 с.
- 16 О'Махоуни М. Спорт в СССР. Физическая культура — визуальная культура / М. О'Махоуни. — М., 2010. — 296 с.
- 17 Riordan J. Playing to new rules: Soviet sport and perestroika. The International Journal of the History of Sport [Electronic resource] / J. Riordan. — Published online: 06 Nov 2007. — Access mode: <http://www.tandfonline.com>
- 18 Peppard V.E. The Soviet Critique of Sport and Physical Culture. The International Journal of the History of Sport. — Published online: 16 Mar 2012 [Electronic resource] / V.E. Peppard. — Access mode: <http://www.tandfonline.com>
- 19 Jefferies S.C. Sport and Education: Theory and Practice in the USSR. The International Journal of the History of Sport. — Published online: 19 Mar 2012 [Electronic resource] / S.C. Jefferies. — Access mode: <http://www.tandfonline.com>
- 20 ГА РФ. Ф.7576. Оп.35.Д.63.Л.1–18.
- 21 ГА РФ. Ф.9570. Оп.4. Д.50. Л.1–111.
- 22 Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту. Том 2 / под ред. Г.И. Кукушкин. — М.: Физкультура и спорт, 1962. — 388 с. — Режим доступа: <http://sport-history.ru/physicalculture/item/f00/s02/e0002215/index.shtml>
- 23 Зломанов Л.П. Наши права: политические и экономические гарантии. Цифры и факты / Л.П. Зломанов, Л.А. Уманский. — М.: Политиздат, 1984. — 256 с.
- 24 Архив Президента Республики Казахстан. — Ф. 812. — Оп. 1. — Д. 2705.
- 25 ГА РФ. — Ф. 7576. — Оп. 35. — Д. 86.
- 26 Народное хозяйство Казахской ССР. Юбиле. стат. ежегод. — Алма-Ата: Казахстан, 1987. — 344 с.
- 27 Народное хозяйство Казахстана в 1988 г. Стат. ежегод. — Алма-Ата: Казахстан, 1989. — 392 с.
- 28 ГА РФ. — Ф. 7576. — Оп. 35. — Д. 114. — Л. 1–134.
- 29 Казахская Советская Социалистическая Республика: Энциклопедический справочник. — Алма-Ата, 1981. — 702 с.
- 30 Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбиле. стат. ежегодник / Госкомстат СССР. — М.: Финансы и статистика, 1987. — 766 с.
- 31 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://e-history.kz/ru/publications/view/2747>.

З. Сактаганова, А. Григоркевич

1940–1980 жылдардағы КСРО мен Кеңес Қазақстандағы дене тәрбиесі және спорт

Тақырыпты зерттеудің әдіснамалық негізін историзм принципі құрайды, аталған принцип зерттеу пәнін дамыту мен өзара байланыста зерттеуге мүмкіндік берді. Қысқаша тарихнамалық шолу қазақ тарихнамасында қазақстандық Кеңес спортының тарихы ешқашан тарихшыларды арнайы зерттеу нысаны болмағанын көрсетті. Жалпы дене тәрбиесіне билік тарапынан 1950 жылға дейін тиісті көңіл бөлінбеген, алайда ХХ ғасырдың екінші жартысында кеңес азаматының күнделікті өміріне дене шынықтыру мен спортты енгізу Кеңес Одағында дене шынықтыруды дамытудағы маңызды проблемалардың бірі болды. Дене шынықтыру және спорт қозғалысын кеңейту университеттердің, техникумдардың, мектептердің, дене шынықтыру факультеттерінің, спорт мектептерінің ашылуына, спорт комитеттерінің, қоғамдардың, клубтардың құрылуына және тағы басқаға ықпал етті. Авторлар бұқаралық сипатқа ие болған жарыстардың ұлттық түрлерін сипаттады. 1950 және 1970 жж. дене шынықтыру және спорт білім беру жүйесінің бір бөлігі болды, ал дене шынықтыру кеңестік адамның

бос уақыты мен қоғамның әлеуметтік өмірінің маңызды құрамдас бөлігі болды деген қорытынды жасалды.

Кілт сөздер: дене шынықтыру, спорт, тарих, Кеңес Одағы, Қазақ ССР, саясат, күнделікті өмір, спорт мектептері, білім, қазақстандық кеңестік спорт.

З. Сактаганова, А. Григоркевич

Физкультура и спорт в СССР и Советском Казахстане в 1940–1980-е гг.

Методологической основой исследования является принцип историзма, который позволил рассмотреть предмет исследования в развитии и взаимосвязи. Краткий историографический обзор показал, что в казахской историографии история казахстанского советского спорта никогда не становилась объектом специального изучения историков. В целом физическому воспитанию не уделялось должного внимания со стороны властей до 1950-х гг., однако во второй половине XX-го в. внедрение физической культуры и спорта в повседневную жизнь советского гражданина стало одной из важных проблем в развитии физической культуры в Советской стране. Расширение физической культуры и спортивного движения способствовало открытию университетов, техникумов, школ, факультетов физической культуры, спортивных школ, созданию спортивных комитетов, обществ, клубов и т.д. Приведены данные о динамике расширения материальной базы в СССР и республике. Авторы характеризуют национальные виды соревнований, которые приобрели массовый характер. Сделан вывод, что уже в 1950 и 1970-х гг. физическая культура и спорт стали частью системы образования, а физическая культура стала важной составляющей одного из аспектов досуга советского человека и социальной жизни общества.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, история, Советский Союз, Казахская ССР, политика, повседневная жизнь, спортивные школы, образование, казахстанский советский спорт.

References

- 1 Ageyev, A.V. (2005). Razvitiu fizicheskoi kultury i sporta na Stavropolie v pervoy polovine XX v. [The development of physical culture and sports in the Stavropol region in the first half of the 20th century]. (n.d.). *Extended abstract of candidate's thesis*. Retrieved from <http://cheloveknauka.com> [in Russian].
- 2 Zelikson, Ye.Yu. (1940). Ocherki po istorii fizicheskoi kultury v SSSR (1861–1917). [Essays on the history of physical culture in the USSR (1861–1917)]. Moscow-Leningrad: Fizkultura i sport [in Russian].
- 3 Chudinov, I.G. (1940). Fizicheskaya kultura v hody hrazhdanskoi voyny [Physical culture during the Civil War]. *Candidate's thesis*. Moscow-Leningrad [in Russian].
- 4 Kanevets, T.M. (1946). Istoriia lyzhnogo sporta v SSSR [History of skiing in the USSR]. *Candidate's thesis*. Leningrad [in Russian].
- 5 Kradman, D.A. (1950). Fizicheskaya kultura v SSSR v hody razvernutoho nastupleniya sotsializma po vsemu frontu (1930–1934 gg.) [Physical culture in the USSR during the years of the onset of the offensive of socialism along the whole front (1930–1934)]. *Candidate's thesis*. Moscow [in Russian].
- 6 Demeter, G.S. (1953). Sport v SSSR v hody vtoroi stalinskoi piatiletki 1933–1937 gg. [Sport in the USSR during the second Stalin five-year plan of 1933–1937]. *Candidate's thesis*. Leningrad [in Russian].
- 7 Novoselov, N.P., Sinitsyn, S.D., & Kharabuga, G.D. (1953). Istoriia fizicheskoi kultury narodov SSSR [The history of physical culture of the peoples of the USSR]. Z.V. Dvorcova (Ed.). Moscow [in Russian].
- 8 Kukushkin, G.I. (Eds.). (1975). *Sovetskaya sistema fizicheskogo vospitaniya [Soviet system of physical education]*. Moscow [in Russian].
- 9 Istoriia fizicheskoi kultury i sporta v SSSR: retr. ukaz. lit. 1923–1982 gg. [The history of physical culture and sports in the USSR: a retr. lit. ref. 1923–1982 / comp. K.A. Kulinkovich]. Minsk [in Russian].
- 10 Tsukanova, O.M. (2012). Stanovleniye i razvitiye fizicheskoi kultury i sporta v Kurskom kraie (1917–1941 gg.) [The formation and development of physical culture and sports in the Kursk region (1917–1941)]. (n.d.). *Extended abstract of candidate's thesis*. Retrieved from <http://cheloveknauka.com> [in Russian].
- 11 Istyagina-Yeliseyeva, Ye.A., & Bariyenikova, Ye.Ye. (2015). Istoriia sportivnoi propahandy v SSSR v period 1945–1991 gg. [The history of sports propaganda in the USSR in the period of 1945–1991]. *Vestnik sportivnoi nauki – Bulletin of Sports Science*, 54–57. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-sportivnoy-propagandy-v-sssr-v-period-1945-1991-gg> [in Russian].
- 12 Dissertatsii po humanitarnym naukam [Theses in the humanities]. (n.d.). *cheloveknauka.com*. Retrieved from <http://cheloveknauka.com> [in Russian].
- 13 Humbrecht, H.W. (2009). Pokhvala krasote sporta. [Praise to the beauty of the sport]. Moscow [in Russian].
- 14 Huizinga, J. (2011). *Homo ludens. Opyt issledovaniya ihrovogo elementa kultury [Homo ludens. Experience in the study of the game element of culture]*. Saint Petersburg [in Russian].

- 15 Edelman, R. (2008). *Serioznaia zabava. Istoriia zrelishchnoho sporta v SSSR [Serious fun. History of spectacular sports in the USSR]*. Moscow [in Russian].
- 16 O'Mahouni, M. (2010). *Sport v SSSR. Fizicheskaia kultura — vizualnaia kultura [Sport in the USSR. Physical culture — visual culture]*. Moscow [in Russian].
- 17 Riordan, J. (2007). Playing to new rules: Soviet sport and perestroika. *The International Journal of the History of Sport [Playing to new rules: Soviet sport and perestroika. The International Journal of the History of Sport]*. *tandfonline.com*. Retrieved from <http://www.tandfonline.com> [in Russian].
- 18 Peppard, V.E. (2012). The Soviet Critique of Sport and Physical Culture. *The International Journal of the History of Sport*. *tandfonline.com*. Retrieved from <http://www.tandfonline.com> [in Russian].
- 19 Jefferies, S.C. (2012). Sport and Education: Theory and Practice in the USSR. *The International Journal of the History of Sport*. *tandfonline.com*. Retrieved from <http://www.tandfonline.com> [in Russian].
- 20 RF SA. F.7576. In.35.C.63.L.1–18.
- 21 RF SA. F.9570. In.4. C.50. L.1–111.
- 22 Kukushkin, G.I. (1962). *Entsiklopedicheskii slovar po fizicheskoi kulture i sportu [Encyclopedic dictionary on physical culture and sport]*. (Vol. 2). Moscow: Fizkultura i sport [in Russian].
- 23 Zlomanov, L.P., & Umansky, L.A. (1984). *Nashi prava: politicheskiie i ekonomicheskiie harantii. Tsifry i fakty [Our rights: political and economic guarantees. Figures and facts]*. Moscow [in Russian].
- 24 AP RK. F.812. In.1. C.2705.
- 25 RF SA. F.7576. In.35.C.86.
- 26 Narodnoye khoziaistvo Kazakhskoi SSR. Yubileinyi stat. yezhehodnik [National economy of the Kazakh SSR. Anniversary Stat. yearbook]. (1987). Alma-Ata [in Russian].
- 27 Narodnoye khoziaistvo Kazakhstana v 1988 h. Statisticheskii yezhehodnik [National economy of Kazakhstan in 1988. Statistical yearbook]. (1989). Alma-Ata [in Russian].
- 28 RF SA. F.7576. In.35.C.114. L.1–134.
- 29 *Kazakhskaia Sovetskaia Sotsialisticheskaia Respublika: Entsiklopedicheskii spravochnik [Kazakh Soviet Socialist Republic: Encyclopedic Reference]*. (1981). Alma-Ata [in Russian].
- 30 Narodnoye khoziaistvo SSSR za 70 let: Yubileinii stat ezhehodnik [National Economy of the USSR for 70 years: Jubilee Stat Yearbook]. (1987). Moscow [in Russian].
- 31 *e-history.kz*. (n.d.). Retrieved from <http://e-history.kz/ru/publications/view/2747> [in Russian].

З.Г. Сактаганова, Ш.А. Ильясов, А.Ж. Тулегенова

*Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан
(E-mail: mr.history2015@mail.ru)*

Права, обязанности и деятельность уездных и крестьянских начальников и других сотрудников штатных структур в колониальной системе управления

В статье рассмотрены вопросы административных полномочий и служебная деятельность сотрудников штатных структур колониального местного управления в Степном крае. Приведены сведения о социальном составе, материальном обеспечении чиновников низшего и среднего звена. Деятельность уездных и крестьянских начальников во многом влияла на местное туземное управление в лице казахских волостных управителей, аульных старшин и народных судей — биев. Уездные и крестьянские начальники имели широкие полномочия в плане административной деятельности, дарованной Степным положением 1891 г. На этих должностях могли работать люди разных профессий — от гражданского служащего или фельдшера до военного офицера, как правило, присланные с Центра. Необходимо отметить, что институт крестьянских начальников был введён в 1902 г. в ходе ширококомасштабной переселенческой политики царского правительства. Их заботой было выделение земельных участков вновь прибывающим русским и украинским крестьянам. Также в колониальной администрации работали полицейские и военные чины в разных штатных структурах Степного генерал-губернаторства. На материалах архивных документов авторы рассмотрели послужные списки полицейских чиновников, службу представителей казахской национальности в органах полицейского управления.

Ключевые слова: уездный начальник, крестьянский начальник, полицейский пристав, помощник уездного начальника.

В конце XIX в. согласно Степному положению 1891 г. особую роль в административном аппарате Степного генерал-губернаторства играли служащие полицейского управления — уездные начальники, их помощники, урядники и служащие уголовно-исправительной системы.

Особый интерес для нас представляет деятельность таких штатных структур, как уездные начальники, их помощники, словесные переводчики и письмоводители канцелярии уездных начальников, сотрудники жандармского управления — урядники и другие полицейские чины, крестьянские начальники, которые составляют штаты чиновников административного колониального управления Степного края. Основная тяжесть на местах в исполнении полицейских и гражданских функций ложилась на уездных начальников и их помощников. Их биографические данные можно изучить по послужным спискам, в донесениях уездных начальников губернаторам, в приказах степных генерал-губернаторов и военных губернаторов областей, а также в запросах степных генерал-губернаторов об увеличении штатов в Министерство внутренних дел Российской империи.

По закону 1891 г. области делились на уезды. «Уезды с находящимися в них городами, кроме городов, имеющих отдельное управление, состоят в ведении уездных начальников» [1; 76–77]. Они полностью контролировали и направляли всю хозяйственную, общественно-политическую жизнь на местах, управляли деятельностью волостных управителей и аульных старшин. Ст. 39 давала право уездным начальникам подвергать инородцев заслушание законным распоряжениям властей и за проступки (споры, драки, нарушение общественной тишины, непочтение и грубость к власти, непослушание родителям и оскорбление их) аресту не свыше семи дней или денежному изысканию не свыше пятнадцати рублей.

Изучение деятельности уездных начальников и других сотрудников штатных структур Степного края по официальным источникам делопроизводственной документации является, на наш взгляд, сегодня актуальной проблемой, так как истоки сложения полицейских органов управления берут свое начало с конца XIX в., когда складывались штаты полицейского управления Степного генерал-губернаторства. В советское время тема формирования и деятельности уездных начальников вообще не рассматривалась. Это объясняется тем, что из-за идеологических соображений в глазах марксистов-историков сотрудники полицейских штатов являлись «защитниками царского самодержавия».

В «Азиатской России» отмечено, что уездное управление находится в руках уездных начальников. Кроме того, во всех степных областях были учреждены должности крестьянских начальников,

которых заменяли в некоторых местностях чиновники особых поручений при Переселенческом Управлении.

Земское и городское хозяйства велись на тех же основаниях, как и в российских губерниях. Земским хозяйством ведало областное правление, а заведывание хозяйством и благоустройством городов, в которых не было введено общественное управление, возлагалось, при участии депутатов от городских обществ, на уездных начальников, под наблюдением губернаторов и областных правлений [2; 56].

В ходе общественно-политических процессов, происходивших на территории Казахстана, а именно национально-освободительного движения казахского народа, зарождения революционных организаций в Степном крае и усиления переселенческой политики российская колониальная администрация ставила цель — формирование и увеличение численности полицейских штатов из числа российских чиновников и представителей коренной национальности, пожелавших служить в колониальных органах власти. В изучаемый нами период царское правительство и местные колониальные органы управления наделили уездных начальников и служащих его уездного учреждения несколькими функциями:

- следить за общественным порядком в крае (особенно в городской местности);
- решать межнациональные конфликты между крестьянами-переселенцами и коренным населением;
- претворять в жизнь и исполнять законодательные акты и приказы вышестоящих органов;
- подавлять всякого рода инакомыслие, бороться с революционными идеями политических ссыльных, бывших участников восстаний и деятелей национальной интеллигенции.

Служебную деятельность сотрудников полицейских штатов Степного края можно обнаружить в приказах степных генерал-губернаторов и военных губернаторов, в официальной переписке, докладах высших должностных лиц и послужных списках полицейских чинов.

Сохранились приказы степных генерал-губернаторов о назначении на должность полицмейстеров, уездных начальников и их помощников. К примеру, приказ о назначении подполковника Мельникова и капитана Михайлова от 25 апреля 1901 г. за № 32 помощниками уездных начальников: «Высочайшим приказом по военному ведомству, от 3 сего апреля назначены: Семипалатинский полицмейстер, числящийся по армейской кавалерии. Подполковник Мельников — помощник Устькаменогорского уездного начальника, с оставлением по армейской кавалерии, и.д. помощника Павлодарского уездного начальника, числящийся по армейской пехоте, капитан Михайлов, исправляющим должность Семипалатинского полицмейстера, с оставлением по армейской службе» [3; 2].

В аналогичном приказе и.д. степного генерал-губернатора Санникова о назначении полковника Троицкого сказано: «Высочайшим приказом по военному ведомству, от 31 января 1901 года, исправляющий должность Акмолинского уездного начальника, числящийся по армейской кавалерии подполковник Троицкий назначен исправляющим должность Кокчетавского уездного начальника, с оставлением по армейской кавалерии. Об этом объявляю по Степному генерал-губернаторству» [4; 1].

В другом приказе о назначении начальников в другие уезды отмечены имена и.д. помощника Петропавловского уездного начальника Киница и помощника Каркаралинского уездного начальника Янцевича: «Высочайшим приказом по военному ведомству от 25-го декабря 1894 года назначены: исправляющий должность Помощника Петропавловского уездного начальника, числящийся по армейской пехоте штабс-капитан Киниц — исправляющий должность Каркаралинского уездного начальника и Помощник Каркаралинского уездного начальника, числящийся по армейской пехоте подполковник Янцевич — Помощником Павлодарского уездного начальника, оба с оставлением по армейской пехоте» [5; 1].

В следующем приказе о переводе говорится: «И.д. Помощника Омского уездного начальника, числящийся по армейской кавалерии. Ротмистр Рогалевич командирован к исправлению должности Атбасарского уездного начальника» [6; 1].

Бывали случаи о переходе служащих с другого ведомства для работы в должности уездного начальника и наоборот. В приказе М.А. Таубе сообщается: «Податный инспектор Кокчетавского участка Акмолинской области, коллежский асессор Кельцев назначается, согласно прошению на должность Кокчетавского уездного начальства. Об этом объявляю по Степному генерал-губернаторству» [7; 1].

В другом таком приказе генерал-губернатора Таубе отмечается: «Кокчетавский уездный начальник, статский советник Селицкий назначается Старшим делопроизводителем моей Канцелярии» [8; 1].

Отмечены случаи и обратного перевода с должности младшего делопроизводителя канцелярии в должность помощника уездного начальника: «Младший делопроизводитель моей канцелярии титулярный советник Татаржинский освобождается от должности и службы в Канцелярии, за назначением его, 20-го ноября сего года и.д. Помощника Каркаралинского уездного начальника» [9; 2].

Часто в приказах упоминается имя помощника, а затем Петропавловского уездного начальника Фон Штейна. Вот что сообщается о его назначении: «Высочайшим приказом по военному ведомству, от 17 октября с.г., назначены: исправляющим должность помощника Петропавловского уездного начальника, числящийся по армейской пехоте, поручик Фон Штейн — исправляющим должность Петропавловского уездного начальника, с оставлением по армейской пехоте...» [10; 2].

Особо стоит отметить деятельность Петропавловского уездного начальника, штабс-капитана Штейна. В своем приказе от 12 августа 1901 года за № 65 степной генерал-губернатор Н.Н. Сухотин выражает ему благодарность: «В виду засвидетельствования военного губернатора Акмолинской области об особенно энергичной деятельности, председателя съезда санитарной комиссии в городе Петропавловск, Петропавловского уездного начальника, штабс-капитана Фон Штейна, по руководству съездом, считаю долгом выразить штабс-капитану Фон Штейну мою благодарность» [11; 1].

В другом приказе о награждении от 3 октября 1901 г. за № 78 сказано, что фон Штейн награжден орденом Св.Станислава 2-й степени и полицейский пристав Рождественский орденом Св.Анны 3-й степени: «Государь император всемилостивейше соизволил, в 1-й день мин.сентября, пожаловать нижепоименованным лицам награды, за особые отличные труды их, вызванные китайскими событиями 1900 года: и.д. Петропавловского уездного начальника, штабс-капитану фон Штейну — орден Св. Станислава 2 ст. в изъятие из правил; полицейскому приставу г. Семипалатинска, титулярному советнику Рождественскому — орден Св. Анны 3 ст. О таком монаршем соизволении объявляю по Степному генерал-губернаторству» [12; 2].

Также в приказе степного генерал-губернатора отмечен благодарностью Кокчетавский уездный начальник, статский советник Коновалов за безнедоимочное взыскание кибиточной подати и земского сбора с населения Кокчетавского уезда [13; 1].

Имеются приказы и об увольнении по просьбе самих уездных начальников со службы и в отпуск. Так, в приказе степного генерал-губернатора Таубе говорится: «Павлодарский уездный начальник, статский советник Михайлов, согласно прошению, увольняется от должности и службы в отставку с мундиром, последней его должности присвоенным» [14; 1].

В следующем приказе отмечается: «Атбасарский уездный начальник, надворный советник Годлевский, согласно прошению, увольняется по болезни от службы» [15; 2].

В еще одном приказе об увольнении на отпуск уездного начальника Пальчинского за № 23 от 9 апреля 1898 г. сказано: «Омский уездный начальник, коллежский асессор Палчинский увольняется с 20 сего апреля в месячный отпуск в пределы Европейской России с сохранением содержания» [16; 1].

Также имелись приказы об исключении от службы в связи со смертью. К примеру, короткий приказ: «Исключается из списков за смертью: Петропавловский уездный начальник статский советник Мамонтов» [17; 2]. О Мамонтове был опубликован некролог, где дается характеристика его биографии и служебной деятельности в должности уездного начальника: «22 декабря скончался Петропавловский уездный начальник статский советник Дмитрий Федорович Мамонтов, 48 лет от роду. Покойный происходил из купеческих детей. Вся служебная деятельность Дмитрия Федоровича прошла в Акмолинской области. По окончании курса наук в Императорском Казанском университете Дмитрий Федорович приказом и.д. Губернатора Акмолинской области от 23 марта 1876 г. был причислен к Акмолинскому областному Правлению. Затем, последовательно прослужив в должностях Акмолинского Полицейского пристава, помощника Акмолинского уездного начальника и Петропавловского полицмейстера, Дмитрий Федорович приказом Степного генерал-губернатора от 9 ноября 1882 г. был назначен Петропавловским уездным начальником, в какой должности и состоял более 14 лет. Кроме означенных выше должностей покойный Дмитрий Федорович состоял председателем директором Петропавловского тюремного отделения, также исполнял обязанности почетного попечителя Петропавловского пятиклассного Городского училища».

Из некролога нам стало известно, что Д.Ф. Мамонтов был пожалован орденами Св.Станислава III и II степ. и Св.Анны III и II степ. По общим отзывам, Дмитрий Федорович Мамонтов был образцовым уездным начальником и добрым человеком, заботливо вникавшим в нужды как кочевого, так и оседлого населения подведомственного ему уезда, понесшего в его лице незаменимую утрату [18; 2].

В связи с политическими событиями, происходившими в Российской империи в начале XX в., начинают поднимать вопрос об увеличении числа штата полицейских служащих на территории Степного края. Эти факты были нами отслежены в официальной переписке высших государственных должностных лиц.

Для начала рассмотрим официальное письмо степного генерал-губернатора, генерал-лейтенанта Н.Н. Сухотина «Об увеличении дополнительного штата для учреждения надзоров Акмолинской и Семипалатинской областей», которое было адресовано в Министерство внутренних дел от 5 мая 1903 г. В своем письме он делит определенную часть населения города Омска на несколько групп. Автор пишет: «Город Омск переполнен: а) лицами политической неблагонадежности, б) отбросами со всей России, стремящимися, вследствие проведения Сибирской железной дороги, к легкой и преступной наживе в городах необеспеченных должною полицейскою охраною, в) ссыльными и их потомством и, наконец, г) полудикими кочевниками, как временно в большом числе посещающими по разным своим надобностям, так и постоянно проживающими в городах в виде джатаков...» [19]. Современным языком говоря, генерал-губернатор делит их на следующие группы: революционеры, уголовные элементы, ссыльные и казахи-жатаки, поселившиеся жить в городе.

Как видим, из приведенного выше письма генерал-губернатора Н.Н. Сухотина положение полицейских штатов было сложным, и необходимо было увеличить число сотрудников жандармского управления городов Акмолинской области Степного края. Для этого необходимы были выделение финансовых средств и подготовка необходимого числа жандармов. Письмо Н.Н. Сухотина послужило сигналом для рутинной переписки царского бюрократического аппарата — от руководителей жандармского корпуса, МВД до Министерства финансов. Данный вопрос также обсуждался на заседании членов Государственного совета.

В своем докладе от 11 августа 1903 г. за № 81 «Об усилении состава Омского Жандармского Управления» министр внутренних дел В.К. Плеве высказал следующее: «Принимая во внимание, что Степное генерал-губернаторство образуют области Акмолинская и Семипалатинская и что состав названного Жандармского Управления ограничивается лишь I начальником Управления, I Адьютантом и 7 унтер-офицерами, из коих 2 находятся в Петропавловске, я не могу не признать, что указанное число чинов весьма недостаточно для надзора в обеих поименованных областях. По сему, разделяя высказанные генерал-губернатором предположения, я полагаю бы соответственным добавить к составу Омского Жандармского Управления 2 Помощников Начальника Управления, 2 вахмистров и 8 унтер-офицеров, увеличив для сего на потребное число чинов общий состав дополнительного штата Губернских Жандармских Управлений» [19; 10].

Предложения статс-секретаря В.К. Плеве были удовлетворены и отвечали вызовам того времени, так как увеличилось число преступлений не только в Степном генерал-губернаторстве, но и по всей территории Российской империи в преддверии первой русской революции и русско-японской войны, приведших к политическому кризису царской власти.

В своем докладе В.К. Плеве делает вывод: «Мера эта требует нового расхода казны по смете Военного Министерства: единовременно 798 руб. 60 коп. и ежегодно по 10193 руб. 5 коп. Со стороны Министров Военного, Финансов и Юстиции, а также Государственного контролера к осуществлению настоящих предположений препятствий не встречается» [19; 15].

Послужные списки полицейских чиновников также представляют интерес. Как известно, послужные списки состоят из нескольких граф, и часто эти сведения скудны, но именно они дают нам краткую информацию о происхождении, социальном статусе, чине, размере оклада, образовании низших чинов и сотрудников административного полицейского аппарата, сохранившуюся на сегодняшний день. Наше внимание привлек один из архивных документов, под названием «Краткий список Службы Словесного Переводчика Канцелярии Павлодарского уездного начальника Дмитрия Адриановича Светашева», составленный 16 октября 1914 г., где он представляется к полицейскому чину Павлодарским уездным начальником. Были найдены следующие сведения о Д.А. Светашеве. Как следует из названия послужного списка, он являлся переводчиком канцелярии Павлодарского уездного начальника и состоял в нештатной должности с 5 июня 1913 г. Чина не имеет. На государственной службе с 16 октября 1912 г., к уголовной ответственности не привлекался. На основании ст. 295 тома III Устава о службе по определению Правительства Именного Высочайшего Указа 5 октября 1906 г. был представлен к чину [20].

Заслуживает внимания послужной список временно исполняющего должность (далее вр.и.д.) письмоводителя канцелярии Павлодарского уездного начальника губернского секретаря Михаила

Сергеевича Чернова, составленный 16 октября 1914 г. М.С. Чернов родился 10 ноября 1888 г., вероисповедание православное, холост. Получает в год содержание: жалования 533 р. 33 к., столовых 266 р. 662 к. Итого 800 р. Говоря о социальном статусе и имуществе М.С. Чернова, то он был из мещан города Зайсан и имел родовое имение [20; л.13]. Закончил Зайсанское трехклассное городское училище. Постановлением вице-губернатора Семипалатинской области от 8 мая 1906 г., за № 10 определен на службу канцелярским служителем в Уездный съезд крестьянских начальников Зайсанского уезда.

В целом, можно проследить весь карьерный рост вр.и.д. письмоводителя М.С. Чернова. 6 апреля 1908 г. высочайшим приказом за № 22 назначен к исправлению должности Манракского волостного писаря. 23 февраля 1909 г. приказом за № 2 за выслугу лет произведен в коллежские регистраторы со старшинством с 8 мая 1908 г. Позднее, приказом от 27 февраля 1912 г. за № 10 за выслугу лет произведен в губернские секретари со старшинством с 8 мая 1911 г.

Уже постановлением вице-губернатора от 2 августа 1913 г. за № 34 перемещен в штат Семипалатинского областного правления. Приказом же Семипалатинского губернатора от 19 сентября 1913 г. за № 200 допущен к временному и.д. письмоводителя канцелярии Павлодарского уездного начальника [20; л. 14].

Отдельно стоит отметить службу представителей казахской национальности в органах полицейского управления. Сведения о них скудны, информация о них имеется в приказах степных и военных губернаторов о награждении, зачислении и увольнении в отпуск казахских служащих.

Одним из первых можно выделить канцелярского служащего Омского городского полицейского управления султана Мадальхана Аблайханова, прослужившего несколько десятков лет в выше названном учреждении [21; 1].

В приказах также мы встречаем имена таких служащих Омского городского полицейского управления, как Болатбек Тлеукин и Джусуп Сатыбалдин [22; 2].

Также известны стражники Атбасарского уездного управления Суяндук Аргынбаев, награжденный в приказе Степного генерал-губернатора халатом 3-го разряда [23].

Многие уездные начальники с трудом справлялись с потоком крестьян, переселявшихся на территорию Казахстана. Им приходилось решать множество бытовых проблем, к примеру, неуплату налогов крестьянами. Так, уездный начальник Кокчетавского уезда А. Соловьев в письме Акмолинскому губернатору В.С. Лосевскому от 24 октября 1907 г. писал следующее: «Помощник мой, коллежский советник Виноградов, производивший взыскание недоимок оброчной подати и земской повинности, годами накопившейся на крестьянах с. Преображенского в количестве 12 тысяч руб., представил из с. Преображенского местного крестьянина Петра Клокова, явившегося к нему первым в сельскую управу и в грубых формах выражения заявившего, что крестьянам их селения недоимку платить нечем, а что касается описанного имущества, то вряд ли удастся его взять, и что он первый не даст описанного скота. Помощник мой, находя такое поведение крестьянина Клокова, в присутствии волостных и сельских властей и части общества с. Преображенского, не только вредным для дела, но и небезопасным, тотчас распорядился представить его ко мне для применения к нему 21 ст. положения о государственной охране. Постановление мое от 10 октября с. г. о заключении Клокова в тюрьму, на основании приведенного закона, санкционировано Вашим превосходительством 14 октября» [24].

В заключение письмо Кокчетавский уездный начальник пишет: «Имея в виду, что всю недоимку с крестьян с. Преображенского взыскать не представилось возможным (взыскано Виноградовым лишь 3 652 руб. 35 коп.) благодаря не убранному с полей еще хлеба, а следовательно, безденежью в народе, и находя возвращение Клокова по истечении месячного срока заключения обратно в общество крайне нежелательным, дабы не затормозить дальнейшее взыскание недоимок, которые крестьяне села Преображенского обещали внести в настоящем же году, я прошу Ваше превосходительство о высылке Клокова за пределы Степного генерал-губернаторства на время действия положения о государственной охране. Этот пример чрезвычайно благотворно повлияет и на упорствующих остальных селений» [24; 1].

Из письма видно, что события происходят в ходе первой русской революции (1905–1907 гг.). Для данного периода характерны крестьянские бунты, волнения и тем более отказ выплачивать налоги. Администрация Степного генерал-губернаторства всеми способами пыталась пресекать и бороться с заядлыми злостными неплательщиками налогов.

Вторым примером по борьбе с революционной агитацией в поселках и в г.Акмолинске служит телеграмма Акмолинского уездного начальника Нехорошкова Акмолинскому губернатору об агитации в деревнях и городе Акмолинске от 5 февраля 1907 г.

В дополнение телеграммы от 5 февраля он доносит, что под влиянием Смокотина при посредстве его родственника, казака Всеволода Кучковского, избранного выборщиком от станицы Акмолинской, в приговоре, составленном о нуждах казачьего сословия, высказаны требования общегосударственной важности. Первое — об отмене смертной казни; второе — об отмене военного положения; третье — об отмене употребления казаков по несению общеполцейских обязанностей. Кучковский уже выехал в Омск на выборы. Затем вообще настроение в уезде между крестьянами вызывает серьезные опасения.

Замечается агитация, появляются прокламации в городе и деревнях. По агентурным сведениям, как сообщает уездный начальник, ожидаются какие-то серьезные события. Нехорошковым приняты все меры. Полицейское наблюдение им было усилено [25].

Необходимость введения института крестьянских начальников в Степном крае объяснялась комплексом факторов. В первую очередь подчеркивалось, что «близко соприкасаясь со всеми сторонами хозяйственно-бытовой и общественной жизни кочевников и имея в своем заведывании сравнительно небольшие районы, крестьянские начальники легко освоятся с населением, узнают его нужды, поймут интересы, ознакомятся с родовыми подразделениями и, отправляя правосудие между туземцами, будут иметь полную возможность применять в затруднительных случаях присягу, как единственно надежное средство для обнаружения истины, когда нельзя положиться на свидетелей и нет других доказательств» [26; 214].

В правительственных кругах развернулось широкое обсуждение механизма введения института крестьянских начальников в Степном крае, в котором приняли участие министерства внутренних дел, юстиции, финансов, генерал-губернатор Степного края, военные губернаторы степных областей [27]. За введение института крестьянских начальников выступало и Министерство юстиции, которое ратовало за наделение будущих крестьянских начальников широкими судебными компетенциями. Мнение данного министерства поддерживал и губернатор Степного генерал-губернаторства М.А. Таубе, который считал, что крестьянский начальник должен иметь широкие судебные права в степи до тех пор, пока государство не найдет средств поставить судебную и следственную части в соответствующее положение, и не только в качественном, но и в количественном отношении.

Позиция барона М.А. Таубе была поддержана и его преемником на посту генерал-губернатора Н.Н. Сухотиным, который занял эту должность в 1901 г. Новый генерал-губернатор был убежден в необходимости введения института крестьянских начальников в степи как единственной меры, отвечающей местным потребностям. 30 сентября 1902 г. Н.Н. Сухотиным был подписан приказ о введении в Акмолинской области Положения о крестьянских начальниках, а с 1 января 1903 г. это положение вводилось и в Семипалатинской области.

В своем приказе генерал-губернатор Н.Н. Сухотин подчеркивал, что введение института крестьянских начальников в степных областях, помимо унификации и оптимизации системы управления регионом, будет иметь важное общественное значение. «По отношению киргизов (казахов), — говорилось в приказе, — прошу Крестьянских начальников обратить особое внимание на искоренение сильно развитой в степи страсти к сутяжничеству и клевете, к партийным раздорам, к коно- и скотокрадству. Уважая обычаи и порядки отцов и дедов, поскольку они устраивают благополучие частной жизни и отвечают общественной жизни кочевого населения, установленной существующими законоположениями, Крестьянские начальники должны энергично противодействовать всяким попыткам к изменению этих порядков и обычаев в духе, противоположном упомянутым законам. Следует также позаботиться о сближении русского и киргизского населения на почве признания ими друг друга добрыми соседями, готовыми взаимно оказывать помощь в случае беды и услуги в случаях надобности» [28; 2].

Не менее важная задача, которая, по мнению генерал-губернатора Степного края, возлагается на крестьянских начальников, это организация и развитие просвещения, образования и школьного дела в Степном крае, как в русских поселениях, так и в казахских аулах. По этому вопросу Н.Н. Сухотин сделал заключение, что крестьянский начальник должен наблюдать о соответствии обучения в школах установленным программам, а также «должен при каждом посещении поселения не миновать школы и там лично убеждаться, насколько воспитываются в детях понимание и сознание обязанностей к семье, к России, к Царю» [28; 2].

Одной из важных проблем в степных областях оставалось конокрадство. В связи с этим управляющий канцелярией Степного генерал-губернатора неоднократно в своем отчете обращал внимание на то, что крестьянские начальники не предпринимают никаких мер по ограничению приобретенного широкого размах конокрадства в Акмолинской области. «Почти во всех попутных селениях были принесены жалобы на коно- и скотокрадство. Урядники бессильны, необходимо, чтобы Крестьянские начальники со своей стороны принимали всевозможные меры и чтобы Мировые судьи отказались от усвоенной практики почти поголовного оправдания привлекаемых к ответственности киргиз (казахов)» [29; 76].

Возрастало конокрадство и в уездах Семипалатинской области. Жители Каркаралинского уезда неоднократно жаловались в канцелярию Степного генерал-губернатора на кражу почтовых лошадей, подчеркивая, что «почтосодержатели не могут добиться никаких результатов ни от Крестьянского начальника Рогалевица, в участке которого живут, ни от Уездного начальника» [29; 94]. Причина усиления краж и бездействия чиновников, по мнению управляющего канцелярией Степного генерал-губернатора, заключалась в том, что с введением института крестьянских начальников уездный начальник не имел права заниматься данными делами, так как был лишен власти над волостными управителями, а крестьянские начальники не считали рассмотрение дел о конокрадстве своей обязанностью. В связи с этим данные дела оставались неразрешенными. С жалобами в канцелярию Степного генерал-губернатора обращались и жители Павлодарского уезда Семипалатинской области, которые отмечали, что «за последнее время конокрадство в Павлодарском уезде сильно развилось. На каждой почтовой станции почтосодержатели жаловались, что житья нет и что крестьянские начальники не оказывают никакого содействия» [29; л. 2]. В результате ревизии управляющий канцелярией Степного генерал-губернатора пришел к выводу, что увеличение в степных областях коно- и скотокрадства связано именно с бездеятельностью крестьянских начальников, которые не считают пресечение этого зла своей обязанностью, в то время как уездные начальники, лишённые всякой власти по отношению к должностным лицам, ничего сделать не могут.

Зачастую неэффективность служебной деятельности крестьянских начальников была связана с огромными территориями, входившими в сферу их подотчетности. Для объезда своих участков крестьянским начальникам требовалось совершать длительные поездки, обеспечение которых дополнительными повинностями ложилось на казахское население. Безусловно, значительные территории не позволяли обеспечить достаточный контроль со стороны крестьянских начальников, а обеспечение поездок вызывало недовольство со стороны казахского населения.

Проведенная канцелярией Степного генерал-губернатора ревизия степных областей обозначила основные проблемы действующей управленческой модели и предложила проекты ее модернизации. Однако институт крестьянских начальников продолжал действовать в этих областях без изменений вплоть до упразднения этой должности в 1917 г.

Исходя из сказанного выше, необходимо сделать вывод, что уездные начальники, крестьянские начальники, полицейские урядники и сотрудники других штатных структур выполняли все предписания и распоряжения, спускаемые сверху. Степное положение 1891 г. предоставило им широкие полномочия и права по управлению регионом. Каждый уездный начальник или любой другой руководитель ведомства старался выполнить задачи, поставленные перед ним высшей администрацией Степного края. Они контролировали деятельность волостных управителей и аульных старшин и могли поставить под сомнение, соответствует ли человек занимаемой должности или нет. У уездного начальника, к примеру, было право снимать аульного старшину с должности. Они также контролировали сбор налогов, внимательно относились к налоговым сборам. В целом, служащие различных учреждений колониальных органов власти внесли свою лепту в развитие градостроительства, учреждений, больниц и школ в поселках и городах Степного края, периодической печати. Наряду с этими культурными сдвигами в крае, они были сторонниками русификации казахского населения, но многие из них были противниками разрушения кочевого уклада казахского народа.

Список литературы

- 1 Азмуханова А.М. Қазақ зиялыларының қоғамдық-саяси көзқарастарының діни аспектілері / «Алаш Орда» и проблемы казахской государственности и культуры: материалы Междунар. науч. конф. — Алматы, 2009. — С. 76–84.
- 2 Азиатская Россия: в 3-х т. — Т. 1. / под ред. Г.Е. Глинки. — СПб.: Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. — 576 с.

- 3 Приказ по Степному генерал-губернаторству // Акмолинские областные ведомости. — 1901. — № 8. — 25 февраля.
- 4 Приказ по Степному генерал-губернаторству // Акмолинские областные ведомости. — 1901. — № 10. — 12 марта.
- 5 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Киргизская степная газета. — 1895. — № 7. — 19 февраля.
- 6 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Киргизская степная газета. — 1897. — № 5. — 2 февраля.
- 7 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Киргизская степная газета. — 1898. — № 29. — 16 августа.
- 8 Приказ по Степному генерал-губернаторству // Акмолинские областные ведомости. — 1898. — № 15. — 15 апреля.
- 9 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Акмолинские областные ведомости. — 1898. — № 48. — 2 декабря.
- 10 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Киргизская степная газета. — 1897. — № 44. — 9 ноября.
- 11 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Акмолинские областные ведомости. — 1901. — № 33. — 15 августа.
- 12 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Акмолинские областные ведомости. — 1901. — № 40. — 10 октября.
- 13 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Киргизская степная газета. — 1895. — № 7. — 19 февраля.
- 14 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Киргизская степная газета. — 1898. — № 27. — 2 августа.
- 15 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Киргизская степная газета. — 1897. — № 5. — 2 февраля.
- 16 Приказ по Степному генерал-губернаторству // Акмолинские областные ведомости. — 1898. — № 15. — 15 апреля.
- 17 Приказы по Степному генерал-губернаторству // Киргизская степная газета. — 1897. — № 1. — 5 января.
- 18 Некролог. Д.Ф. Мамонтов // Киргизская степная газета. — 1897. — № 1. — 5 января.
- 19 ГАРФ, ф. 110, оп. 3, д. 2706, л. 2–15.
- 20 ГАРФ, ф. 15, оп. 3, д. 9, л. 5–13.
- 21 Приказы военного губернатора Акмолинской области // Акмолинские областные ведомости. — № 24. — 1901. — 13 июня.
- 22 Приказы военного губернатора Акмолинской области // Акмолинские областные ведомости. — № 25. — 1901. — 20 июня.
- 23 Piyasov Sh.A. To the problem of administrative apparatus police officers functioning of the steppe general governorship on the basis of official clerical work papers / Sh.A. Piyasov, Z.G. Saktaganova, T. Trevisani // Вестн. Караганд. ун-та. Сер. Философия. История. — 2016. — № 4. — С. 57–62.
- 24 ЦГА РК, ф. 64, д. 528, л. 1–2.
- 25 ЦГА РК, ф. 27, д. 34, л. 3.
- 26 Анисимова И.В. Особенности организации и деятельности института мировых судей в Степном крае в конце XIX — начале XX вв. [Электронный ресурс] / И.В. Анисимова, Ю.А. Лысенко // Известия Алтайского гос. ун-та. — Режим доступа: <http://izvestiya.asu.ru/article/view/%282018%292-01>.
- 27 Крафт И.И. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях / И.И. Крафт. — Оренбург: Типография И.Н. Жарикова, 1898. — 214 с.
- 28 ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 2241, л. 1–2.
- 29 ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 2322, л. 2.

З.Г. Сактаганова, Ш.А. Ильясов, А.Ж. Тулегенова

Отарлық басқару жүйесіндегі уездік және шаруа бастықтары мен штаттық құрылымдардың басқа да қызметкерлерінің құқықтары, міндеттері және қызметі

Мақалада Дала өлкесіндегі отаршыл жергілікті басқарудың штаттық құрылымдары қызметкерлерінің әкімшілік өкілеттігі және қызметі мәселелері қарастырылды. Төмен және орта буын шенеуніктерінің әлеуметтік құрамы, материалдық қамтамасыз етілуі туралы мәліметтер келтірілді. Уездік және шаруа бастықтарының қызметі көп жағдайда қазақ болысының басқарушылары, ауылдық старшиналар және халық төрешілері — билер арқылы жергілікті басқаруға ықпал етті. Уездік және шаруа бастықтарында 1891 ж. Дала ережесі бойынша берілген әкімшілік қызметінде кең өкілеттілік болды. Жоғарыда аталған лауазымдарда әртүрлі мамандық бойынша азаматтық қызметші немесе фельдшерден бастап әскери офицерге дейін, әдетте, Орталықтан жіберілген адамдар жұмыс істей алды. Патша үкіметінің кең ауқымды қоныс аудару саясаты барысында 1902 ж. шаруа басшылары институты енгізілгенін атап өту қажет. Олардың міндеті жаңадан келген орыс және украин шаруаларына жер телімдерін бөліп беру болды. Сондай-ақ отарлық әкімшілікте Дала генерал-губернаторлығының әртүрлі штаттық құрылымдарында полицейлер мен әскери шендер жұмыс істеді.

Кілт сөздер: уезд бастығы, шаруа бастығы, полиция приставы, уезд бастығының көмекшісі.

Z.G. Saktaganova, Sh.A. Ilyasov, A.Zh. Tulegenova

Rights, duties and activities of County and peasant chiefs and other employees of staff structures in the colonial management system

In the article the issues of administrative powers and official activities of the staff of the colonial local government in the Steppe region are considered. Data on social structure, material support of officials of the lowest and average link are given. The activities of the county and the peasant chiefs largely influenced local indigenous control in the face of the Kazakh volost managers, rural foremen, and national judges — biys. The county and peasant chiefs had broad powers in terms of administrative activities granted by the Steppe regulations of 1891. In the above positions people of different professions could work-from a civil servant or paramedic to a military officer, as a rule, sent from the Center. It should be noted that the Institute of peasant chiefs was introduced in 1902 during the large-scale resettlement policy of the tsarist government. Their concern was the allocation of land to newly arriving Russian and Ukrainian peasants. Also in the colonial administration police and military officials worked in different staff structures of the Steppe of Governor-General.

Keywords: the district head, the chief peasant, a police officer, assistant county chief.

References

- 1 Azmuhanova, A.M. (2009). Kazak ziiialyrynyn kokamdyk-saiasi kozkarastarynyn dini aspektileri [Religious aspects of social and political views of the Kazakh intelligentsia]. Proceedings from «Alash-Orda» and problems of Kazakh statehood and culture: *mezhdunarodnoi nauchoi konferentsii – international scientific conference*. (pp. 76–84). Almaty [in Kazakh].
- 2 Glinki, G.E. (Eds.). (1914). *Aziatskaia Rossiia [Asian Russia]*. (Vol. 1-3: Vol. 1). Saint Petersburg: Izdanie Pereselcheshkoho upravleniia Hlavnogo upravleniia zemleustroistva i zemledeliia [in Russian].
- 3 Prikaz po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. Akmolinskie oblastnye vedomosti – Akmola regional statements, (1901, fevral 25), No. 8.
- 4 Prikaz po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. Akmolinskie oblastnye vedomosti – Akmola regional statements, (1901, mart 12), No. 10.
- 5 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper, (1895, fevral, 19), No. 7.
- 6 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper, (1897, fevral 2), No. 5.
- 7 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper, (1898, avhust 16), No. 29.
- 8 Prikaz po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. Akmolinskie oblastnye vedomosti – Akmola regional statements, (1898, aprel 15), No. 15.
- 9 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. Akmolinskie oblastnye vedomosti – Akmola regional statements, (1898, dekabr 2), No. 48.
- 10 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper, (1897, noiabr 9), No. 44.
- 11 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. Akmolinskie oblastnye vedomosti – Akmola regional statements, (1901, avhust 15), No. 33.
- 12 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. Akmolinskie oblastnye vedomosti – Akmola regional statements, (1901, oktiabr 10), No. 40.
- 13 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper, (1895, fevral 19), No. 7.
- 14 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper, (1898, avhust 2), No. 27.
- 15 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper, (1897, fevral 2), No. 5.
- 16 Prikaz po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. Akmolinskie oblastnye vedomosti – Akmola regional statements, (1898, aprel 15), No. 15.
- 17 Prikazy po Stepnomu heneral-hubernatorstvu [Orders of the Steppe general-governorship]. Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper, (1897, yanvar 5), No. 1.
- 18 Nekrolog D.F. (1897). Mamontov. Kirhizskaia stepnaia hazeta – Kyrgyz steppe newspaper, (1897, yanvar 5), No. 1.
- 19 GARF, f. 110, op. 3, d. 2706, l.2–15.
- 20 GARF, f. 15, op. 3, d. 9, l.5–13.
- 21 Prikazy voennogo gubernatora Akmolinskoï oblasti [Orders of the military governor of Akmola region]. Akmolinskie oblastnye vedomosti – Akmola regional statements, (1901, iun 13), No. 24.
- 22 Prikazy voennogo gubernatora Akmolinskoï oblasti [Orders of the military governor of Akmola region]. Akmolinskie oblastnye vedomosti – Akmola regional statements, (1901, iun 20), No. 25.

23 Iliysov, Sh.A., Saktaganova, Z.G., & Trevisani, T. (2016). To the problem of administrative apparatus police officers functioning of the steppe general governorship on the basis of official clerical work papers. *Vestnik Karahandinskoho universiteta. Seriya Filosofii. Istorii*, 4, 57–62.

24 CGA RK — CSA RK, f. 64, d. 528, l.1–2.

25 CGA RK, f. 27, d. 34, l.3.

26 Anisimova, I.V., & Lysenko, Yu.A. Osobnosti orhanizatsii i deiatel'nosti instituta mirovykh sudei v Stepnom krae v kontse XIX — nachale XX vv. [Features of the organization and activities of the Institute of magistrates in the Steppe region in the late XIX — early XX centuries]. *Izvestiia Altaiskoho gosudarstvennogo universiteta*. Retrieved from: <http://izvestiya.asu.ru/article/view/%282018%292-01>

27 Kraft, I.I. (1898). *Sudebnaia chast v Turkestanskom krae i stepnykh oblastiakh* [Trial of Turkestan and the steppe regions]. Orenburg: Tipografiia I.N. Zharikova [in Russian].

28 CGA RK — CSA RK, f. 64, op. 1, d. 2241, l.1–2.

29 CGA RK — CSA RK, f. 64, op. 1, d. 2322, l.2.

Б.И. Карипбаев

*Карагандинский государственный университет им.Е.А. Букетова, Казахстан
(E.mail: karipbaev@mail.ru)*

Социально-философские модели толерантности

В статье осуществлена попытка осмыслить в социально-философском ключе природу феномена толерантности как принципа коммуникации. Автором проанализированы наиболее плодотворные и интересные, с его точки зрения, научно-исследовательские программы. Объектами исследовательского интереса автора стали концепции, теории как зарубежных, так и отечественных ученых. Важность такого исследовательского ракурса определена современным состоянием общественных отношений, которое характеризуется общим мировоззренческим кризисом, кризисом идентичности. В этих условиях возникает необходимость научно-теоретического анализа основных наработок в данном проблемном пространстве для формирования целостной социально-культурной политики в области общественных отношений. В своем исследовании автор обращает особое внимание на формирование культуры толерантности в межэтнических и межконфессиональных структурах отношений. Такой исследовательский приоритет определяется наблюдаемым в последнее время религиозным ренессансом, участвовавшими случаями межэтнических конфликтов. Проблема толерантности в статье рассмотрена в эпистемологических вариациях с проблемами справедливости, зла и добра, законности. Феномен толерантности проанализирован в политическом, экономическом и социокультурном контексте.

Ключевые слова: толерантность, веротерпимость, справедливость, зло, добро, право, культура, политика, религия, этнос.

В социогуманитарных исследованиях зарубежных и отечественных ученых достаточно активно исследовались и исследуются вопросы межэтнического, межконфессионального сосуществования, проблемы толерантности. Теоретико-методологической основой исследований в этой области служат труды мыслителей прошлого. Святой Августин — в период Поздней Античности; Барух Спиноза — в Новое время; Монтескье, Вольтер, Руссо, Дидро — в эпоху Просвещения; из числа русских философов — Владимир Соловьёв, Павел Флоренский и Николай Бердяев. Мировоззренчески более широко и системно категорию толерантности с интервалами в столетие разрабатывали либеральные теоретики Джон Локк, Иммануил Кант и Джон Стюарт Милль. В пространстве казахской философии к вопросам терпимости, толерантности в своем творчестве обращались Шакарим Кудайбердиев, Абай Кунанбаев. Работы этих ученых обращают наше внимание на тот неоспоримый факт, что природа человека не может быть расчленена на какие-то составляющие компоненты, она монолитна, и, исследуя ее, мы должны воспринимать ее как монолитную универсальность. Все характеристики человека неразрывны и определяют друг друга. Любой другой подход искажает природу человека, его внутреннее единство.

В культурологических, философских, социологических исследованиях зарубежные коллеги, следуя различным историческим конфигурациям, анализируют социальную природу человека через осмысление его этнических, религиозных предпочтений и симпатий, выстраивают собственную модель межэтнического и межконфессионального согласия. Так, представитель деонтологического либерализма Джон Ролз [1] исследует природу толерантности с позиций идеально-типической методологии. Шанталь Муфф [2], Жижек Славой [3] и Эрнесто Лаклау [4] используют в анализе теории веротерпимости эпистемологический потенциал конфликтного исследовательского подхода. Аксиологическую

методологию в исследовании данной проблемной интриги используют Г. Маркузе [5] и П. Николсон [6].

Немалый интерес эта проблема вызывает и у наших отечественных коллег. Ученые Казахстана рассматривают, как правило, эту проблемную интригу в социокультурных и когнитивных контекстах современного Казахстана. К последним работам, относящимся к этому проблемному пространству, можно отнести монографию «Ценностно-смысловые и духовно-нравственные основания консолидации этнических и религиозных групп Республики Казахстан в гражданскую общность» (2014 г., авторы Шаукенова З.К., Бурова Е.Е., Назарбетова А.К.), материалы международной научно-практической конференции «Казахстанская модель межэтнической толерантности и общественного согласия Н.А. Назарбаева: двадцать лет успеха и созидания» (2015 г.). В данных работах представлен богатый историко-теоретический материал, отражающий поступательную логику формирования пространства мировоззренческой гармонии.

Остановимся более подробно на основных эпистемологических акцентах, предлагаемых в исследованиях зарубежных ученых. Проблема этнического и межконфессионального взаимодействия должна рассматриваться в более широком социальном контексте. Одним из первых, кто осуществил эту попытку, был Дж. Ролз со своей концепцией справедливости. Действительно, без анализа феномена справедливости трудно оценить социокультурные основания формирования толерантного общества. В основе концепции Дж. Ролза лежат либералистские интенции, связанные с осуществлением великих идей равенства, братства, свободы. В этом смысле он продолжает социально-философские подходы учений Локка, Канта, Руссо. В социально-философский концепт он вводит аксиологическую доминанту «справедливость». Причем справедливость он исследует через феномен честности, который, в свою очередь, он анализирует как добровольное понимание и желание взаимовыгодной кооперации граждан. Главным эпистемологическим мотивом создания концепции справедливости у Ролза является желание сформулировать идею универсально организованного общества. В связи с этим в своей основной работе Дж. Ролз формулирует основные идеи и принципиальные основания своей концепции справедливости.

Первый принцип Ролз связывает с возможностью и необходимостью каждой личности обладать абсолютно равным правом (возможностью) по отношению к наиболее универсальной, общей системе прав и свобод. То есть соотношение индивидуальной системы прав и свобод по отношению к общей представляет собой диалектическое соотношение частного и общего, и между ними нет противоречия, а значит, это возможность организовать общественно благополучную систему отношений. При всем своем стремлении к получению модели общественного благополучия Ролз понимал, что разные формы неравенства в обществе будут все равно присутствовать.

Это понимание приводит Ролза к формулировке второго принципа общественного устройства. Социальные, экономические формы неравенства могут и должны существовать в обществе в таком режиме, когда эти неравенства предусматривают некоторые преимущества для индивидов, меньше преуспевших. Таким образом, будет хоть в какой-то степени достигнута форма общественного уравновешивания, равенства, баланс интересов. Второй принцип также предполагает равную для всех граждан возможность доступа к различным социально признаваемым статусам. Ролз обозначает возможность некоторого общественного компромисса, при котором будет некоторое сокращение поля свободы. Но причина такого сокращения может быть оправдана самой свободой. То есть мы сокращаем зону частной свободы с целью расширения границ общей свободы. Ролз высказывает возможность сокращения пространства свободы в двух случаях. Первый случай — когда менее широкие свободы должны стать основанием расширения поля общих свобод, т.е. тех свобод, которые воспринимаются и утверждаются всеми. Второй случай — когда формат свободы более ограниченный, чем равный формат общей свободы; он может быть отнесен и разрешен для людей, обладающих этой меньшей свободой. В этом смысле приоритет справедливости доминирует над понятиями эффективности и благосостояния. Это важнейшее ролзовское правило приоритета.

Продолжая идею приоритета, Ролз говорит о возможных неравенствах с точки зрения их преодоления: неравные возможности должны объективно увеличивать возможности тех людей, у которых их значительно меньше. В итоге это может привести к уменьшению бремени неравенства. Безусловно, что концепция Ролза имеет свои недостатки, связанные с попытками универсализации справедливости, хотя очевидно, что справедливость не может быть тотальной, она всегда будет иметь дифференцированный характер. Вместе с тем, для исследования матриц этноконфессионального характера общества многие положения Ролза могут быть использованы в качестве эпистемологической

основы в формировании толерантного, справедливого общества и государства. Внедренный принцип справедливости может стать основой бесконфликтного существования. Нас в этом смысле интересуют возможные конфликты на конфессиональной и этнической почве.

Достаточно оригинальный взгляд на природу конфликта предлагается в концепции Шанталь Муфф. Этот автор исследует природу конфликта в рамках анализа демократической системы устройства государства. Шанталь Муфф говорит о некоторой неизбежности конфликтов в обществе. Однако видит в демократии возможность изменить содержание конфликта через формирование таких институтов, которые, в свою очередь, переводят конфликт в платформу конфликта оппонентов, но не врагов, тем самым придавая конфликтам агонистическую форму. Если же придание такой формы конфликту не удастся, то существует вероятность, что он примет антагонистическую форму. В связи с этим Шанталь Муфф приходит к выводу о необходимости создания агонистического пространства, агонистических форм существования политики, государства, общества. Только в таком случае мы можем претендовать на гармонические форматы существования.

В своей книге «О политическом» Шанталь Муфф оценивает современную ситуацию в политике и в обществе в целом как пост-политическую. Такая оценка связана с бытующим и активно тиражируемым взглядом на то обстоятельство, что сегодня уже нет четкой дифференциации — правые и левые. Партийность ушла в небытие... Однако, несмотря на существующие тенденции центрированности политики, Шанталь Муфф говорит о тенденции правого популизма, т.е. правые силы в этой центрированности находят свое активное проявление. Правые силы используют удивительно привлекательные способы популяризации своих альтернатив, аффективные компоненты, которые выглядят привлекательно. Пользуясь популистской риторикой, они обращаются к народу с заверениями о возвращении на политическую, государственную арену народного гласа, который и станет той самой альтернативой центру. В связи с этим, оценивая позицию левых, Шанталь Муфф почти на уровне призыва говорит, что надо отойти от позиции простого морального осуждения и обсуждения и искать адекватные способы воспроизведения своих аксиологических установок.

В Послании Президента 2018 г. впервые в разделе, посвященном образованию, Н.А. Назарбаев говорил об идеологии. И хотя мы понимаем, что образование должно быть вне идеологии, надо признать, что государство без сильной идеологической концепции не может рассчитывать на серьезные успехи в различных сферах, особенно таких деликатных, как сфера межэтнических и межконфессиональных коммуникаций.

В связи с этим нас привлекла концепция идеологии, которую мы встретили в творчестве Жижека Славоя. Мы уже писали о творчестве Ж. Славоя в наших предыдущих публикациях [7].

Согласно точке зрения Жижека Славоя основная задача идеологии заключается в очень нюансированном или искаженном изображении реальности или же в сокрытии этой реальности для концентрации сознания на заявленных идеологических постулатах и оправдываемых ими конечных целях. В данной ситуации индивид лишается возможности столкнуться с реальностью лицом к лицу. Жижек Славой достаточно агрессивно критикует марксистскую, или, как он ее называет, традиционную, трактовку идеологии. Эту трактовку он видит как попытку рассмотрения идеологии в качестве системы ложных норм, оценок и моральных субъективностей. Не приемлет он и постмодернистскую препарацию модернистской объективной истины. Общеизвестно, что постмодернизм достаточно скептически относится к истине, провозглашая свободу интерпретаций как главный эпистемологический инструментарий. Не удовлетворяясь наличными теориями идеологии, Жижек Славой формулирует свои представления относительно природы идеологии и предлагает три ракурса этого феномена. Первый ракурс связан с оценкой идеологии как системы взглядов, убеждений, теорий, аргументационных обеспечений. Второй ракурс представлен как фиксация государственных идеологических аппаратов — материальное существование идеологии. И третий ракурс он обозначает как спонтанную идеологию, трудно фиксируемую, очень динамичную. Однако это самая живая часть идеологии, которую можно оценить, согласно позиции Славоя, как некий защитный оборонительный экран, позволяющий субъекту принимать реальность в более деликатной, не такой откровенной постановке. Ж. Славой больше всего интересуется третьим ракурсом идеологического сопровождения. Возникающий в этих смыслах так называемый защитный экран помогает человеку если не примириться с реальностью, то хотя бы принять ее в каких-то неагрессивных значениях.

Как мы уже отмечали, идеология традиционно воспринимается как некое укрытие от реальности, создание такой ирреальности, которая помогает человеку разместиться более комфортно. Однако подход Жижека Славоя парадоксально оригинален. Он говорит, что реальность еще не есть сущ-

ность. Он считает, что идеология есть не укрытие от реальности, а наоборот, примирение с этой реальностью, которая сама по себе уже есть укрытие от онтологической сущности, т.е. реальность есть уже укрытие. Такой защитный щит Жижека Славоя можно сравнить с некоторыми видами неврозов, психозов или психологическими патологиями З.Фрейда. Это достаточно темный мир символов и значений. Идеология в этом смысле существует на глубинном уровне связи человека с его нереализованными желаниями, мотивами. И в этом смысле идеология обладает властными полномочиями, она определяет во многом движения человека. Как правило, идеологические аксиомы обладают статусом истинности, и они работают как некий иллюзорный мир, в котором нереализованные желания могут быть осуществлены или же будет найдено существенное оправдание их несостоятельности. В этой связи различного рода ложные смыслы могут освобождать сознание от стереотипов, идеологических штампов и указаний. Наличие в любом социальном порядке некоторой нереализованности желаний, мотивов, ценностей и приоритетов по существу, согласно мнению Ж. Славоя, свидетельствует об антагонистическом характере этой социальной системы. А это в свою очередь мешает формированию собственной идентичности или же создает ложную идентичность, которая имитирует реализованность желаний субъекта. Возникает код идентичности, связанный с ощущением ущербности субъекта в пространстве его нереализованности. Как можно выйти из этой почти трагической ситуации?

Ответ такого «лечения» Жижек Славой видит в психоанализе. Психоаналитические оздоровления он рассматривает в русле не прямых, неклассических модуляций, связанных с непрямыми, почти поверхностными способами аргументации, что в свою очередь имеет конкретные терапевтические задачи. Представители франкфуртской школы Герберт Маркузе и Эрих Фромм, в отличие от Жижека Славоя, предполагали наличие в человеке здоровой психической структуры. Жижек Славой, наоборот, утверждает, что невозможно полностью излечить травмированного субъекта или же освободить его. Интересными представляются наблюдения исследователя по поводу природы капитализма. Он уверенно предполагает, что капитализм достаточно много критикуется в различных онтологических и аксиологических плоскостях. Но здесь и кроется, по мнению Жижека Славоя, ловушка этого самого капитализма. Данная критика, наоборот, легитимирует сам капитализм, т.е. критика является по существу утверждением самого капитализма, а несколько не расшатыванием его устоев. Для своей стабильности и непогрешимости капитализм использует предлагаемое порой оппозиционное разнообразие и берет из этого разнообразия все самое необходимое и полезное для своего укрепления. Капитализм ловко подстраивается под различные социокультурные форматы, он принимает и буддизм, и христианство, и, если хотите, ислам. Но главное — он создает ощущение у человека участия в решении основных государственных задач и проблем. Данное ощущение, как правило, произрастает из нелиберальной традиции.

Порождением вот такого присутствующего разнообразия и является мультикультурализм, который выступает как главное основание идеологии самого капитализма. Сегодняшний мультикультурализм находится в эпицентре серьезных научных и политических дискуссий. Ж. Славой считает, что мультикультурализм является порождением тех самых проблем и социальных интриг, которые он в принципе и должен сам решать. Парадоксальная точка зрения. Такой взгляд на природу мультикультурализма достаточно оригинален и, на наш взгляд, оправдан. Общеизвестно, что мультикультурализм признает множественность культур через множественность этносов. На первый взгляд, очень симпатичная концепция. Однако именно в этой множественности мультикультурализм подспудно призывает человека идентифицировать себя с конкретным культурным и этническим феноменом. Вписываясь в конкретное культурное сообщество, мультикультурализм признает, что они разные, а главное, не равнозначные. И то, ради чего и постулируется идея мультикультурализма, вдруг становится основанием антимultiкультурального мышления. Жижек Славой считает, что многие радикальные проявления (ксенофобия, антисемитизм, фашизм, национализм, шовинизм и т.д.) и есть порождение этой мультикультуралистской парадигмы, их нельзя объяснить какими-то рациональными аргументами, они суть проявления каких-то гедонистических настроений. Эти социальные проявления из области субъективных проявлений. То есть эти идеологические конструкты определяются субъективными основаниями.

Для большей убедительности своей позиции Жижек Славой анализирует явление антисемитизма, которое существует всю современную эпоху с разной степенью активности. Антисемитизм Жижек Славой рассматривает с точки зрения его идеологической оправданности. В основании антисемитизма лежит поиск особых черт и поведенческих структур еврейской заданности. И этот поиск лежит в основе еврейского маркера. То есть радикализм в этом случае заключается в том, что тот гедо-

низм-наслаждение, о котором говорит Жижек Славой, становится прерогативой евреев, а самое главное — мы лишаемся этого наслаждения. То есть вечный поиск оборачивается найденной еврейской претензией на исключительность. Таким образом, политика толерантности, терпимости и идеология мультикультурализма здесь терпят провал. И несмотря на некоторую излишнюю категоричность в оценках потенциала идеологии, Ж. Славой понимает, что идеология легализует государственную позицию в сфере сложных социальных связей, определяет социальные маркеры этих связей и уравнивает социальные статусы в разных сферах. Поэтому чрезвычайно важно рассматривать идеологическую укорененность ряда межэтнических и межконфессиональных концептов, что, в свою очередь, приведет, на наш взгляд, к формированию стройной государственной политики в этой нюансированной сфере. В свое время, систематизируя модели государственного и общественного устройства, мы выделяли как одну из негативных форм — тоталитарное общество и соответствующий ему государственный аппарат. Тем не менее, в любом обществе, даже самом демократичном, присутствуют элементы необходимой тотальности, способствующие формированию баланса в социальной системе.

В связи с этим, оценивая суть этнических и конфессиональных маркеров общества, мы не можем не использовать в своем исследовании универсальные дихотомии (базис — надстройка, тотальное — индивидуальное) социального качества. В этом смысле очень любопытным и полезным для нашего проекта представляется концептуальный подход к обществу, предлагаемый Эрнесто Лаклау. Исследователь производит достаточно серьезную калькуляцию теории социальной тотальности и сопутствующей ей идеологической компоненты. Основой его критики является констатация того факта, что практически все исследовательские подходы сводятся к тому, чтобы зафиксировать смысл всякой социальной компоненты (элемент или социальный процесс) вне его значения, т.е. речь идет о поиске смысла в его соотношениях и взаимодействиях с другими элементами социальной системы. Для иллюстрации своей позиции Эрнесто Лаклау анализирует дихотомию «базис и надстройка». Данная дихотомия утверждала почти априорную тождественность надстройки и базиса, но параллельно предполагала эту достаточно относительную систему через статус центра. И как следствие такой переориентации, надстройка начинает признавать сущностную природу всех явлений социального порядка. Поэтому тотальность, определяемая через свойства структуры, должна обозначать собой некий объект, который несет в себе потенциал некой позитивности. И эту позитивность необходимо охватить (облечь) в понятия, категории, т.е. ее важно описать и определить. Подобного рода тотальность становится эпистемологической предысторией познания социальных законов и всего социального порядка в целом. Тотальность стала, если хотите, брендом сущностных атрибутов этого социального порядка. Она помогает за поверхностными эмпирическими изменениями, маятниковыми движениями увидеть онтологический каркас социальности. В этих лаклауовских ракурсах тотальность есть окно узнавания, и неважно, какова эта тотальность — синхроничная или диахроничная.

Интересными представляются рассуждения Лаклау относительно границ социального, которые определяются символами и значениями, претендующими на некий универсализм. Анализируя природу социального, критически исследуя предлагаемые в этой научной сфере концепты, Лаклау отмечает, что традиционный взгляд на этот феномен определяется, как правило, обозначением безграничности, бесконечности социальной природы, что ее значения всегда избыточны и, соответственно, полностью осознать природу социального невозможно. Лаклау подвергает сомнению такую позицию, считая, что она, как правило, оценивает социальное несоциальными категориями. Он считает, что имеются два метода, две процедуры узнавания онтологии социального. Воспользовавшись учением структуралистов, Лаклау говорит о том, что всякая социальная идентичность имеет относительный характер, т.е. идентификации имеют много разных вариантов. Для полного узнавания природы социального необходимо трансформировать все отношения в определенную систему, т.е. сделать доступной для эпистемологической фиксации. Однако если мы признаем относительность всяких проявлений идентичности и не можем в этом разнообразии и многообразии зафиксировать в социальной системе эту идентичность, то получается, что социальное превращается в арену манипуляций, столкновений, в конце концов в игру этих различных идентичностей. И такое положение дел можно обозначить понятием «дискурс», не применяя здесь традиционное представление о дискурсе как речевом или письменном факторе. То есть Лаклау приходит к очевидному выводу о том, что зафиксировать стабильный статус идентичности практически невозможно. Содержание второго шага заключается в том, чтобы все-таки попытаться осуществить эту, на первый взгляд, недоступную фиксацию идентичности. В этом смысле социальное рассматривается Лаклау не только как пространство сосуществования разного рода различий, несхожестей, но и как условие демаркации этих различий, попытка

обуздать эту мозаичность различий и превратить ее в какой-то порядок. На основании этих выводов Лаклау приходит коригинальной оценке социальной тотальности в том смысле, что она (социальная тотальность) не обозначает четкие границы (красные флажки) этой социальности, тем самым трансформируя социальное в четко фиксированный объект, который называется «общество». Социальное, таким образом, не является лишь попыткой институционализировать общество, социальное шире, чем придание обществу какой-то конструктивной однородности. И все-же, фиксация, пусть относительная возможна, считает Лаклау, за счет определения каких-то отправных, основополагающих конструкций. Очевидно, что каждый общественный строй обладает своими, присущими только ему формами относительной независимости, автономии и процедурами детерминации.

Мы уже отмечали, что идеология, как правило, часто рассматривается как ложное сознание. Лаклау не отказывает такой идеологии в возможности понятийной независимости. Такое положение дел предполагает, что идентичность со всей необходимостью должна быть позитивной и непротиворечивой. Очень важным положением для нашего исследования являются тезисы Лаклау относительно природы идентичности социальных агентов. Усугубляющиеся различия в развитом капиталистическом обществе приводили к выводу о том, что идентичность и гомогенность социальных агентов были всего лишь иллюзией. Отсюда напрашивается вывод о том, что социальный субъект оказывается децентрированным, т.е. его идентичность — это всего лишь изменчивая артикуляция непрерывно сменяющихся позиций. Современное общество убедительно показывает правильность этих утверждений. Особенно они активно иллюстрируются в поле этнических и конфессиональных коммуникаций.

Одним из самых интересных вариантов анализа современного общества является концепция одномерного человека Г. Маркузе. В центре внимания Г. Маркузе — современное состояние западной цивилизации, развитого индустриального общества. В этих же познавательных границах осуществлял свое исследование Э. Фромм. Но принципиальным отличием его концепции от научной позиции Г. Маркузе является социально-психологический ракурс и уверенность в возможности активных изменений. Г. Маркузе предлагает философское осмысление концептов современного общества. При чем его исследование написано в пессимистических красках. Одномерность мышления и поведения, по мнению Маркузе, является главным атрибутом человека в индустриальном обществе. И эта одномерность проявляется практически на всех уровнях: и на уровне всего общества, и на уровне конкретного человека, и в разных отраслях человеческой и общественной жизни. Эта одномерность сокращает в значительной мере пространство личной свободы индивида.

Главную свою исследовательскую задачу Маркузе видит в раскрытии метафизической предистории этой одномерности. В своем анализе, чрезвычайно пессимистическом, Маркузе не видит надежды на какие-то позитивные изменения в пространстве цивилизации. Он не видит в этом смысле позитивного потенциала ни в капитализме, ни в социализме, тем самым он формулирует «Великий отказ». Индивид в современном обществе живет в полном ощущении того, что он выбирает свою жизненную стратегию самостоятельно, что он волен в присвоении своих влечений, ценностей, потребностей. Но это только на первый взгляд. Г. Маркузе утверждает, что все это навязано этим современным обществом, а человек — лишь заложник этих стандартов, которые так «ненавязчиво» предлагают господствующие общественные институты в соответствии со своими интересами и потребностями.

Г. Маркузе предлагает свое видение системы потребностей, он делит их на истинные и ложные. К ложным потребностям Маркузе относит те, которые навязываются ему обществом, и в этом навязывании есть момент подавления, осуществляемого внешними силами (институтами, группами), чьими интересами и оправданы эти потребности. Но индивид не имеет возможности контролировать эти внешние силы. Маркузе дает достаточно глубокий анализ ложных потребностей. Эти потребности широко презентуются в различного рода рекламных акциях, которые сообщают тебе, что модно, красиво, важно, как надо вести себя, чтобы не отличаться от других, как надо любить и как ненавидеть, что уважать, а что презирать. В общем надо адаптироваться к среде, где торжествуют эти потребности. И через навязывание этих потребностей человек становится марионеткой в руках господствующих сил: будь то общество, государство, транскорпорация и т. д. «Ложными» он называет такие потребности, которые навязываются индивиду особыми социальными интересами в процессе его подавления; они определяются внешними силами, контроль над которыми недоступен индивиду.

Индивид становится частью культуры потребления. Массовая культура, массовые формы потребления, массовые формы производства и распределения создают для человека пространство, в котором он имитационно чувствует себя хозяином. Подобно белке в колесе, он чувствует свою абсо-

лютную свободу в этом колесе потребления, и он уже перестает понимать, что за пределами этого жизненного колеса есть еще и другая жизнь, другое пространство. Контроль, осуществляемый за индивидом в таком обществе, прячется в этих потребностях, идентификационные поиски оборачиваются для него приобщением к тому или иному уже заказанному виду потребления. Человек существует лишь в рамках обозначенной внешней свободы, о внутренней свободе речи вообще нет. Люди идентифицируют себя с вещами, символами, потребительскими значениями, навязанными форматами успеха, наличной собственности. Ведь очевидно, что в таком обществе успех человека, как правило, определяется через систему потребительских символов: дача, машина, дом, мебель, офис и т. д. У индивида не остается жизненной площадки, где он мог бы развивать свою независимость и автономность. В этих условиях и появляется одномерное мышление и, как следствие, одномерное поведение. По мнению Маркузе, в такой жизненной ситуации человеку видится наличие условного равенства, исчезновение классовых противоречий, противостояние социальных групп, интересов и целей. Хотя на самом деле классы остаются, а противоречия определяют их тип отношений. Но все это остается за кадром. Социальная реальность удачно декорирована различными углубляющимися основаниями удовлетворения потребностей. Человек умиляется им и повышает свое качество жизни, а не качество своей свободы. Индивид становится лояльным, не требовательным. Его претензии смягчаются и теряют со временем свою актуальность.

Свою роль в исчезновении форматов внутренней свободы играет, по мнению Маркузе, и технический прогресс. Повышая эффективность повседневности, технический прогресс повышает жизненный стандарт и, освобождая от почти революционных мыслей о тяжком труде и тягостных буднях, отказывает индивиду в возможности протеста. Под этим давлением у индивида создается прекрасная картинка его благополучия, задекорировавшего острые социальные противоречия и не менее острые формы их разрешения. Таким образом, технический прогресс служит установлению новых, более действенных и более приятных форм не только социального контроля, но и социального сплачивания. Мир потребностей и воспроизводимых ценностей влияет на идентификационные коды современного человека. И в этом смысле индустриальное общество Маркузе и есть та сложная диверсифицированная система отношений, в которой человек становится заложником этих потребностей и законов. По существу Маркузе говорит о необходимости расширения границ свободы, в рамках которой человек волен выбирать ту или иную форму идентичности. Это очень явственно наблюдается в этнических и конфессиональных приоритетах современного человека. Социальная предопределенность человека должна сочетаться с его свободой выбора, в таком случае человек не станет заложником навязанных, активно тиражируемых псевдоценностей и жизненных стратегий.

Когда речь идет об этноконфессиональных маркерах, мы, как правило, говорим о необходимости приобретения навыков толерантности как возможности и способности принимать иное. Толерантность как феномен давно уже стала «героиней» многих научных исследований. Среди них наиболее интересной представляется научная позиция Николсона. Николсон обозначает содержательную ценность феномена толерантности через пять важнейших его атрибутов. В качестве первого Николсон постулирует необходимость наличия некоего отклонения, ведь толерантность нужна там, где есть различие, расхождение в позициях, идеалах, мировоззрении. Вторая характеристика толерантности определяется степенью важности этого отклонения, различия. Ведь есть различия и отклонения, которые связаны с поверхностными социальными характеристиками и соответствиями. Третий атрибут толерантности предполагает принципиальное несогласие с этим видом отклонения. Причем это несогласие должно носить моральный характер. Это несогласие, неприятие, несущее в себе нравственный аспект, позволяет иметь какую-то социальную поддержку со стороны общества в качестве общественного мнения. Моральность такого неприятия обеспечивает наличие сторонников, потому что моральные основания несут в себе не частно-индивидуальную позицию, а некоторую общественную подоплеку. В четвертой характеристике толерантности Николсон обозначает способность нейтрализовать это отклонение. Способность обозначается автором идеи как некая сила, даже физическая, которая может противостоять. В данном случае Николсон говорит о возможности всякого подавления, физического, душевного, психологического, с целью корректировки сложившейся ситуации. Но если у вас нет возможности подавить это отклонение, ликвидировать его, то толерантность здесь просто невозможна. И пятая характеристика толерантности определяется позицией невмешательства. Даже если вы имеете силу пресечения и морально не согласны вы просто занимаете позицию невмешательства, не пытаетесь пресечь наличное отклонение. Предлагаемая Николсоном модель толерантности, на наш взгляд, верно определяет онтологические и аксиологические характеристики этого феномена.

Список литературы

- 1 Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. — 342 с.
- 2 Муфф Ш. К агонистической модели демократии / Ш. Муфф//Логос, — 2004. — № 2(42). — С. 253
- 3 Славой Ж. Возвышенный объект идеологии/ Ж. Славой, пер. с англ. В. Сафронова. — М.: Худож. журнал, 1999. — 187 с.
- 4 Лаклау Э. Hegemony and Socialist Strategy. VERSO / Э. Лаклау. — 1985. — 194 p.
- 5 Маркузе Г. Критическая теория общества. Избранные труды по философии и социальной критике. — М.: АСТ. Астрель, 2011. — 384 с.
- 6 Nicholson P.P. Toleration as a moral ideal / P.P. Nicholson // Aspects of Toleration. J. Hordon & S. Mendus (Eds) London — New York: Methuen & Co. Ltd, 1985. — 216 p.
- 7 Карипбаев Б.И. Идеологические декорации идеи толерантности в учении Ж.Славоя [Электронный ресурс] / Карипбаев Б.И. // Идеологические декорации идеи толерантности в учении Ж.Славоя. Сб. стат. междунар. науч. -практ. конкурса «Лучший преподаватель». МЦНС «Наука и просвещение». — Пенза, 2018. — С.15–17.— Режим доступа: <http://naukaip.ru/wp-content/uploads/2018/02/К-81-Сборник.pdf>

Б.Ы. Кәріпбаев

Әлеуметтік-философиялық толеранттылық модельдері

Мақалада автор коммуникация қағидасы ретінде толеранттылық (төзімділік) табиғаттын әлеуметтік-философиялық тұрғыда қайта қарастыруға талпыныс жасады. Оның ойынша, ең қызықты ғылыми-зерттеу бағдарламалары талданды. Зерттеу нысандары ретінде отандық және шетел ғалымдарының ілім мен тұжырымдамалары алынды. Зерттеудің өзектілігі қазіргі қоғамдық қарым-қатынастардың заманауи жағдайымен реттеліп, сәйкестік қақтығысы, жалпы дүниетанымдыққа қтығыспен сипатталған. Осындай жағдайда жалпы әлеуметтік-мәдени саясаттың толық қалыптастыру үшін қажеттілік туындайды, мақалада автор этносаралық және конфессияаралық қарым-қатынастар құрылымдарда төзімділік мәдениетін қалыптастыруға ерекше көңіл бөлді. Бұндай зерттеудегі басымдылық соңғы уақыттағы діни ренессанс пен этносаралық қақтығыстардың жиілігімен анықталады. Мақалада төзімділік мәселесі эпистемиологиялық түрде әділдік, зұлымдық және жақсылық, зандылық проблемаларымен бірге қарастырылады. Төзімділік феномені саясат, экономика және әлеуметтік-мәдени бірлікте жан-жақты талданған.

Кілт сөздер: толеранттылық, діни төзімділік, әділдік, зұлымдық, жақсылық, құқық, мәдениет, саясат, дін, этнос.

B.I. Karipbayev

Socially-philosophical models of tolerance

In the article an attempt is carried out to comprehend in the socially-philosophical key the nature of the phenomenon of tolerance as principle of communication. The author analyses the most fruitful and interesting, from his point of view, research programs. Concept theories of both foreign and domestic scientists became the objects of research interest of the author of the article. Importance of such research foreshortening is determined by the modern state of public relations that is characterized by a general world view crisis, crisis of identity. In these terms there is a necessity of scientific and theoretical analysis of basic works for this problem space for forming of integral socio cultural politics in this area of public relations. In his research the author watches out for forming of culture of tolerance in interethnos and interconfessional structures of relations. Such research priority is determined recently by the religious renaissance becoming more frequent cases of interethnos conflicts. The problem of tolerance in the article is examined in cognitive variations with the problems of justice, evil and good, legality. The phenomenon of tolerance is analyzed in a political, economic, sociocultural context.

Keywords: tolerance, toleration, justice, evil, good, right, culture, politics, religion, ethnos.

References

- 1 Rolz, Dzh. (1995). Teoriia spravedlivosti [Theory of justice]. Novosibirsk: NPU [in Russian].
- 2 Muff, Sh. (2004). K ahonisticheskoi modeli demokratii [Towards an agonistic model of democracy]. *Lohos — Logo*, 2(42), 253 [in Russian].

- 3 Slavoi Zh., (1999). Vozvishennyi obekt ideologii [Sublime object of ideology] *Hudozhestvennyi zhurnal*. (V. Safronova, Trans). Moscow. [in Russian].
- 4 Laclau, E. (1985). *Gegemonii I sotcialnye strategii* [Hegemony and social strategies]. VERSO.
- 5 Markuze, G. (2011). Kriticheskaia teoriia obshestva [Critical theory of society]. *Izbrannye trudi po filosofii I sotcialnoi kritike — Selected works on philosophy and social criticism*, 384. Moscow: AST [in Russian].
- 6 Nicholson, P.P. (1985). Toleration as a moral ideal. *Aspects of Toleration*. J. Hordon, S. Mendus (Eds). London — New York: Methuen & Co. Ltd.
- 7 Karipbayev, B.I. (2018). Ideolohicheskie dekoratsii idei tolerantnosti v uchenii Zh. Slavoia [Ideological sceneries of idea of tolerance in the studies of Zhizhek]. Bestteacher: *Sb. stat. mezhd. nauch. -prakt. konk. MTsNS «Nauka i prosveshchenie» — S. Collection of reasons of international research and practice competition*. МЦНС «Science and enlightening», 15–17. Penza. Retrieved from <http://naukaip.ru/wp-content/uploads/2018/02/K-1.pdf>. [in Russian].

В.Ф. Медведевская

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Россия
(E-mail: sibmed@bk.ru)***Представление десяти категорий Аристотеля
с помощью каббалистического Дерева Сефирот**

Десять категорий Аристотеля являются универсальным инструментом для анализа, который в наше время называется редуцирующей процедурой. Подобно тому, как наши пальцы являются инструментом для создания всех остальных инструментов, десять категорий Аристотеля являются инструментом для описания мира и познания его, а «древо жизни» — это символическая карта Вселенной и её малой копии — человека. В данной работе десять категорий Аристотеля (сущность, количество, качество, отношение, пространство, время, состояние, действие, претерпевание, обладание) сопоставлены с десятью каббалистическими сефиротами (Корона, Мудрость, Разум, Милость, Строгость, Красота, Вечность, Величие, Основа, Царство). Каждая категория рассматривается как одна из десяти сефирот, описывается её положение и отношение к остальным категориям. Дерево Сефирот представлено в четырёх мирах (мир Архетипов, мир Творения, мир Формирования, мир Действия), и эти миры соотносены с четырьмя универсальными причинами Аристотеля (формальная, материальная, действующая, конечная). Данный метод использован для иллюстрации и описания процесса перевода. Показано расположение категорий перевода относительно Дерева Сефирот и четырёх причин относительно четырёх миров (оламов). Такое объединение текста и рисунка для представления объекта исследования позволяет нам объединить логическое и образное мышление и перейти от линейно-статического к динамическому представлению знания. Цель статьи — показать общее между философским учением Аристотеля и этическим учением иудаизма. Данный материал может быть полезен для студентов, преподавателей, исследователей, занимающихся методологией науки, и других лиц, интересующихся философией.

Ключевые слова: Дерево Сефирот, десять категорий Аристотеля, когнитивный шаблон, миры (оламы), редуцирующий анализ, схема, Тания, универсальные причины.

Число *десять* является одним из наиболее употребляемых чисел. Это, несомненно, связано с тем, что у нас десять пальцев. Гасан Гусейнов сравнивает наши пальцы с десятью категориями Аристотеля. Подобно тому, как наши пальцы являются инструментом для создания всех остальных инструментов, сеть категорий Аристотеля являются инструментом для описания мира и познания его. Г. Гусейнов соотносит эти категории с грамматическими категориями. Это имя существительное, имя числительное, имя прилагательное, наречия места и времени, глагол действительного и страдательного залога. Далее он пишет: «...эти десять пальцев ещё и окно в то, как устроено наше сознание» [1; 73–77]. Аристотель определяет категории как необходимые значения слов. Получается, что категории — это высшие роды, над ними нет более высоких родов. Аристотель выделяет подлежащее как первую сущность (род и вид), остальные категории относятся ко вторым сущностям [2; 9, 10].

Представим эти категории следующим образом. Субстанция, или сущность. Количество — пространственно-числовая характеристика вещи. Качество — предикат, который характеризует все нечисловые свойства предмета. Отношение — это способ, которым одна вещь может быть связана с другой. Пространство — положение вещи относительно ближайшего окружения. Время — положение вещи относительно последовательности событий. Состояние — положение частей предмета относительно друг друга. Действие — произведение изменения в некотором другом предмете. Претерпевание — принятие изменения от некоторого другого предмета. Обладание — наличие постоянного внешнего обстоятельства вещи.

Например, известное стихотворение Льюиса Кэрролла.

«Варкалось Хливкие шорьки

Пырялись по наве,

И хрюкотали зелюки,

Как мымзики в мове» (перевод Д. Орловской).

На первый взгляд, оно кажется бессмысленным, но с грамматической точки зрения можно увидеть следующие категории. Хливкие шорьки — группа подлежащего, здесь мы имеем сущность, ко-

личество и качество. Варкалось — время, по наве — место. Пырялись — взаимодействие, то есть действие и претерпевание. Как мымзики — сравнение. В мове — обладание.

Десятичная структура — это структура мира, согласно каббале. Дерево Сефирот», или «Древо жизни», — символическая карта Вселенной и её малой копии — человека (рис. 1). Это геометрическое расположение имён, чисел, символов и идей. 10 сефирот — это 10 цифр, соединённых между собой 22 каналами (циннот). Каналы соответствуют буквам еврейского алфавита. Систему сефирот можно представить в виде частей тела совершенного космического человека Адама Кадмона. 1-я сефира — Корона, некая исходная точка, из которой разворачиваются остальные сфирот. 2-я и 3-я сефиры — глаза, 4-я и 5-я — руки, 6-я — туловище, 7-я и 8-я — ноги, 9-я — место обречения, и 10-я — стопы.

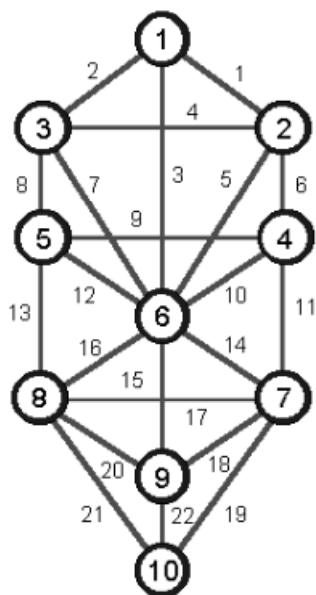

Рис. 1. Дерево сфирот

1. Корона (Кетер)
2. Мудрость (Хохма)
3. Разум (Бина)
4. Милость (Хесед)
5. Строгость (Гвура)
6. Красота (Тиферет)
7. Вечность (Нецах)
8. Величие (Ход)
9. Основа (Йесод)
10. Царство (Малхут)

Константин Крылов предлагает следующую схему (рис. 2), которая объединяет Дерево Сефирот и 10 категорий Аристотеля [3].

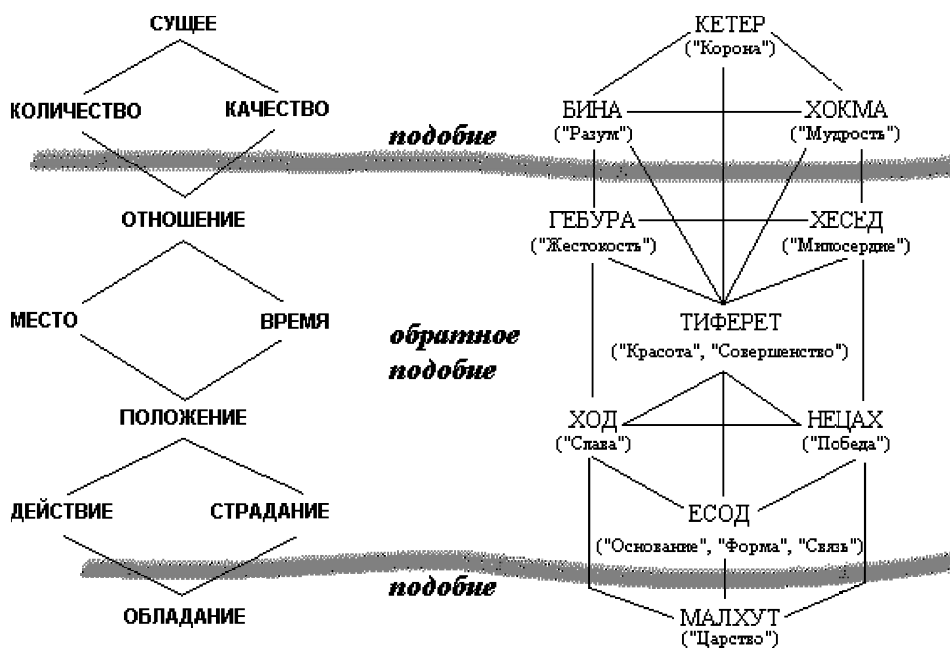

Рисунок 2. Схема, объединяющая Дерево Сефирот и 10 категорий Аристотеля

При сравнении этих схем обнаруживается, что шесть срединных сфирот перевернуты. Это несоответствие Крылов объясняет мифом о падении ангелов и разбиением сосудов, распадом оболочек срединных сфирот и порядка их устройства.

Попробуем расположить категории Аристотеля относительно Дерева Сфирот согласно Тании. Тания (книга, написанная р. Шнеуром Залманом, основателем хасидизма, произведение по еврейской этике) делит сфирот на две части: три верхние соответствуют разуму человека, а остальные семь — силам эмоций [4; 50].

Сфирот можно разделить на три верхние, их условно называют «закрытыми», и семь нижние сфирот, которые называются «проявленными».

Кетер — это желание, замысел. Хохма — это потенция, своего рода потенциальная энергия. Бина — это процесс обработки, структурирование потока информации. Например, Кетер — это желание учиться, Хохма — способность мыслить, Бина — способность учиться, рефлексировать. Пока мысль не высказана, мы не можем её узнать, поэтому эти три сфирот называются закрытыми.

Первая сфира Кетер — это категория *сущности*. Хохма и Бина соответствуют категориям *количества* и *качества* (2 и 3). Правый глаз связан с левым полушарием мозга, которое отвечает за логическое мышление (категория *количество*). Левый глаз связан с правым полушарием, отвечающим за образное мышление (категория *качество*), то эмоции мы можем проявлять и видеть.

Сфира Хесед — это распространение, процесс отдавания. Гвура — процесс ограничения, сжатия. Процесс уравнивания между этими двумя процессами представляет сфира Тиферет. Хесед и Гвура — это категории *пространства* и *времени* (4 и 5). Правая рука дающая, сфира Хесед Милосердие, левая рука берущая, сфира Гвура Строгость. Сфира Тиферет (6) — категория *отношение*, она связана со всеми остальными сфирот. Сфирот Нецах и Ход (7 и 8) соответствуют категориям *действия* и *претерпевания*, подобно правой и левой ногам, правая делает шаг, а левая является опорной. Сфира Йесод (9) — это *состояние*. Аристотель указывает, что категория *состояние* следует из категорий *действия* или *претерпевания*. Сфира Малхут (10) — это *обладание*. Согласно Аристотелю, *обладание* предполагает все остальные категории и находится в конце перечня. Согласно Каббале сфира Малхут является сфирой Кетер для мира, расположенного ниже.

Теперь проанализируем 10 категорий с использованием схемы. Для категории *сущность* необходимо указать *количество*, далее Аристотель переходит к описанию *качеств*, например, первая и вторая сущности. При анализе необходимо учитывать, что трактат был написан в античной Греции (где и когда). Все категории связаны отношениями. Далее пара *действие-претерпевание* порождает категорию *состояние*. И далее точка конца и начала *обладание*.

Правые сфирот относятся к мужским и объединяются в Столп Милосердия. Левые сфирот — женские, они объединены в Столп Строгости. Центральные — Срединный Столп. В нашем случае к мужским сфирот относятся *количество*, *пространство* и *действие*, к женским — *качество*, *время* и *претерпевание*. Срединный Столп составляют *сущность*, *отношение*, *состояние* и *обладание*.

Дерево Жизни делится на четыре космических уровня.

Первый из этих уровней — Олам Ацилут, Мир Архетипов.

Второй — Олам Брия, Мир Творения.

Третий — Олам Йецира, Мир Формирования.

Четвёртый — Олам Ассия, Мир Действия

Верхние миры находят выражение и динамическую конкретизацию в Олам Ассия, в Материальном Мире. Первая сфира Корона относится к Миру Архетипов, 2-я и 3-я (Мудрость и Понимание) — к Миру Творения, Следующие шесть (Милость, Строгость, Красота, Вечность, Величие и Основа) образуют Мир Формирования. И последняя сфира Царство — это Мир Действия, наш Материальный Мир.

В трактате «Метафизика» Аристотель описывает четыре универсальные причины [5; 14–18]:

Формальная причина. Ради чего это делается? Каково предназначение предмета? Какова конечная польза? Это категория *сущности*.

Материальная причина. Из чего это сделано?

Действующая причина. Кем это сделано?

Конечная причина? Ради чего это сделано?

Аристотель приводит в пример жёлудь как дуб в процессе становления. Быть дубом — это формальная причина превращения жёлудя. Форма, которую жёлудь приобретает в процессе развития, является конечной причиной. Солнце является действующей причиной, вызывающей рост дерева, а

материальная причина — сам дуб, проходящий через изменения. Аристотель вводит понятие *энтелехии*, внутренней силы, заключающей в себе и цель, и результат. Любое семя содержит в себе потенциал, который раскрывается через рост и развитие.

Мы можем использовать эти причины для четырёх миров, согласно Каббале. Первый мир — Мир Архетипов, который составляет сфера Кетер, является категорией *сущности* и формальной причиной. Далее категории *количества* и *качества* — это Мир Творения, действующая причина. Шесть следующих категорий, *пространство*, *время*, *отношение*, *действие*, *претерпевание* и *состояние*, относятся к Миру Формирования, здесь мы имеем материальную причину. Последняя категория *обладание* принадлежит Миру Действия, это конечная причина.

Сопоставляя десять категорий и десять сфирот, четыре универсальные причины и четыре мира в Каббале, мы видим общую структуру этих двух учений. Основные каббалистические тексты *Сефер Йецира* (раби Акива) и *Зоар* (раби Симеон бен Йохай) относят к восьмому веку н.э. в первом случае и к третьему-четвёртому веку н.э. во втором. Однако в Ветхом Завете, Талмуде и других раввинских документах мы можем обнаружить основы Каббалы. Невозможно утверждать, что было первичным — античная философия или Каббала. То и другое являются своеобразной интерпретацией, переводом некоего знания. Современность требует новых интерпретаций и новых переводов как философских, так и эзотерических текстов.

Анализ с помощью категорий Аристотеля в наше время называется редуктивной процедурой. Это разложение исследуемого объекта на простые элементы; объяснение самих предметов или явлений, которые составляются из композиции простых элементов. Эти элементы или сущности являются абсолютными или универсальными.

В.И. Разумов предлагает использовать схемы как когнитивные шаблоны [6; 22]. Категориальные схемы представляют собой единицы уплотнённого знания и позволяют переходить от линейно-статического к динамическому представлению знаний. Элементы знания преобразуются в формат потоков мысли, протекающих параллельно, но скоординированно.

Категории Аристотеля были использованы для описания процесса перевода в работе [7; 350–353] и были представлены следующим образом:

Сущность — это смысл переводимого текста. Такие особенности, как тематика, историческая эпоха, личность автора, особенности языка оригинального текста необходимо учитывать при переводе.

Количество — объём переводимого текста. «Что касается количества, то одно раздельно, другое непрерывно, и одно состоит из частей, имеющих определённое положение по отношению друг к другу, а другое — из частей, не имеющих такого положения» [2; 18]. Каждое слово состоит из отдельных букв, вместе они переходят в новое качество, приобретая новый смысл. Каждое слово текста дискретно, каждое слово может иметь несколько смыслов, но сам текст образует новое непрерывное состояние. Выполняя перевод, мы разбираем текст на отдельные слова, и следующая задача — собрать новый текст уже из переведенных слов.

Качество — это с каким текстом мы работаем (художественный, технический и т.д.)

Отношение — это некая промежуточная модель, возникающая в процессе работы с текстом. Построение модели происходит в области, общей для двух языков. Эту модель необходимо постоянно согласовывать с исходным текстом и понятийным аппаратом. Данная модель постоянно изменяется.

Пространство — пространство общее для двух языков. Точный перевод невозможен, работа переводчика состоит в том, чтобы создать текст, который сохранит особенности исходного текста и передаст информацию в семантическом пространстве иного языка.

Время — это некая нить, на которую мы нанизываем стадии работы с переводом. Это промежуточные модели, постоянно изменяющиеся во времени.

Состояние — внутренняя структура текста. Текст подобен дереву, у которого есть корни, ствол, ветви и листья. Есть тексты, в которых есть цветы и плоды.

Действие — взаимодействие автор — переводчик. Если исходный текст представить в виде триады *язык — личность автора — историческая эпоха*, то промежуточная модель будет выглядеть как *квалификация — личность — эрудиция переводчика*. Мы видим важность не только языков, исторических эпох, культурных составляющих, но и взаимодействия личностей автора и переводчика, не только исходного языка, но и языка перевода.

Претерпевание — взаимодействие переводчик — читатель. Конечный вариант перевода можно описать как триаду *язык — личность читателя — историческая эпоха*. Важно не только, кто написал текст и кто его перевёл, но и личность читателя.

Обладание — конечный вариант перевода текста. Это результат взаимодействия всех вышеописанных категорий.

Если расположить категории на схеме дерева, то мы получаем следующую картину. Смысл текста, идею которого автор хочет донести до читателя, это формальная причина. Окончательный вариант перевода — это конечная или целевая причина. Это форма, которую приобретает текст в процессе работы. Категории количества и качества будут представлять собой действующую причину. Шесть центральных категорий — это материальная причина.

Категории Аристотеля позволяют нам проанализировать исследуемый объект, а использование схемы Дерева Сфирот — объединить два способа представления информации: текстовый и графический и два способа мышления: логическое и образное.

Список литературы

- 1 Гусейнов Г. История всего: лекции о мифе [Электронный ресурс] / Г. Гусейнов. — Режим доступа: <http://www.litres.ru> >.
- 2 Аристотель. Категории [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.litres.ru...>КАТЕГОРИИ>
- 3 Крылов К. Эти десять [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://traditio.wiki >krylov>
- 4 Раби Шнеур Залман Ликутей Амарим (Тания). — М.: Шамир, 2005. — 875 с.
- 5 Аристотель. Метафизика [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.litres.ru...> Аристотель>
- 6 Разумов В.И. Категориально-системная методология в подготовке ученых: учеб. пос. — Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. — 277 с.
- 7 Медведовская В.Ф. Десять категорий Аристотеля для описания процесса перевода: Омские научные чтения 2018: материалы Второй Всероссийской науч. конф: Электронные текстовые данные. — Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2018. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://conf.omsu.ru/Conference/ShowThesis?thesisId=1031>.

В.Ф. Медведовская

Құлдық Сефирот Ағашы арқылы Аристотельдің он санатын ұсыну

Аристотельдің он санаты талдаудың әмбебап құралы болып табылады, ол бүгінгі күні қалпына келтіру процедурасы деп аталады. Біздің саусақтарымыз барлық басқа құралдарды жасау құралы болғандықтан, Аристотель санаттарының желісі әлемді сипаттау, оны білу құралы болып табылады және «Өмір Ағашы» — әлемнің символдық картасы және оның кішкентай көшірмесі — адам. Аристотельдің он санаты (мәні, саны, сапасы, қатынасы, кеңістігі, уақыты, жағдайы, әрекеті, өтіп кетуі, иемденуі) он құлдық сефиротпен (Тәж, Даналық, Ақыл, Мейірімділік, Қаталдық, Әсемдік, Мәңгі, Ұлылық, Негіз, Патшалық) салыстырылған. Әрбір санат он Сефироттың бірі болып саналады, оның позициясы және басқа санаттарға қатынасы сипатталады. Сефироттың Ағашы төрт әлемде (әлемнің Архетипі, жаратылыс әлемі, қалыптасу әлемі, іс-қимыл әлемі) бейнеленген және осы әлемдер Аристотельдің (ресми, материалдық, әрекет, қорытынды) төрт әмбебап себептерімен байланысты. Бұл әдіс аудару үдерісін суреттеу және сипаттау үшін қолданылады. Аударма категорияларының орны Сефирот Ағашы үшін және төрт әлемнің (оламдар) төрт себебі көрсетілген. Зерттеу нысанын ұсыну үшін мәтін мен суреттің комбинациясы логикалық және бейнелі ойлауды біріктіруге және сызықтық статистикадан білімнің динамикалық көрінісіне өтуге мүмкіндік береді. Мақаланың мақсаты — Аристотельдің философиялық ілімдерімен және иудаизмнің этикалық ілімдерінің жалпылығын көрсету. Бұл материал философияға қызығушылық танытқан студенттерге, оқытушыларға, ғылым әдіснамаға тартыған зерттеушілерге және басқа адамдарға пайдалы болуы мүмкін.

Кілт сөздер: Сефирот Ағашы, Аристотельдің он санаты, танымдық құрылым, әлем (оламдар) редуктивті талдау, Тания, схема, әмбебап себептер.

V.F. Medvedovskaya

Ten Aristotle categories representation by means of cabalistic Sephiroth Tree

Ten categories of Aristotle are the universal tool for the analysis which is called the reductive procedure nowadays. Just as our fingers are the tool to create all other tools, ten of Aristotle's categories are the tool to describe and to cognize the world, and «a life tree» is a symbolical map of the Universe and its small copy — a human. In this work ten Aristotle's categories (essence, quantity, quality, attitude, space, time, state, ac-

tion, undergoing, possession) are compared with ten cabalistic Sephiroth (Crown, Wisdom, Intellect, Mercy, Severity, Beauty, Eternity, Greatness, Basis, Kingdom). Each category is considered as one of ten sephiroth, its situation and the attitude towards other categories is described. Sephiroth Tree is presented in four worlds (the world of Archetypes, the world of Creation, the world of Formation, the world of Action), and these worlds are correlated to four universal reasons of Aristotle (formal, material, acting and final ones). This method has been applied to illustrate and describe translating process. The author has shown an arrangement of the translating categories against the Sephiroth Tree and four reasons against four worlds (olams). Such combination of the text and drawing for object's representation under study allows us to unite logical and figurative thinking and to pass from linearly-static knowledge to the dynamic representation. The purpose of the article is to show the general points between philosophical doctrine of Aristotle and the ethical doctrine of Judaism. This material can be useful for the students, teachers, researchers who are engaged in scientific methodology and for other persons who are interested in philosophy.

Keywords: Sephiroth Tree, ten Aristotle categories, cognitive pattern, worlds (olams), reductive analysis, scheme, Tanya, universal reasons.

References

- 1 Guseinov, G. Istorija vseho: lektsyi o mife [History of everything]. *litres.ru*. Retrieved from <http://www.litres.ru> > guseinov-gasan [in Russian].
- 2 Aristotle Katehryi [Categories]. *litres.ru*. Retrieved from <http://www.litres.ru>>...> КАТЕГОРИИ [in Russian].
- 3 Krylov, C. Eti desiat [These ten]. *traditio.wiki*. Retrieved from <http://traditio.wiki> >krylov [in Russian].
- 4 Rabbi Schneur Zalman (2005). Likutei Amarim (Tanya). Moscow: Shamir [in Russian].
- 5 Aristotle Metafisika [Metaphysics]. *litres.ru*. Retrieved from <http://www.litres.ru>>...> Аристотель [in Russian].
- 6 Razumov, V.I. (2004). *Katehoriialno-sistemmaia metodolohia v podhotovke uchenykh [Categorical-system methodology for scientists training]*. Omsk: OmSU [in Russian].
- 7 Medvedovskaya, V.F. (2018). Desiat katehorii Aristotelia dlia opisaniia protsessa perevoda [Ten Aristotle's categories for interpreting process description]. Proceedings from Omsk scientific readings: *Vtoroy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (10–15 dekabria 2018) – Materials of the 2-nd Russia Scientific Conference*. (pp. 350–353). Omsk: Omsk: OmSU [in Russian].

T.A. Rezvushkina

*Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan
(E-mail: rezvushkina_178@mail.ru)*

Motherhood in social and philosophical discussion

In the article the ethnic structure of Kazakhstan, which was formed in the Soviet period and changed in the period getting republic independence is considered. Also the ethnicity influence on women reproduction function is studied which has ethnic features, when cultural traditions and practices define «right» motherhood, «right» number of children, and daily care after children, interpretation of mother's role, value and her status in the family. It is important to understand how the ethnic factor influences on birth rate level nowadays and what is the reason of intervals in birth rate at these or those ethnic groups — social-economic living conditions, traditions and ideology. The author, on the basis of statistical data, compares the dynamics of births for women from different ethnic groups living in Kazakhstan. It is concluded that in Kazakhstan there is a significant differentiation in fertility strategies. Thus, more children are born in the southern and western regions than in the north, center and east. At the same time, rural women give birth to children more than urban ones and representatives of Turkic-speaking ethnic groups do, more often acquire children than representatives of European ethnic groups. By the end of the 21st century, Kazakhstan is likely to face a demographic crisis, since there will be a decrease in the birth rate due to intensive aging and high mortality of the population and the expected increase in the urban population. To equalize the situation is possible due to the economic growth of cities in each region of Kazakhstan, when the outflow of rural population to the city will occur and the structure of fertility of each ethnic group will change.

Keywords: ethnicity, birth rate, motherhood, ethnic structure, families with few children, families with many children, demographic behavior, urban and country people.

Developing motherhood in this or that society, during different periods, within this or that culture is defined by various factors. One of them is the ethnic origin of a woman as the Russian ethnologist V. Tishkov, understand a form of the social organization of cultural distinctions [1] and has such characteristics as: the ideas of the general territorial and historical origin divided by members of the group, one language, common features of material and spiritual culture; politically issued ideas of the homeland and special institutes, as, for example, statehood which can be considered as a part of what makes the concept «people»; differences, i.e. understanding by members of the group of the belonging to it, and forms of solidarity based on it and common actions [1].

Ethnic aspects of motherhood are meanwhile poorly studied in the Kazakh science. There are several works which updated this subject, but the main attention in them is paid to the description Kazakh family and its life, small attention is paid to the motherhood (see: M.P. Kabakova, 2010; S.H. Shalginbayeva, 2002; I.V. Stasevich, 2011).

In this article we will consider ethnic features of women reproductive behavior in modern Kazakhstan and for this purpose, initially, it is necessary to study historical context on formation of ethnic structure in modern Kazakhstan.

After the revolutionary events in October, 1917 in imperial Russia began formation of new Union States. Lenin's decree dated by August 26, 1920 carried out the first territorial division: on the map appeared Kyrgyz ASSR, which became the part of the Russian SFSR, with the capital in Orenburg. In 1924 it was renamed into the Kazakh ASSR with the capital in Kzyl-Orda in the beginning, and then, since 1929 — in Alma-Ata. Constitution in 1936 gave the Kazakh ASSR status of the union republic. Republic Sovietization happened especially violently: civil war, hunger in 1920–1921, 1929, 1931 and 1933, collectivization and violent transition to settled life, provoked reduction of indigenous people from 3.7 to 2.3 million people [2; 34].

Russification of Kazakhstan went «from above» (since 1928, the national elite supporting the new power underwent gradual elimination), and «from below» and also to active inflow of immigrants. Under census in 1926 the Russians in Kazakhstan reached 20 %, and the Kazakhs made 58 %. The last were in the majority, except the Kostanay region, and the Russians made a third of the population only where they lodged long since — in Ust-Kamenogorsk and Semipalatinsk. Presence of Russians in Kazakhstan grew in the 1930th. Their number was filled up by the peasants repressed during the company on a dispossession of kulaks. So, in 1930 — 1931 50,000 families were sent from Russia to Kazakhstan [2; 35]. The Soviet power

set as the purpose to turn the region into one of the industrial centers of the USSR while in other republics of Central Asia it was supposed to put the main emphasis on development of agriculture, especially cotton breeding.

The first industrialization programs started in 1920th and 1930th led to deep ethno demographic moves: between 1926 and 1939 the number of Kazakhs in the total number of the population decreased from 58 to 37 %, and Russians, on the contrary, grew from 20 % to 40 % [2; 35].

The Great Patriotic War promoted further russification. In 1941 on the East more than 1500 industrial enterprises, were evacuated from them the fifth part — to Central Asia [3; 62]. More than one hundred enterprises were placed in Kazakhstan that brought their total number to 500 [3; 63]. Hundreds of thousands of people belonging to the repressed people (Germans, the Crimean Tatars, natives from the North Caucasus, Koreans, Greeks, etc.) were banished to Central Asia, having enhanced ethno cultural diversity of the region.

Russification continued also after war. Since 1954, N. Khrushchev presented the development plan of virgin lands in Kazakhstan (38 million hectares). About 2 million volunteers arrived to develop the republic that forced many Kazakhs to leave subsequently own areas of accommodation. There were built large collective farms and state farms where Russians who arrived from the Central Russia and Western Siberia [4; 367] worked. Between 1939 and 1959 the population of Kazakhstan considerably increased thanks to inflow of Slavs: growth of the number of Russians by 2.5 times exceeded this indicator for Kazakhs who made no more than 30 % of inhabitants of the republic in 1959. Russians were on the whole concentrated in the northern areas of Kazakhstan (80 %) [4; 368].

Since 1960 Moscow provides to the republics certain independence and promotes «indigenization» of local authorities. Migrations to the region gradually calmed down: in 1970 all Central Asia was not considered as the territory of priority development any more. It affected on population. So, there was a delay in number of Russians. A dale of Russians made 42 %, in 1979 and even decreased to 40.8 %. Thus, the difference in the number of Russians and Kazakhs began to be overcome in late Soviet period, but quantitative domination of Russians in Kazakhstan remained. That is why in the USSR the republic had the special status and often assimilated to the Slavic republics (Ukraine and Belarus), as separated it from the republics of Central Asia.

In the 1990s, after the collapse of the USSR the process of national revival in federal republics began. Transformation of the internal borders which were earlier separating one administrative unit from another, in external, recognized as the international community, raised many disturbing questions, especially at representatives of those people who unexpectedly fell into the new independent states, into a state of minorities. The question of the new states and their ethnic minorities stood absolutely differently, depending on whether there was a speech about the Slavic republics — Ukraine and Belarus; about Baltic or about mainly Muslim, considered as the most culturally remote from «the Russian world».

By the beginning of 1990, in five republics of Central Asia there lived 37 % of Russians who are out of Russia (9.5 million people [4; 369]. Most of all they were in Kazakhstan — about 6 million on the last all-union population census in 1989. This group took the second place after Ukraine (11 million people in 1989) by the absolute sizes, but the first place on a share in the total number of the population: 37.8 % in Kazakhstan and only 13 % in Ukraine. In other states of the region these figures as of 1989 were much lower: 21.5 % — in Kyrgyzstan, 9.5 % — in Turkmenistan, 8.4 % — in Uzbekistan, 7.6 % — in Tajikistan [4; 370]. The importance of «the Russian question» in Kazakhstan speaks not only the number of Russians. The matter is that they treat indigenous people — in the sense that their vast majority (66 %) was born here (it is the highest rate among other republics, including Ukraine), and from the remained 34 % who are natives of other territories, 33 % by the time of the collapse of the USSR lived in the Kazakh SSR more than 20 years [4; 371]. Also it is important to note the distribution of Russians on the territory of the country: according to a population census of 1989 they made 70–80 % of the population in seven areas in the north of the country (Akmola, Karaganda, Kokchetav, Kostanay, East Kazakhstan, North Kazakhstan and Pavlodar) [5; 92]. Thus, Kazakhstan faced a specific problem to join almost Russian or rather «European» North (except Russians, in these areas many Germans, Ukrainians, Poles, etc. live) mainly «Kazakh-Uzbek» South and median populated regions of the country.

Consequences of an economic crisis in the 90th, at once affected the living standard of the population. In 1994 more than 50 % of the population of the country lived in poverty (in 1989 it made only 5 %). Within one decade natural increase of the population was reduced three times (from 13.4 % to 4 %), the birth rate — by one and a half times (from 21.6 % to 14.7 %), mortality grew from 8.2 to 10.1 %, and life expectancy decreased (in particular up to 59 years for men). Loss about 10 % of the population (more than

1.5 million people) during the period between two censuses of 1989 and 1999 — an eloquent indicator of those difficulties with which independent Kazakhstan left by many inhabitants met their knowledge, professionalism and talents — all what makes value for development of any country.

Now, if to consider the main statistics connected with birth rate and ethnicity, we see as follows:

– total number of the population in Kazakhstan as of September 1, 2018 is 18311700 people. Kazakhstan takes the 74th place in the list of the countries on population today. Average density is a little more than 6.71 people on km² (the 184th place in the list of the countries on population density). It shows that Kazakhstan, taking the 9th place in the world by the territory sizes, is the low-populated territory and it demands maintaining the effective population policy directed to increase in birth rate;

– according to data of the Ministry of Economics and social development of the Republic of Kazakhstan for the beginning of 2018 Kazakhs make most of the population of the republic (67.47 %). Russians (19.76 %), Uzbeks (3.18 %), Ukrainians (1.53 %), Uigurs (1.46 %), Tatars (1.11 %) and representatives of other ethnic groups go the following, on numerical representation;

– in Kazakhstan in 2017 by bodies of RAGS (civil registration) it is registered 390,262 been born, including in the city area — 226847 people, in rural — 163415 people. As we see, the birth rate in the city area became higher than in rural that indirectly shows increase in a share of the women of reproductive age living in the city area and, on the contrary, reduction of those in rural. But at the same time, the total coefficient of birth rate (TCBR), that is the number of the children born on average by one woman during all reproductive age (from 15 to 49 years), is equal to 2.73, i.e., on average, the Kazakhstan woman gives birth from 2 to 3 children. But in the cities of (TCBR) there it is equal 2.57, in rural areas — 3.00. On an indicator of (TCBR) there are in the lead Mangystau Region — 3.78 and SKD — 3.62. The lowest results are in Almaty, it makes 1.67 and Kostanay region makes 1.73:

– in comparison with 2007 the number of been born increased by 21.2 % (boys — for 21.9 %, girls — for 20.5 %), including in the city area — for 30.1 %, in rural — for 10.7 %. From among been born boys made 51.7 %, girls — 48.3 %. Sex ratio at the birth made 107 boys on 100 girls;

– in 2017 28589 abortions were made in Kazakhstan. About 50 % of cases these are women senior than 30 years. On number of abortions Almaty with an indicator 3720, Astana — 3238, Karaganda region is 2810 in the first place. At the same time artificially interrupt pregnancy least of all in the west of Kazakhstan. In the West-Kazakhstan Region in 2017 392 abortions were made, in Mangystau Region — 359, and in Atyrau Region 222 (the smallest quantity) were made. But in the west of Kazakhstan criminal abortions are often made. So, 75 % of criminal abortions are the share of this region [6].

– if to analyse birth rate trends according to ethnic origin of women, then we see that most often children are born by Kazakh women — 231,016 and by Russians — 28,354 that corresponds to the general representation of these ethnoses in Kazakhstan [7] (Table).

T a b l e

Ethic aspects of birth in the Republic of Kazakhstan, people

Ethic groups	Born							
	total		including				From them	
			boys		girls		Father of another nationality	
2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Total	293262	297279	151469	153614	141793	143665	28251	27794
Kazakhs	225504	231016	116665	119583	108839	111433	5864	5830
Russians	29594	28354	15124	14543	14470	13811	8317	8300
Uzbeks	12203	12609	6318	6485	5885	6124	1487	1422
Uigurs	4613	4678	2372	2364	2241	2314	848	876
Ukraines	3074	2943	1566	1502	1508	1441	2201	2210
Germans	2821	2640	1447	1329	1374	1311	2101	1991
Tatars	2393	2331	1204	1191	1189	1140	1768	1774
Azerbaijanians	2168	2073	1144	1097	1024	976	749	688
Dungans	1644	1742	875	918	769	824	144	156

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Turks	1230	1158	648	608	582	550	451	431
Koreans	1160	1010	593	527	567	483	607	493
Tajiks	982	979	516	504	466	475	161	160
Kyrgyz	964	986	500	507	464	479	559	561
Kurds	752	767	379	384	373	383	128	122
Belarusians	685	615	346	338	339	277	542	494
Kara-Kalpaks	644	738	324	359	320	379	556	639
Chechens	405	362	211	186	194	176	107	90

Note. Data of the Ministry of National economy of the RK. On Demographic situation in the Republic of Kazakhstan for the period from January to September, 2018. http://stat.gov.kz/faces/homePage?_adf.ctrl-state=y28ulehg3_4&_afLoop.

But at the same time the difference in birth rate at Kazakh and at the Russian women makes more than 200,000 children (Fig. 1).

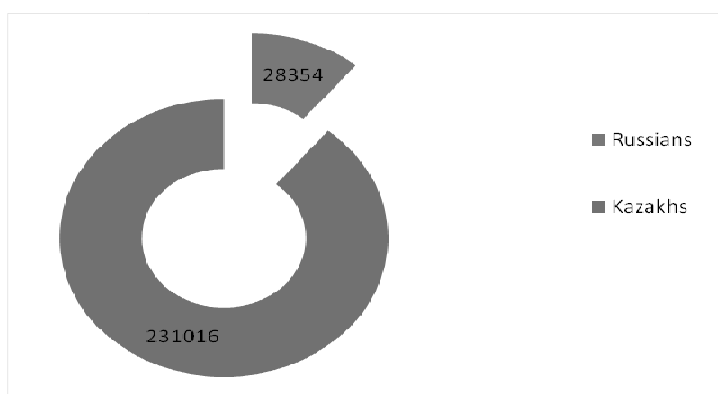

Figure 1. Birth of Russian and Kazakh women in the Republic of Kazakhstan, 2018 (people)

Note. Data of the Ministry of National economy of the RK. On Demographic situation in the Republic of Kazakhstan for the period from January to September, 2018. http://stat.gov.kz/faces/homePage?_adf.ctrl-state=y28ulehg3_4&_afLoop.

It should be noted that the birth rate of women from Turkic-speaking ethnic groups (Kazakh women, Uzbeks, Uigurs, Tatars, Azerbaijanians) (Fig. 2) is higher than women from the European ethnic groups (Russians, Ukrainians, Germans) (Fig. 3).

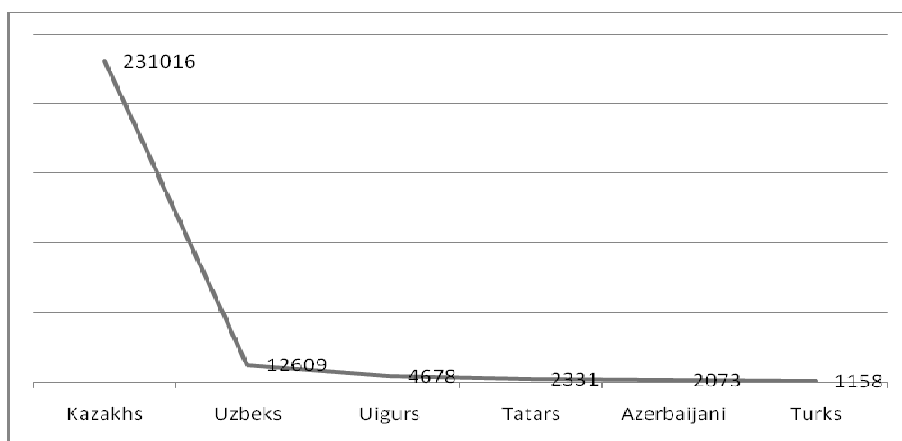

Figure 2. Birth rate of women of Turkic-speaking ethnic groups in the Republic of Kazakhstan, 2018 (people)

Note. Data of the Ministry of National economy of the RK. On Demographic situation in the Republic of Kazakhstan for the period from January to September, 2018. http://stat.gov.kz/faces/homePage?_adf.ctrl-state=y28ulehg3_4&_afLoop.

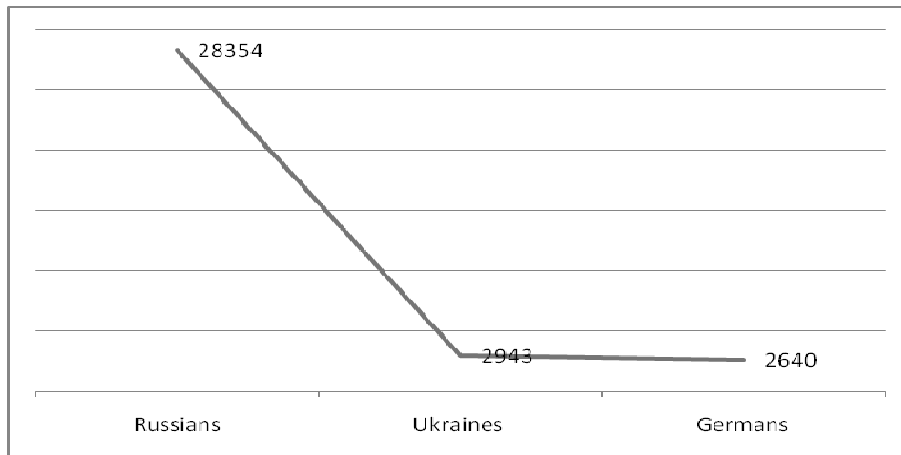

Figure 3. Birth rate of women of the European ethnic groups
in the Republic of Kazakhstan, 2018 (people)

Note. Data of the Ministry of National economy of the RK. On Demographic situation in the Republic of Kazakhstan for the period from January to September, 2018. http://stat.gov.kz/faces/homePage?_adf.ctrl-state=y28ulehg3_4&_afLoop.

The main conclusions which we can make proceeding from official data, are as follows:

- in Kazakhstan there is seen regional differentiation of birth rate. So, in the southern and western regions children were born more, than in the north, the center and the east of the country, in the capitals children were born less than in regions;
- rural women give birth to children more, than city women, but number of women of reproductive age in rural areas is reduced;
- representatives of Turkic-speaking ethnic groups get children more often than representatives of the European ethnic groups;
- the main share of abortions is done by women of 30 years, are more senior and there are regional specifics of abortive behavior.

These indicators characterize not just the number of children for women of different ethnicity, it is about essentially different types of demographic behavior: when Turkic ethnic groups keep traditionally high birth rate, and the European ethnic groups revise criteria of birth rate, making demographic transition. Thus, it is possible to track differences of demographic indicators in the considered ethnic groups. Indicators of birth rate of the European ethnic groups «are most modernized», Turkic ethnoses are most traditional.

Domination in ethnic structure in Kazakhstan, Turkic ethnic groups promote longer maintaining and further following traditions of having many children. An ethnic environment (especially in rural areas) strengthens social control over behavior and a way of life of people, supports traditional values and ideals. Despite culture resistance, profound changes concerned also demographic behavior of country people that it is simple to track on reduction the number of large families, growth of illegitimate birth rate, etc. But demographic transition at the European and Turkic ethnic groups began not at the same time, that was caused by the historical and social and economic reasons. Proceeding from all aforesaid, we can draw a conclusion that ethnicity still is one of the defining birth rate factors.

References

- 1 Тишков В. Этнология и политика. Научная публицистика / В. Тишков. — М.: Наука, 2001. — С. 41–48.
- 2 Кабакова М.П. Этнокультурные традиции казахской семьи: психологический анализ / М.П. Кабакова // Вестн. КазНУ. — Алматы, 2010; Шалгинбаева С.Х. Семейные традиции и социокультурный облик казахов г. Алматы и Тараза (этносоциологическое исследование): автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.Х. Шалгинбаева. — Алматы, 2002.
- 3 Стасевич И.В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность / И.В. Стасевич. — СПб.: Наука, 2011. — С. 62–65.
- 4 Масанов Н.Э. История Казахстана: народы и культуры / Н.Э. Масанов, Ж.В. Абылхожин, И.В. Ерофеева, А.Н. Алексеев, Г.С. Баратова. — Алматы: Дайк Пресс, 2001. — С. 367–381.
- 5 Рыбаковский Л.Л. Миграционный обмен населением между Центральной Азией и Россией / Л.Л. Рыбаковский // Социологические исследования. — 1995. — № 9. — С. 92–105.

6 Ларюэль М. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность / М. Ларюэль, С. Пейруз. — М.: Наталис, 2007. — С. 39–44.

7 Казахстан в цифрах. Журнал «Власть» [Электронный ресурс]. — Режим доступа <https://vlast.kz/strana/18257-kazakhstan-v-cifrah-statistika-za-11-i-iula-2016-goda.html>.

Т.А. Резвушкина

Әлеуметтік-философиялық дискурстағы аналық

Мақалада Кеңес үкіметі уақытында қалыптаса бастаған және тәуілсіздік жылдары барысында өзгеріске ұшыраған Қазақстанның этникалық құрылымы қарастырылды. Сонымен қатар этностың әйелдердің репродуктивті функциясына, мәдени дәстүрлер мен тәжірибелердің «жаксы» ана болуды, отбасындағы баланың «дұрыс» саны, күнделікті өмірде балаға күтім жасау мен оны тәрбиелеу, отбасындағы ананың орны мен дәрежесі, оның маңызын анықтауға деген әсері көрсетілді. Осыған орай, қазіргі таңда этникалық фактордың туу деңгейіне әсері, әртүрлі ұлт өкілдерінің туудағы айырмашылықтарына — дәстүрлер, идеология – өмір сүрудің әлеуметтік-экономикалық себептерінің ықпалын анықтау маңызды болып келеді. Автор статистикалық деректер негізінде Қазақстанда тұратын әртүрлі этникалық топтарға жататын әйелдердің туу динамикасын салыстырады. Осы мәліметтерге сүйене отыра, ол белгілі бір қорытындыға келеді: Қазақстанда әйелдердің туу стратегияларында айтарлықтай дифференциация байқалады. Осылайша, солтүстікке, орталыққа және шығысқа қарағанда, оңтүстік және батыс аймақтарда дүниеге көп бала келеді. Сонымен бірге ауылдық әйелдер, қалалықтарға қарағанда, және түркітілдес этникалық топтарының өкілдері, еуропалық этникалық топтар өкілдеріне қарағанда, жиірек дүниеге бала әкеледі. ХХІ ғасырдың соңына қарай Қазақстан демографиялық дағдарыспен бетпе-бет келуі мүмкін, оған себеп қарқынды қартаю, халықтың өлім-жітімі және қала тұрғындарының күтілетін ұлғаюы, туу деңгейінің төмендеуі болып табылады. Егер Қазақстанның әрбір өңіріндегі қалалардың экономикалық өсуі байқалса, ауыл тұрғындары қалаға өтсе және әрбір этникалық топтың туу құрылымы өзгеріске ұшыраса, онда жағдайды теңестіруге болады.

Кілт сөздер: этнос, туу, аналық, этникалық құрылым, азбалалы, көпбалалы, демографиялық мінез-құлық, қала, ауыл халқы.

Т.А. Резвушкина

Материнство в формате социально-философского дискурса

В статье рассмотрена этническая структура Казахстана, которая формировалась в советский период и подверглась изменениям в период обретения республикой независимости. Также исследовано влияние этничности на осуществление женщинами репродуктивной функции, которая имеет этнические особенности осуществления, когда культурные традиции и практики определяют «правильное» материнство, «правильное» количество детей, повседневные практики ухода за детьми, интерпретацию роли и значения матери, ее статус в семье. В связи с этим важно понять, как этнический фактор оказывает воздействие на уровень рождаемости сегодня и что является причиной разрывов в рождаемости у тех или иных этносов — социально-экономические условия существования, традиции, идеология. Автор на основе статистических данных проводит сравнение динамики рождений у женщин — представительниц разных этнических групп, проживающих в Казахстане. Делается вывод, что в Казахстане существует значительная дифференциация в стратегиях рождаемости. Так, в южных и западных регионах детей рождается больше, чем на севере, центре и востоке. При этом сельские женщины рожают детей больше, чем городские, и представительницы тюркоязычных этнических групп чаще обзаводятся детьми, чем представительницы европейских этнических групп. К концу ХХІ в. Казахстан, скорее всего, ожидает демографический кризис, так как будет происходить снижение рождаемости из-за интенсивного старения и высокой смертности населения и предполагаемого увеличения городского населения. Выровнять ситуацию возможно за счет экономического роста городов в каждой области Казахстана, в результате чего произойдет отток сельского населения в город и изменится структура рождаемости у каждой этнической группы.

Ключевые слова: этничность, рождаемость, материнство, этническая структура, малодетность, многодетность, демографическое поведение, городское, сельское население.

References

- 1 Tishkov, V. (2001). *Etnolohiia i politika. Nauchnaia publitsistika [Ethnology and politics. Scientific journalism]*. Moscow: Nauka [in Russian].
- 2 Kabakova, M.P. (2010). Etnokulturnyye traditsii kazakhskoi semi: psikhologicheskii analiz [Ethnocultural traditions of the Kazakh family: a psychological analysis]. *Vestnik KazNU – Herald KazNU*, 4, 21–29 [in Russian]; Shalginbayeva, S.Kh. (2002). Semeinye traditsii i sotsiokulturnyy oblik kazakhov hh. Almaty i Taraza (etnosotsiologicheskoye issledovaniye) [Family traditions and socio-cultural image of the Kazakhs. Almaty and Taraz (ethnosociological research) Almaty]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Almaty [in Russian].
- 3 Stasevich, I.V. (2011). *Sotsialnyy status zhenshchiny u kazakhov: traditsii i sovremennost* [The social status of women among the Kazakhs: traditions and modernity]. Saint Petersburg: Nauka [in Russian].
- 4 Masanov, N.E., Abylkhozhin, Zh.V., Yerofeyeva, I.V., Alekseyenko, A.N., & Baratova, G.S. (2001). *Istoriia Kazakhstana: narody i kultury* [History of Kazakhstan: peoples and cultures]. Almaty: Dyke Press [in Russian].
- 5 Rybakovskiy, L.L. (1995). Mihratsionnyy obmen naseleniyem mezhdru Tsentralnoi Azii i Rossiiei [Migrant population exchange between Central Asia and Russia]. *Sotsiologicheskiiye issledovaniia – Sociological studies*, 9, 92–105 [in Russian].
- 6 Laryuel', M., & Peyruz, S. (2007) «Russkii vopros» v nezavisimom Kazakhstane: istoriia, politika, identichnost [«Russian question» in independent Kazakhstan: history, politics, identity]. Moscow: Natalis [in Russian].
- 7 Kazakhstan v tsifrakh. Zhurnal «Vlast» [Kazakhstan in numbers. Magazine «Power»]. *vlast.kz*. Retrieved from <https://vlast.kz/strana/18257-kazahstan-v-cifrah-statistika-za-11-iula-2016-goda.html> [in Russian].

ПСИХОЛОГИЯНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

ACTUAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY

UDC 159.9.07

M.C. Chung¹, R.Sh. Sabirova², M.M. Umurkulova²

¹*Chinese University of Hong Kong, China;*

²*Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan*

(E-mail: happiness770108@mail.ru)

The interrelationship between policemen's coping strategies and features of emotional intelligence

The urgency of the problem considered in the article is the insufficient illumination in the domestic psychological literature of the issues of coping behavior in the context of connection with emotional intelligence. Emotional intelligence is understood as the ability to understand emotions, manage them, build adequate interpersonal relationships. The author gave the analysis of the concepts of «coping», «stress-overcoming behavior», «strategy of coping behavior». In the course of theoretical and empirical study patterns of formation and functioning of stress-overcoming behavior were identified, the relationship between coping and the specifics of the components of emotional intelligence was indicated. A qualitative characteristic of coping was given, which combines the important indicators of personal competence and the success of interaction in professional activities; the relationship between coping behavior and emotional intelligence of law enforcement officers in terms of a systematic approach was determined. The relationship of psychological conditions for the success of social adaptation through the system of coping behavior is considered. It is proved that stress-overcoming behavior is one of the important psychological factors for ensuring the effectiveness of professional activity in extreme conditions. It is revealed that the structure and content of strategies of overcoming behavior are under the determining influence of the abilities and skills that form the emotional intelligence of the individual. Social adaptation of individuals with highly developed emotional intelligence is a complex personality trait that relies primarily on the ability to control one's own emotions, to motivate oneself to master the skills of emotionally saturated and regulated behavior, to recognize the emotions of other people, and generally to highly developed emotional intelligence as integral personal ability. Persons with high coping potential are endowed with great opportunities for social and psychological adaptation in various conditions of activity.

Keywords: stress, coping strategy, stress-overcoming behavior, emotional intelligence, coping behavior.

Fundamental changes taking place in modern society, scientific and technical progress, the widespread introduction of information technologies, automation and computerization of production have led to the complication of production processes, to increased requirements for the subject of labor. The global nature of such changes and the ambiguity of their consequences sharpen the attention of the scientific community to the problem of occupational stress. The increase in the number of stressful diseases, in particular, the psychosomatic nature, the increase in unemployment, various forms of violation of a person's psychological well-being, associated with professional burnout and deformation of a person, including professional deviations, are assessed as a serious threat to both the quality of life of an individual and the functioning of society as a whole.

Today, researchers of various theoretical and applied areas of psychology are engaged in developing issues of coping behavior as a field of study, located at the intersection of general, social, age psychology and work psychology, and addressing the problems of regulation and productivity of behavior, personal

development, mental and physical well-being in stressful situations. This direction is closely related to the applied aspects of providing practical assistance to people in a difficult life or professional situation.

The key point in the understanding of coping behavior is the realization that not only the characteristics of stress, but also the characteristics of the coping personality have a significant impact on the adaptability and productivity of the subject. The effectiveness of performance is achieved not only by professional knowledge and skills, but also the characteristics of coping behavior. Inability to cope with stress, manage their own behavior in special life or service situations reduces the efficiency of the performance of official duties [1; 28].

Legal psychology in the study of professional labor of employees in the field of law also addresses the issue of coping behavior. The interest in this problem is connected with the peculiarities of the activities of workers in the legal industry, which takes place in specific, sometimes extreme conditions and is exposed to various negative factors. These factors include: unpredictability and excess of the performed tasks, high social responsibility for the results of a lawyer's work, work with a lack of time and information, close personal communication with various population groups, strict regulation of work by legislation and public norms, etc. Thus, the legal profession orientation are stressful in nature, requiring the employee to mobilize all available psychological resources [2; 54].

Long and intense functioning in difficult extreme conditions leads to a decrease in the adaptation potential of the individual, intra- and interpersonal conflicts, professional deformation of the personality, disciplinary violations and official deviations. The risk of various types of depression, psychosomatic disorders, addiction, aggression, etc. increases [3; 56]. In this regard, the scientific and psychological substantiation of the phenomenon of coping behavior of legal labor specialists, the determination of basic coping strategies, internal and external coping resources of employees, the development of psychodiagnostic procedures and psychocorrection of coping behavior are among the most pressing issues of legal psychology [4; 281].

The problem of coping behavior originated in psychological studies that studied the question of methods of psychological protection in difficult life situations. N. Haan (1977), for example, considered coping as one of the types of protective behavior. According to some authors (R. Atkinson, H. Dogs, E. Hilgard, E.N. Yurasova, and others), the defense mechanism is «inward» and the coping behavior is «outward». Other authors, such as F.E. Vasilyuk, believed that the essence of protective processes is to provide time to prepare for more mature, productive ways of stress-overcoming behavior. Coping researchers (I. Chekhlaty, B.D. Karvasarsky, V.A. Tashlykov, I.R. Abitov) argue that the difference between coping and protective behavior lies in the fact that coping mechanisms are active, flexible and conscious, have a social orientation., and defense processes are unconscious, rigid, passive, aimed at achieving their own well-being and serve to emotionally alleviate the traumatic situation. In addition, during the defense, the situation is resolved «here and now», and coping has a time perspective.

The study of coping behavior in foreign psychological literature has a rich history. Among the most famous studies it is necessary to mention the works that study the mechanisms of action of coping strategies (M. Jerusalem, J. Mattlin, R. Lazarus, S. Volkman, R. Schwarzer), their connection with coping resources (A. Billings, R. Moos), other psychological characteristics (J. Birkimer, D. Galakher, M. Petrosu). No less popular are the studies that determine the styles of coping behavior (J. Amirkhan, J. Weintraub, P. Vitalino, K. Carver, E. Heim, M. Scheyer) and their influence on adaptation processes (M. Beiler, M. Johnston, C. Partridge, D. Terry, N. Kjuiper, K. Nakano), as well as their age (D. Guttman, G. English, P. Costa, R. McCrae) and sex (M. Seyfege-Krenke, F. Blanchard-Feldes, L. Sulsky) differences.

In Russian psychological science, the concept of coping began to take shape in the 90s. Russian scientists have proposed their own interpretation of coping, which took shape in terms of synonyms «coping», «coping behavior», «overcoming behavior». Early works on this issue include the studies of V.V. Arshavsky, R.A. Zachepitsky, N.V. Ivanova, V.S. Merlin, K.K. Platonova, Z.S. Razumova, V.S. Rotenberg, V.A. Tashlykova. The term «condominium» first appears in the works of L.I. Antsyferova, E.I. Chekhlatoy, N.A. Orphans, V.M. Yaltonsky, E.R. Isaeva etc. A great contribution to the study of coping or coping behavior was made by V.A. Bodrov, N.E. Vodopyanova, E. Starchenkova, T.L. Kryukova, E.A. Sergienko and others.

In the Republic of Kazakhstan, Kasin G.A., is engaged in the study of coping strategies (coping behavior of adolescents), B.K. Zhumagaliyeva, E.I. Barabanov (military coping strategies), S.B. Abdeeva, M.A. Schmidt, A.D. Korneev (effectiveness of students coping strategies), E.V. Dergacheva (ethnic aspects of coping) and others. However, despite the considerable amount of work on the problem under considera-

tion, they insufficiently reveal the complex nature of the phenomenon of coping, are staged and often do not have empirical verification.

The choice of a way to relieve stress depends on many factors. Among them are the characterological features of the subject, his social environment, cognitive features, value-semantic sphere of the personality. One of the key factors in choosing a coping strategy is the success of a person's social adaptation in both everyday and professional life.

The effectiveness of adaptation essentially depends on how the subject adequately perceives itself in the surrounding world, how successfully it builds social relations, how much the subject is ready and able to change its behavior according to the demands of communication [5; 14]. The work of many domestic and foreign authors (N.E. Vodopyanova, K.A. Abulkhanova-Slavskaya, L.I. Antsyferova, A.N. Demin, G. Selye, L.G. Dikaya, A.N. Leontyev, V.I. Medvedev, V.A. Petrovsky, G. Vaillant, etc.).

In contrast, social adaptability as one of the components of coping behavior that ensures the success of a person finding and using social resources depends largely on the extent to which a person is able to recognize other people's own emotions and emotions and consciously control them. In other words, the social resource of coping behavior depends on the level of formation of the subject of emotional inattention.

In recent years, the study of the phenomenology of emotional intelligence is developing more and more actively in psychological science. Foreign authors, one of the first drew attention to this issue, are S. Schechter, J. Singer, J. Mayer, P. Salovey, R. Bar-On, etc. Among the recent works devoted to the problem of emotional intelligence can be identified research of D.V. Lyusina, E.A. Sergeenko, S.S. Belova, D.V. Ushakova, I.N. Andreeva and others. Their theoretical and practical developments indicate a marked increase in relevance and great practical significance of research in this area [6; 30].

The considerable diversity of concepts and approaches to psychology in coping behavior, on the one hand, and the representation of a large number of different social interpretation principles, on the other, speaks of the complexity of the phenomenon of coping behavior and its dependence on many factors. However, in the context of coping behavior, emotional intelligence has hardly been studied. Establishing the influence of various conditions and components of emotional intelligence on coping and social adaptation strategies can be viewed as a step towards solving this problem, which justifies the relevance of our graduate research.

In connection with the aforementioned goal of the study, the establishment of the relationship of the psychological characteristics of coping behavior with the abilities and skills that form the emotional intelligence of the individual is favored.

The following research hypothesis is put forward: the structure and content of strategies for overcoming behavior are under the determinative influence of the abilities and skills that form the emotional intelligence of the individual.

In order to identify the features of coping styles among law enforcement officers and establish the specifics of their relationship with emotional intelligence, we conducted a study in which 58 police officers from Karaganda took part.

To test the hypothesis of the study, we used the following methods:

1. «Coping behavior in stressful situations» by N. Endler in the adaptation of T.L. Kryukova. According to the author of the methodology, the main reactions to an emergency can be grouped into three groups [7; 11]:

A. Problem-oriented coping (POC) is an adaptive strategy focused on finding adequate ways to overcome the problem. It is aimed at a conscious and active desire at the cognitive and behavioral level to influence the outcome of circumstances. A comprehensive analysis of the current situation, the search for cause-and-effect relationships, the active involvement of coping resources to solve the problem allow us to consciously and objectively comprehend the situation and successfully adapt to it.

B. Emotionally-oriented coping (EOC) is aimed at affective response when it is impossible to control circumstances. This strategy allows you to relieve emotional stress, but does not allow to eliminate the stress factor, therefore, this strategy is referred to as relatively adaptive strategies.

C. The strategy of avoiding problems is the least adaptive coping style, because ignoring the problem and refusing to find ways to overcome it only aggravates an unfavorable situation. Avoiding the problem involves the subject moving away from awareness, acceptance and change of stress factors. Avoiding a problem, individual leaves from negative experiences do not accept responsibility for it [8; 81].

2. Questionnaire «Emin» («Emotional Intelligence») D. Lyusina. The scales of the questionnaire explore interpersonal emotional intelligence, which consist of such components as the intuitive

understanding of others' emotions, understanding of others' emotions through expression, the general ability to understand others' emotions; intrapersonal emotional intelligence, which includes awareness of one's emotions, control of one's emotions, control of expression.

Analysis of coping strategies of police officers showed that in this group of subjects there are various options for coping behavior (Fig. 1).

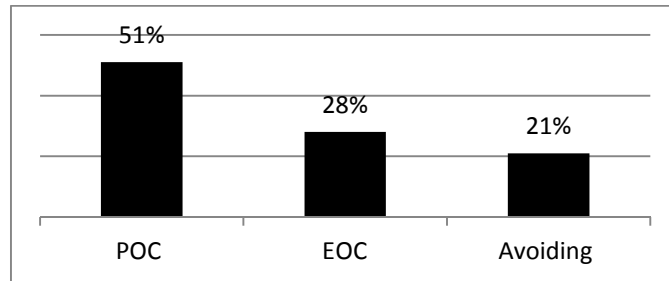

Figure 1. General indicators of basic strategies in the sample of policemen

About half of the sample of police officers (51 %) show problem-oriented coping behavior. The choice of problem-oriented coping depends on the possibility of an objective analysis of a specific problem task, its significance and complexity; from the assessment of coping resources necessary for coping with the stressor — knowledge, intellectual and physical data, family, friendly support, etc.

28 % of police in stressful situations resort to emotionally-oriented coping behavior. Emotion-oriented coping is a relatively adaptive strategy, focused on the emotional response of the situation. The most common emotional manifestations observed in this coping are: protest, optimism, suppression of emotions, humility, aggression, self-accusation. High performance on this strategy suggests a significant immersion in emotional experiences and inability to focus and focused analysis of the situation.

Coping «Avoidance» is observed in 21 % of subjects. This coping is the least constructive of the strategies outlined by N.S. Andler [9; 45]. There is a departure from cognitive analysis, emotional comprehension, and active behavioral actions. Avoidance includes active actions (substitution, compensation) and passive (solitude, fantasy).

Thus, police officers according to the criterion of success of coping can be divided into 3 groups: the first group — employees with adaptive problem-oriented coping behavior (51 %), the second group with relatively adaptive emotional coping (28 %) and the third — test subjects with a non-adaptive avoidance style of coping behavior (21 %).

A study of the characteristics of emotional intelligence reveals the following (Fig. 2):

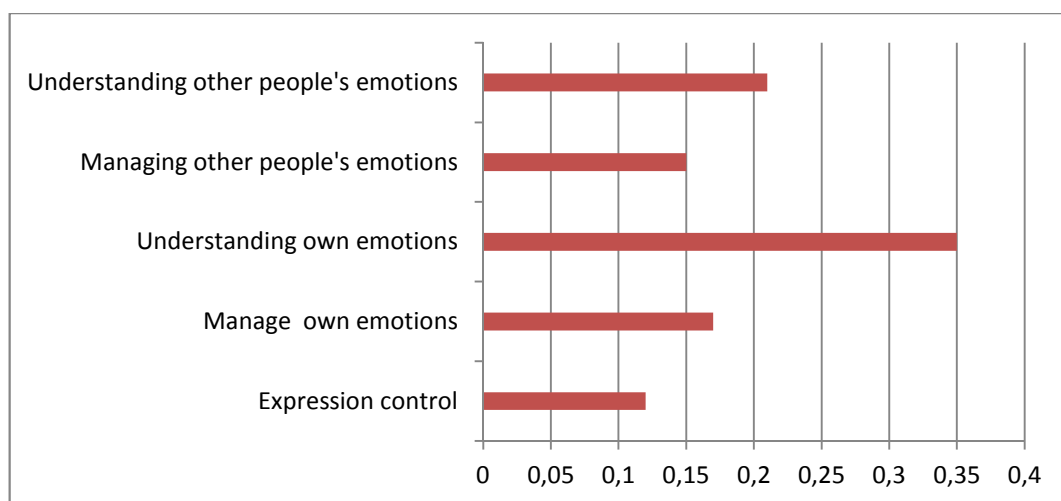

Figure 2. General indicators of emotional intelligence in a sample of police

Correlation analysis (Table) found that there are statistically significant links between coping behavior strategies and the emotional intelligence of the subjects.

In the course of the study, we identified a significant positive relationship between the coping problem orientation and a high level of ability to understand one's own ($r = 0.383$) and other people's emotions ($r = 0.349$), control one's emotions ($r = 0.443$) and a negative relationship with expression control ($r = -0,299$). Emotionally-oriented coping was positively associated with high expression control ($r = 0.333$), negatively associated with a low level of control with both its own ($r = -0.319$) and other people's emotions ($r = -0.402$). The coping strategy «Avoidance» turned out to be significantly positively associated with the understanding of one's emotions ($r = 0.399$), but negatively related to the ability to understand and control other people's emotions ($r = -0.294$) and control them ($r = -0.288$).

The choice of problem-oriented coping depends on the possibility of an objective analysis of a specific problem task, its significance and complexity; from the assessment of coping resources needed to cope with a stressor. Correlation analysis shows that the more meaningful for the subjects the ability to understand their own emotions and the emotions of the people around them, the more developed the problem-oriented coping, and the more optimal way to overcome stress. Awareness of their own experiences and reflections, their skillful correlation to the affective manifestations of other people are significant for police officers and contribute to the development of optimal behavior in a stressful situation [10; 48].

Table

Correlation coefficients of r-Pearson coping adaptability indicators and components of emotional intelligence

Basic coping styles	Components of Emotional Intelligence				
	Understanding other people's emotions	Managing other people's emotions	Understanding own emotions	Manage own emotions	Expression control
Problem-oriented coping	0,349*	-0,040	0,383*	0,443*	-0,299*
Emotionally-oriented coping	- 0,402*	0,091	0,190	- 0,319*	0,333*
The strategy of avoiding problems	-0,294*	- 0,288*	0,399*	-0,195	0,017

Note: «*» — Correlation is significant at the 0.05 level (2-tailed).

The higher the expression level of expression control, the stronger the emotional aspect of adaptation and the lower the level of coping behavior. High performance on this strategy suggests a significant immersion in emotional experiences and inability to focus and focused analysis of the situation. This leads to an increase in the emotional component of coping, to increased control over one's statements and feelings, and, consequently, to a decrease in the effectiveness of coping behavior.

The more developed the understanding of their emotional experiences, the higher the avoiding coping strategy, the more passive the staff in a stressful situation.

Analysis and interpretation of the results of the study lead to the following conclusion: the nature of professional motivation and the level of its formation significantly affect the success of employee behavior under stress. The data shows that the more professional and cognitive motives are formed, the more successful the coping. Coping behavior, focused on the successful resolution of a stressful situation, is determined by the focus on the development of professional competence, a high level of professionalism and cognitive motives.

Thus, the level of formation of emotional coping acts as a determining factor in the success of coping behavior. The results of the study showed that the hypothesis put forward by the authors was confirmed. The police officers with high coping potential are endowed with great opportunities for social and psychological adaptation in various conditions of activity, and also have more chances than to restore the functional state of the body and return to normal life after exposure to extreme situations.

Based on the results obtained in the course of the research, the following practical recommendations can be formulated for the formation of effective coping behavior strategies among police officers:

1. When selecting employees to the ranks of law enforcement and human rights bodies and determining the professional suitability of employees, it seems appropriate to include in the program of diagnostics methods for identifying coping behavior of candidates in the series of these structures.

2. The results of the study of coping behavior contribute to the timely identification and prevention of professional burnout, professional deformation and deviant behavior of police officers and legal profes-

sions. Therefore, monitoring of coping resources should be carried out at various stages of employee professionalization.

3. In the work on the correction of the individual's coping behavior, it is recommended to use techniques aimed at developing adequate self-esteem, positive emotional attitudes towards their professional activities, and changing forms of emotional responses in stressful situations.

4. The results of the dissertation research expand the theoretical and empirical basis of the research topic and can be included in the development of such disciplines as legal psychology, penitentiary psychology, psychology of professional development.

References

- 1 Нартова-Бочавер С.К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности / С.К. Нартова-Бочавер // Психологический журнал. — 1997. — № 3. — С. 20–30.
- 2 Рассказова Е.И. Копинг-стратегии в психологии стресса / Е.И. Рассказова, Т.О. Гордеева. — М.: Литера, 2014. — 354 с.
- 3 Сирота Н.А. Преодоление эмоционального стресса подростками: модель исследования / Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский // Обзор психиатрии и медицинской психологии. — 1993. — № 1. — С. 53–60.
- 4 Лебедев И.Б. Психологические механизмы, стратегии и ресурсы стресс-преодолевающего поведения / И.Б. Лебедев. — СПб.: Питер, 2002. — 432 с.
- 5 Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни / Т.Л. Крюкова. — Кострома, 2005. — 245 с.
- 6 Абдеева С.Б. Формирование эффективных копинг-стратегий у студентов / С.Б. Абдеева. — Киев: VIP, 2013. — 269 с.
- 7 Лазарус Р. Совладание / Р. Лазарус — СПб.: Питер, 2003. — 46 с.
- 8 Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект: исследования феномена / И.Н. Андреева // Вопросы психологии. — 2016. — № 3. — С. 78–86.
- 9 Солдатов В.И. Особенности и прогнозирование стресс-преодолевающего поведения / В.И. Солдатов. — СПб.: Питер, 2009. — 55 с.
- 10 Гоулман Д. Эмоциональный интеллект / Д. Гоулман. — Владимир: ВКТ, 2009. — 478 с.

М.С. Чунг, Р.Ш. Сабирова, М.М. Умуркулова

Полиция қызметкерлерінің копинг-стратегиялары мен эмоциялық зерде ерекшеліктері арасындағы байланыс

Бүгінгі күнге орай психологияның әртүрлі теориялық және практикалық салаларының зерттеушілері жалпы, әлеуметтік психология, даму және еңбек психология түйісінде орын алатын стресске қарсы тұруға бағытталған жүріс-тұрыс мәселелерін анықтауды мақсатталған. Олар стресс жағдайларында жүріс-тұрысты реттеу және нәтижесін жоғарлатудың, тұлғалық дамудың, психикалық және физикалық саулықтың сұрақтарын қарастыруда. Бұл бағыт жалпы өмірлік және кәсіби қиын жағдайларға түскен кісілерге практикалық көмек көрсетудің іс жүзіндегі аспектілерімен байланысты. Заң психологиясы заң саласында қызмет атқарушылардың кәсіби еңбегін зерттеу кезінде копингтік жүріс-тұрыс сұрақтарына назар аударады. Бұл мәселеге деген қызығушылық заң саласы қызметкерлерінің ерекше, кейбір кезде төтенше жағдайда өтетінімен, әртүрлі жағымсыз факторлар әсеріне ұшырайтын іс-әрекеттерінің ерекшеліктерімен байланысты. Мақалада заң саласында қызмет атқаратын мамандар қылықтарының копинг-стратегиялары мен эмоционалдық зерде ерекшеліктері арасындағы байланыс қарастырылады. Сонымен қатар «копинг», «копинг-стратегия», «стресті жеңуге бағытталған әрекет» сияқты ұғымдарды талдауға бағытталады. Теориялық және эмпирикалық зерттеу арқылы стресті жеңуге бағытталған копингтің қалыптасуы мен дамуы айқындалады, оның эмоционалдық білімдер мен қалыптар арақатынасы көрсетіледі. Стресті жеңуге бағытталған копингтің экстремалды, шектен шығатын ерекше жұмыс жағдайында қызмет атқару тиімділігін қамтамасыз ететін факторы болып табылатыны дәлелденген. Тұлғалық біліктіліктің және кәсіби іс-әрекеттегі өзара қарым-қатынастың маңызды көрсеткіштерін өз бойында біріктіретін копинг-стратегиясының сапалы сипаттамасы берілді. Стресті жеңуге бағытталған жүріс-тұрыс жүйесі арқылы кәсіби іс-әрекет жемістілігінің психологиялық шаралардың өзара байланыстары қарастырылды. Стресті жеңуге бағытталған жүріс-тұрыс стратегияларының құрылымы мен мазмұны тұлғаның эмоциялық зердені қалыптастыратын қабілеттер мен икемділіктердің шарттаушы әсерінде болатыны айқындалған.

Кілт сөздер: копинг-стратегия, эмоционалдық білімдер мен қалыптар, эмоциялық зерде.

М.С. Чунг, Р.Ш. Сабирова, М.М. Умуркулова

Взаимосвязь копинг–стратегий и особенностей эмоционального интеллекта у сотрудников полиции

Актуальность рассматриваемой в статье проблемы заключается в недостаточной освещенности в отечественной психологической литературе вопросов совладающего поведения в контексте связи с эмоциональным интеллектом. Эмоциональный интеллект понимается как способность понимать эмоции, управлять ими, выстраивать адекватные межличностные отношения. Авторами дан анализ понятиям «копинг», «стресс-преодолевающее поведение», «стратегия копинг-поведения». В ходе теоретического и эмпирического изучения выявлены закономерности формирования и функционирования стресс-преодолевающего поведения, обозначена взаимосвязь копинга со спецификой компонентов эмоционального интеллекта. Дана качественная характеристика совладания, которая объединяет в себе значимые показатели личностной компетентности и успешности взаимодействия в профессиональной деятельности; определена зависимость между совладающим поведением и эмоциональным интеллектом сотрудников правоохранительных органов с точки зрения системного подхода. Рассмотрена связь психологических условий успешности социальной адаптации через систему копинг-поведения. Доказано, что стресс-преодолевающее поведение является одним из важных психологических факторов обеспечения эффективности профессиональной деятельности в экстремальных условиях. Выявлено, что структура и содержание стратегий преодолевающего поведения находятся под детерминирующим влиянием способностей и умений, образующих эмоциональный интеллект личности. Социальная адаптация лиц, обладающих высокоразвитым эмоциональным интеллектом, является комплексным свойством личности, опирающимся преимущественно на способности управлять собственными эмоциями, мотивировать себя на овладение навыками эмоционально насыщенного и регулируемого поведения, распознавать эмоции других людей, а также в целом на высокоразвитый эмоциональный интеллект как интегральную личностную способность. Лица, обладающие высоким копинг-потенциалом, наделены большими возможностями к социально-психологической адаптации в разнообразных условиях деятельности.

Ключевые слова: стресс, копинг-стратегия, эмоциональный интеллект, стресс-преодолевающее поведение.

References

- 1 Nartova-Bochevar, S. K. (1997). «Coping-behavior» v sisteme poniatii psikhologii lichnosti [Coping behavior in the system of concepts of psychology of personality]. *Psichologicheskii zhurnal – Psychological magazine*, 3, 20–30 [in Russian].
- 2 Rasskazova, E.I., & Gordeeva, T.O. (2014). *Copih-stratehii v psikhologii stressa [Coping strategies in the psychology of stress: approaches, methods and perspectives]*. Moscow: Litera [in Russian].
- 3 Sirota, N.A., Eltonsky, V.M. (1993). Preodolenie emotsionalnoho stressa-podrostkami: model issledovaniia [Overcoming emotional stress by teenagers: model of research]. *Obozrevatel psichiatrii i meditsinskoj psikhologii – Columnist of the psychiatry and psychology*, 1, 14, 15 [in Russian].
- 4 Lebedev, I.B. (2002). *Psikhologicheskie mekhanizmy, stratehii i resursy stress-preodolevaiushcheho povedenia [Psychological mechanisms, strategies and resources for overcoming stress behavior]*. Saint-Petersburg: Peter [in Russian].
- 5 Kryukova, T.L. (2005). *Psikhologhiia sovladaiushcheho povedeniia v raznye periody zhizni [Psychology of coping behavior in different periods of life]*. Kostroma [in Russian].
- 6 Abdeeva, S.B. (2013). *Formirovanie effektivnikh copinh-stratehii u tudentov [Formation of effective coping strategies among students]*. Kiev: VIP [in Russian].
- 7 Lazarus, R. (2003). *Sovladanie [Coping]*. Saint Petersburg: Piter [in Russian].
- 8 Andreeva, I.N. (2016). Emotsionalnyi intellekt: issledovaniia fenomena [Emotional intelligence: a study of the phenomenon]. *Voprosy psikhologii – Questions of psychology*, 3, 78–86 [in Russian].
- 9 Soldatov, V.I. (2009). *Osobnosti i prohnosirovaniia stress-preodolevaiushcheho povedeniia [Features and prediction of stress overcoming behavior]*. Saint Petersburg: Piter [in Russian].
- 10 Goleman, D. (2009). *Emotsionalnyi intellekt [Emotional Intelligence]*. Vladimir: VKT [in Russian].

Е.А. Лазарева

*Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан
(E-mail: elena.lasareva@mail.ru)*

Исследование профессиональных установок и системы саморегуляции в раннем юношеском возрасте

В статье рассмотрена проблематика профессиональных установок и саморегуляции в ранней юности. Новизна проведенного исследования заключается в попытке соотнести эти психологические явления и выявить их гендерную специфику. Показано, что у большинства учащихся система саморегуляции имеет высокий уровень сформированности. Построены профили школьников с высоким и средним уровнем сформированности системы саморегуляции; отмечены ее стороны, нуждающиеся в развитии или компенсации. Выявлено, что больший процент старшеклассников с высокоразвитой системой саморегуляции имеет такую профессиональную установку, как «высокая самооценка». Обнаружено, что различия в профессиональных установках между девушками и юношами не являются значимыми. В процентном соотношении большее количество девушек имеет высокоразвитую систему саморегуляции по сравнению с юношами.

Ключевые слова: ранняя юность, профессиональное самоопределение, профессиональные установки, система саморегуляции.

В психологии ранняя юность рассматривается как возрастной период протяженностью от 15 до 18 лет [1; 264]. В этом возрасте старшеклассники формируют представления о своем будущем, выстраивают планы, осознают возможности их реализации, анализируют собственные качества, осмысливают права и обязанности взрослого человека и т.д. [2; 102].

Перед юношеством общество ставит еще одну важную задачу — профессионального самоопределения. Профессиональное самоопределение можно рассматривать как готовность к выбору профессии. Оно характеризуется как «устойчивая целостная система профессионально важных качеств личности», среди которых можно назвать положительное отношение к выбранной профессиональной деятельности, наличие необходимых знаний, умений, навыков [3; 31]. Психологическая готовность к выбору профессии тесно связана, с одной стороны, со сформированностью профессиональных установок. По мнению И.М. Кондакова, в профессиональных установках выражается готовность индивида принимать профессионально важные решения [4].

С другой стороны, для принятия подобных решений у старшеклассников должна быть в достаточной степени развита система саморегуляции. О.А. Конопкин определяет саморегуляцию как «системно организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению всеми видами и формами внешней и внутренней произвольной активности», которая направлена на реализацию принимаемых человеком целей [5]. Иными словами, старшеклассник должен уметь самостоятельно выдвигать цели, исследовать условия их достижения, выбирать оптимальные способы, контролировать и корректировать результаты [6; 37].

На пересечении проблематики профессиональных установок и саморегуляции мы увидели точку приложения своих исследовательских возможностей.

Цель работы заключалась в том, чтобы изучить профессиональные установки и систему саморегуляции в ранней юности, выявить их гендерные особенности.

Были сформулированы следующие гипотезы:

1. Доминирующей профессиональной установкой в ранней юности является «Высокая самооценка».
2. У старшеклассников преобладает в процентном отношении высокий уровень сформированности системы саморегуляции.
3. Больший процент девушек по сравнению с юношами имеет высокоразвитую систему саморегуляции.

В исследовании приняли участие 60 учащихся 11-х классов общеобразовательных школ (по 30 юношей и девушек) в возрасте 17–18 лет.

В качестве методического инструментария были использованы:

1. «Опросник профессиональных установок» И.М. Кондакова [4].
2. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой [7].

На первом этапе исследования мы определили, какие профессиональные установки преобладают у старшеклассников. Полученные результаты представлены на рисунке 1.

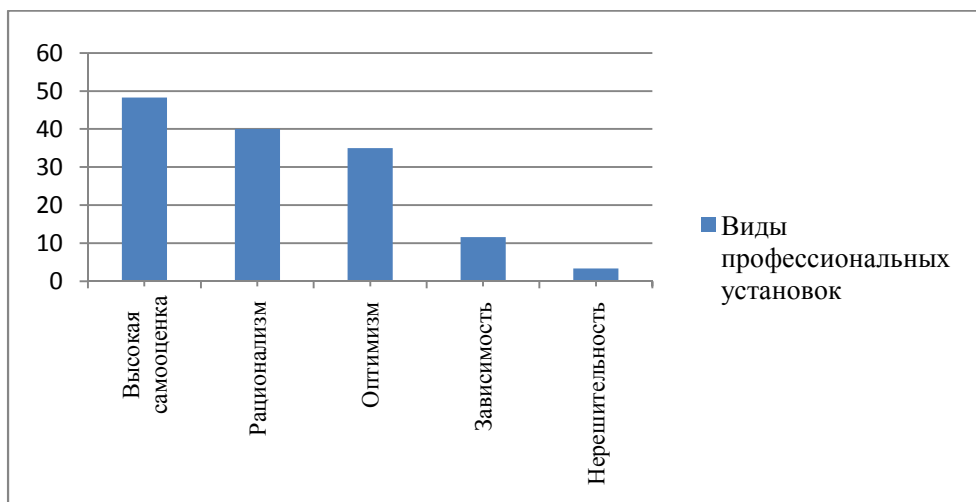

Рисунок 1. Выраженность профессиональных установок у старшеклассников (в %)

У наибольшего количества респондентов преобладает установка «Высокая самооценка» (48,3 %; 29 учащихся). Она характеризует данную группу старшеклассников как обладающих завышенной самооценкой, верой в свои силы и способности, чрезмерным доверием своему субъективному впечатлению, настойчивостью и готовностью к преодолению трудностей. Подобные особенности являются возрастными и свойственны именно для периода ранней юности. Думается, что наличие данной установки позитивно сказывается на выборе профессии, поскольку старшеклассники могут выстраивать самые смелые профессиональные перспективы. Это расширяет спектр профессионального выбора.

Низкие значения этого фактора отмечены у 6,7 % старшеклассников (4 человека). Они могут свидетельствовать о заниженной самооценке и наличии неудачного опыта решения жизненных задач.

У второй по численности группы школьников выражен «Рационализм профессионального выбора» (40 %; 24 человека). Данная установка предполагает рассудительность, отсутствие импульсивности при принятии решений, готовность действовать по плану после основательных размышлений.

Не готовы рационально подойти к выбору профессии 10 % учащихся (6 человек) с низкими баллами по данной шкале.

Установка «Оптимизм в отношении профессионального будущего» доминирует у 35 % будущих выпускников (21 человек). Им свойственна идеализация, «юношеский максимализм», чувство избранности, ощущение, что все проблемы могут быть разрешены.

Не склонны к излишней идеализации и оптимизму 45 % старшеклассников (27 человек).

«Зависимость в профессиональном выборе» преобладает у небольшого количества учащихся — 11,7 % (7 человек). Она характеризует данных старшеклассников как несамостоятельных, податливых, зависимых от других, социально незрелых.

Наименьшее количество учеников (3,4 %; 2 человека) проявляет нерешительность в профессиональном выборе. Они не уверены, не имеют четких представлений и критериев, касающихся профессионального развития, недостаточно информированы о мире профессий.

Анализ данных не показал существенных различий между девушками и юношами (табл. 1). У наибольшего количества юношей (50 %; 15 человек) и девушек (46,7 %; 14 человек) сформирована установка «Высокая самооценка».

Т а б л и ц а 1

Преобладающие профессиональные установки у девушек и юношей (в %)

Преобладающая установка	Девушки	Юноши
Высокая самооценка	46,7	50
Рационализм профессионального выбора	46,7	33,3
Оптимизм в отношении профессионального будущего	33,3	36,6
Зависимость в профессиональном выборе	13,3	10
Нерешительность в профессиональном выборе	3,3	3,3

Такому же количеству девушек присущ «Рационализм профессионального выбора». Эта установка находится на третьем месте у юношей (33,3 %; 10 человек).

Установка «Оптимизм в отношении профессионального будущего» отмечена у 33,3 % девушек. У юношей она располагается на втором месте (36,6 %; 11 человек).

«Зависимость в профессиональном выборе» обнаружена у 13,3 % девушек и 10 % юношей (4 и 3 человека соответственно).

«Нерешительность в профессиональном выборе» отмечена лишь у 1 девушки и 1 юноши (по 3,3 %).

Заметим, что у некоторых учащихся в одинаковой степени выражены 2 или 3 установки. Среди девушек — это 36,6 % (11 человек), среди юношей — 26,7 % (8 человек). Характерно, что у тех и других сочетаются установки «Высокая самооценка», «Рационализм профессионального выбора» и «Оптимизм в отношении профессионального будущего», не противоречащие друг другу.

В целом, как у юношей, так и у девушек преобладают установки, свидетельствующие о готовности к профессиональному выбору («Высокая самооценка», «Рационализм профессионального выбора»). Примерно четверть юношей и девушек (26,7 %; 16 человек) скорее не готовы к зрелому выбору профессии: им свойственны установки «Оптимизм в отношении профессионального будущего», «Зависимость профессионального выбора» и «Нерешительность в профессиональном выборе». На наш взгляд, эти старшеклассники нуждаются в консультациях, направленных на профессиональную ориентацию.

На втором этапе были исследованы особенности системы саморегуляции старшеклассников. У всех членов выборки система саморегуляции развита на высоком или среднем уровне. Уровни представлены в соотношении 65 % (у 39 человек высокий уровень) и 35 % (у 21 человека средний уровень). Несформированная система саморегуляции не выявлена ни у одного учащегося.

По показателям саморегуляции отмечены некоторые гендерные различия (табл. 2). Среди девушек высокий уровень саморегуляции присущ 73,3 % (22 человека), тогда как среди юношей — 56,7 % (17 человек). Средний уровень саморегуляции отмечается у 26,7 % девушек (8 человек) и у 43,3 % юношей (13 человек).

Т а б л и ц а 2

Уровни саморегуляции у девушек и юношей (в %)

Уровни саморегуляции	Девушки	Юноши
Высокий	73,3	56,7
Средний	26,7	43,3
Низкий	-	-

Таким образом, девушки в большем процентном соотношении по сравнению с юношами обладают высокоразвитой системой саморегуляции.

Специфика саморегуляции юношей и девушек отражена в их усредненных профилях (рис. 2). По показателям шкалы «Планирование» различий между юношами и девушками нет. Результаты тех и других являются высокими. По шкалам «Моделирование» и «Программирование» различий также не обнаруживается, показатели лежат в среднем диапазоне. Различия имеются по показателю «Оценка результата». Его среднее арифметическое значение в группе юношей составляет 5,76, что является

средним результатом. В группе девушек среднее значение равно 6,1, что говорит о высоком уровне развития способности к оценке результатов собственной деятельности.

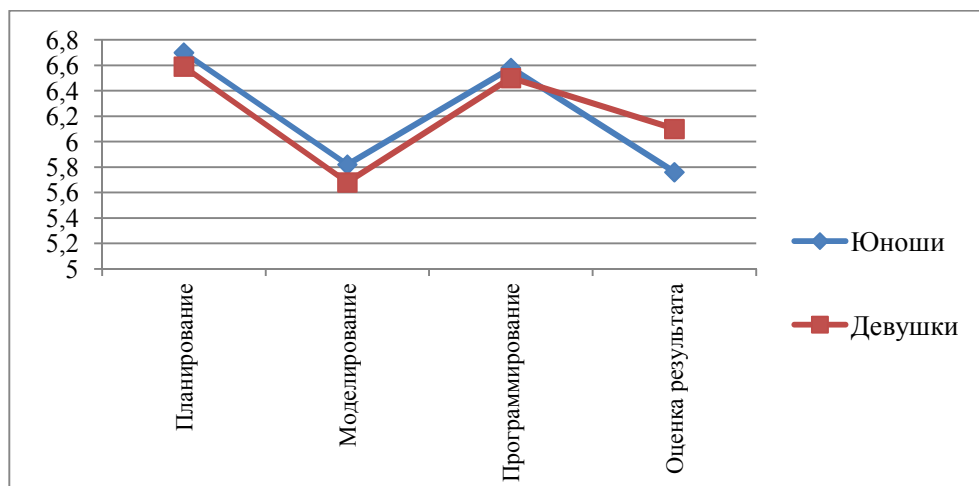

Рисунок 2. Профили девушек и юношей с высоким уровнем сформированности системы саморегуляции

Юноши и девушки с данными профилями обладают выраженной потребностью в планировании деятельности. Они подробно разрабатывают последовательность собственных действий, серьезно готовятся к значимым для них мероприятиям (например, к экзаменам, публичным выступлениям), много времени уделяют самоподготовке. Их планы содержат выстроенную систему дальних и ближних целей, до начала работы продуманы способы и пути их достижения.

Некоторые сложности могут возникать из-за среднего уровня развития процесса моделирования. Так, возможны затруднения с оценением внешних обстоятельств (например, требований учителей) и объективных условий выполнения задания (например, отведенного количества времени). Однако подобные затруднения зачастую компенсируются высокоразвитым процессом планирования. Ответственные ситуации заранее прогнозируются, выбираются способы и очередность действий, анализируется тактика поведения. Такие меры позволяют снизить тревожность и напряженность.

У девушек высокоразвитая способность к самооценке результатов способствует формированию адекватных критериев успешности. Девушки могут своевременно и объективно оценить расхождение между полученными результатами и ожидаемыми и вовремя скорректировать программу действий или разработать новую. У юношей эти способности представлены в средней степени.

На рисунке 3 представлены профили старшеклассников со средним уровнем саморегуляции. Несмотря на внешние отличия в профилях, результаты юношей и девушек сходны, так как лежат в пределах среднего диапазона.

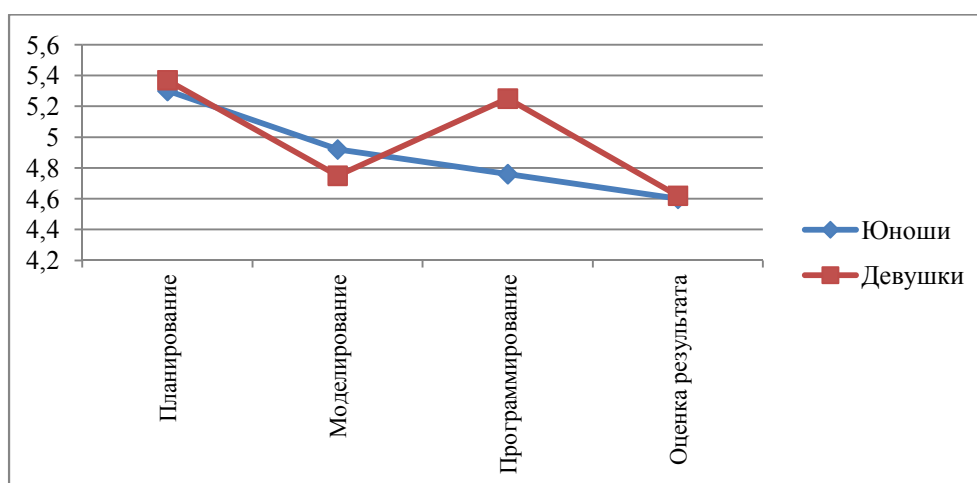

Рисунок 3. Профили девушек и юношей со средним уровнем сформированности системы саморегуляции

Для этой части выборки свойственно стремление к планированию, к обдумыванию способов и очередности действий, но из-за среднего уровня моделирования большое значение придается деталям и мелочам, при этом часто упускается главное. Поэтому цели, которые выдвигаются старшеклассниками, являются скорее мечтами. Могут возникать трудности с реализацией и перестройкой планов, например, при быстрых изменениях ситуации на экзамене, неожиданном повороте в ходе урока, при невозможности добиться нужных результатов. Внутренние условия выполнения деятельности, такие как самочувствие, собственные возможности, степень подготовленности, часто оцениваются неадекватно, что отрицательно сказывается на результатах. У учащихся могут возникать неуверенность в своих силах и возможностях, склонность к искажению реальной ситуации (усложнение или упрощение), переживания по поводу возможных неудач.

Средние показатели по шкале «Оценка результата» говорят о возможных трудностях формирования внутренних критериев оценки. Чаще такие учащиеся ориентируются на внешние критерии, заданные педагогом.

Для повышения общего уровня саморегуляции можно развивать в первую очередь звенья планирования и программирования. Например, можно использовать такие способы, как ведение ежедневника, составление расписания дня, плана подготовки к уроку и т.п.

Далее мы соотнесли результаты двух методик относительно всей выборки (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Соотношение профессиональных установок и уровней саморегуляции (в %)

Профессиональные установки	Уровень саморегуляции	
	Высокий	Средний
Высокая самооценка	38,3	10
Рационализм профессионального выбора	21,7	18,3
Оптимизм в отношении профессионального будущего	26,7	8,3
Зависимость в профессиональном выборе	5	6,7
Нерешительность в профессиональном выборе	1,7	1,7

Для обнаружения различий между группами учащихся с высокой и средней сформированностью саморегуляции был применен коэффициент углового преобразования Фишера. Значимые различия обнаружены между учащимися с установками «Высокая самооценка» и «Оптимизм в отношении профессионального будущего» ($F=4,767$ и $F=3,574$ при F критическом $=2,31$ на уровне значимости $0,01$ соответственно). Следовательно, значительно большее количество старшеклассников с высокоразвитой системой саморегуляции имеет эти две установки.

Сравнительные данные юношей и девушек приведены в таблице 4.

Т а б л и ц а 4

Соотношение профессиональных установок и уровней саморегуляции у девушек и юношей (в %)

Профессиональные установки	Уровень саморегуляции			
	Высокий		Средний	
	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши
Высокая самооценка	85,7	73,3	14,3	26,7
Рационализм профессионального выбора	71,4	30	28,6	70
Оптимизм в отношении профессионального будущего	70	81,8	30	18,2
Зависимость в профессиональном выборе	25	66,7	75	33,3
Нерешительность в профессиональном выборе	100	-	-	100

Для обнаружения различий между группами юношей и девушек мы вновь применили коэффициент углового преобразования Фишера. Для установки «Рационализм профессионального выбора» коэффициент равен $2,063$ при F критическом $1,64$ на уровне значимости $0,05$. Следовательно, девушек с высокоразвитой системой саморегуляции, имеющих данную установку, значительно больше ($71,4\%$;

10 человек), чем юношей (30 %; 3 человека). Различия в количестве юношей и девушек с высоким и средним уровнем саморегуляции, имеющих прочие профессиональные установки, несущественны.

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов:

1. Доминирующей профессиональной установкой в юношеском возрасте является «Высокая самооценка» (48,3 %; 29 учащихся).

2. Не имеется существенных гендерных различий в преобладающих профессиональных установках.

3. У большей части старшеклассников система саморегуляции сформирована на высоком уровне (65 %, 39 человек).

4. Девушки в большем процентном соотношении по сравнению с юношами обладают высоко-развитой системой саморегуляции (73,3 % и 56,7 % соответственно).

5. Значимо большее количество старшеклассников с высокоразвитой системой саморегуляции имеет профессиональные установки «Высокая самооценка» (38,3 %; 23 человека) и «Оптимизм в отношении профессионального будущего» (26,7 %; 16 человек).

6. Девушек с высоким уровнем развития саморегуляции, имеющих профессиональную установку «Рационализм профессионального выбора», значимо больше, чем юношей (71,4 %; 10 человек и 30 %; 3 человека).

Результаты проведенного исследования могут быть полезны школьным психологам для разработки и проведения профориентационных мероприятий, для подготовки рекомендаций и тренингов для старшеклассников по развитию системы саморегуляции и компенсации ее слабых звеньев. Эти психологические меры помогут будущим выпускникам школ в их успешном профессиональном самоопределении.

Список литературы

- 1 Шаповаленко И.В. Возрастная психология (психология развития и возрастная психология) / И.В. Шаповаленко. — М.: Гардарики, 2005. — 349 с.
- 2 Левшунова Ж.А. Возрастные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности в период ранней юности / Ж.А. Левшунова, Т.Ю. Артюхова // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. — 2015. — № 3–1. — С. 102–106.
- 3 Короткова К.С. Профессиональное самоопределение старшеклассников / К.С. Короткова, Н.В. Донских // Диалог культур — диалог о мире и во имя мира. — 2014. — № 1. — С. 31–36.
- 4 Кондаков И.М. Диагностика профессиональных установок подростков [Электронный ресурс] / И.М. Кондаков. — Режим доступа: <http://www.voppsy.ru/issues/1997/972/972122.htm>.
- 5 Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) [Электронный ресурс] / О.А. Конопкин. — Режим доступа: <http://www.voppsy.ru/issues/1995/951/951005.htm>.
- 6 Моросанова В.И. Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека / В.И. Моросанова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. — 2010. — № 1. — С. 36–45.
- 7 Моросанова В.И. Стилевая саморегуляция поведения человека [Электронный ресурс] / В.И. Моросанова, Е.М. Коноз. — Режим доступа: <http://hr-portal.ru/article/stilevaya-samoregulyaciya-povedeniya-cheloveka>.

Е.А. Лазарева

Ерте бозбалалық жастағы кәсіптік бағдарлар мен өзін-өзі реттеу жүйесін зерттеу

Мақалада ерте бозбалалық жастағы кәсіптік бағдарлардың және өзін-өзі реттеу жүйесінің мәселелері жан-жақты қарастырылды. Осы психологиялық құбылыстарды байланыстыру және олардың гендерлік ерекшелігін анықтау талпынысы өткізілген зерттеудің жаңалығы болып табылады. Жоғары сынып оқушыларында кәсіптік тандау жасауға дайындығы қалыптасқандығын бейнелейтін «өзін-өзі жоғары бағалау» атты кәсіптік бағдардың үстем болатындығы айқындалған. Оқушылардың көбісінде өзін-өзі реттеу жүйесі жоғары деңгейде қалыптасқаны көрсетілген. Өзін-өзі реттеу жүйесінің жоғары және орта деңгейде қалыптасқан оқушылардың бейіндері құрастырылған, олардың даму және өтеу қажеттілігі бар жан-жақтары белгіленген. Бойжеткен мен бозбалалардың кәсіптік бағдарлары арасындағы айырмашылықтары маңызды емес екендігі бейнеленген. Алайда пайыздық қатынаста бойжеткендердің, бозбалаларға қарағанда, өзін-өзі реттеу жүйесі жоғары дамығаны сипатталған.

Кілт сөздер: ерте бозбалалық жас, кәсіптік өзін-өзі айқындау, кәсіптік бағдарлар, өзін-өзі реттеу жүйесі.

Ye.A. Lazareva

Research of professional installations and self-regulation system in early youth

The article deals with the problems of professional installations and self-regulation in early youth. The novelty of the study is in an attempt to correlate these psychological phenomena and identify their gender specificity. It is shown that the majority of high school students have a self-regulation system, which is formed at a high level. The profiles of schoolchildren with high and medium level of self-regulation system development were built; its sides that need development or compensation are marked. It was revealed that a higher percentage of high school students with a highly developed self-regulation system has such a professional installation as «High self-esteem». It was found that the differences in professional installations between girls and boys are not significant. In a percentage, a greater number of girls have a highly developed system of self-regulation compared with boys.

Keywords: early youth, professional self-determination, professional installations, self-regulation system.

References

- 1 Shapovalenko, I.V. (2005). *Vozrastnaia psikhologhiia (psikhologhiia razvitiia i vozrastnaia psikhologhiia) [Age psychology (developmental psychology and age psychology)]*. Moscow: Hardariki [in Russian].
- 2 Levshunova, Zh.A., & Artuhova, T.Yu. (2015). Vozrastnye osobennosti osoznannoi samorehuliatsii proizvolnoi aktivnosti v period rannei yunosti [The age features of conscious self-regulation of determined activity in early youth]. *Vestnik Kemerovskoho gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Kemerovo State University, 3-1*, 102–106 [in Russian].
- 3 Korotkova, K.S., & Donskih, N.V. (2014). Professionalnoe samoopredelenie starsheklassnikov [Professional self-determination of high school students]. *Dialoh kultur — dialoh o mire i vo imia mira — Dialogue of cultures — dialogue about peace and in the name of peace, 1*, 31–36 [in Russian].
- 4 Kondakov, I.M. Diagnostika professionalnykh ustanovok podrostkov [Diagnostics of professional installations of adolescents]. *voppsy.ru*. Retrieved from <http://www.voppsy.ru/issues/1997/972/972122.htm> [in Russian].
- 5 Konopkin, O.A. Psikhicheskaia samorehuliatsiia proizvolnoi aktivnosti cheloveka (strukturno-funktsionalnyi aspekt) [Mental self-regulation of arbitrary activity of a person (structurally-functional aspect)]. *voppsy.ru*. Retrieved from <http://www.voppsy.ru/issues/1995/951/951005.htm> [in Russian].
- 6 Morosanova, V.I. Individualnye osobennosti osoznannoi samorehuliatsii proizvolnoi aktivnosti cheloveka [Individual features of conscious self-regulation of determined activity of human]. *Vestnik Moskovskoho universiteta. Seriya 14. Psikhologhiia — Moscow University Psychology Bulletin, 1*, 36–45 [in Russian].
- 7 Morosanova, V.I., & Kono, E.M. Stilevaia samorehuliatsiia povedeniia cheloveka [Styles self-regulation of human behavior]. *hr-portal.ru*. Retrieved from <http://hr-portal.ru/article/stilevaya-samoregulyaciya-povedeniya-cheloveka> [in Russian].

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
INFORMATION ABOUT AUTHORS

- Abdrahmanova, A.A.** — Master of law, senior lecturer of the Department of history of Kazakhstan, Karaganda State Technical University, Kazakhstan.
- Adambek, B.K.** — Candidate of history sciences, professor of the Department of world history and international relations, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Alipbayev, A.** — Candidate of history sciences, associate professor of the Department of international relations, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.
- Balaubayeva, B.** — Candidate of history sciences, associate professor of the Department of international relations, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.
- Byuzheyeva, B.** — Candidate of history sciences, associate professor of the Department of international relations, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.
- Chung, M.C.** — PhD, Professor of the Department of educational psychology, Chinese University of Hong Kong, China.
- Dmitriyev, Ye.A.** — Junior researcher of the Saryarkinsky Archaeological Institute, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Dzhumabekov, D.A.** — Candidate of history sciences, associate professor of the Department of history of Kazakhstan and Assembly of people of Kazakhstan, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Galiev, A.** — Doctor of history sciences, professor of the Department of oriental studies, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan.
- Grigorkevich, A.** — PhD student of the Department of archeology, ethnology and history of Kazakhstan, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Ilyasov, Sh.** — PhD, associate professor of the Department of archeology, ethnology and history of Kazakhstan, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Jaukasharova, G.** — MA student of the Department of international relations, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.
- Karipbayev, B.I.** — Doctor of philosophical science, professor of the Department of philosophy and theory of culture, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Kassimova, S.S.** — Candidate of history sciences, associate professor of the Department of history of Kazakhstan, Karaganda State Technical University, Kazakhstan.
- Kukushkin, A.I.** — PhD student of the Department of archeology, ethnology and history of Kazakhstan, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Lazareva, Y.A.** — Master of social sciences, senior lecturer of the Department of psychology, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Medvedovskaya, V.F.** — Applicant of the Department of philosophy, F.M. Dostoevsky Omsk State University, Russia.
- Myrzakhmetova, A** — Candidate of history sciences, associate professor of the Department of archeology, ethnology and history of Kazakhstan, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.

-
- Razdykova, G.M.** — Candidate of history sciences, associate professor, S. Toraigyrov Pavlodar State Pedagogical University, Kazakhstan.
- Rezvushkina, T.A.** — PhD student, master of sociology, senior lecturer of the Department of political sciences, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Sabirova, R.Sh.** — Candidate of psychological sciences, professor of the Department of psychology, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Sagatova, A.S.** — Candidate of philosophy sciences, senior lecturer of the Department of history of Kazakhstan, Karaganda State Technical University, Kazakhstan.
- Saktaganova, Z.** — Doctor of history sciences, professor of the Department of archeology, ethnology and history of Kazakhstan, Head of Center for ethnocultural, historical and anthropological studies, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Salimov, F.N.** — Candidate of history sciences, PhD student of the Department of archeology, ethnology and history of Kazakhstan, Tajikistan National University, Tajikistan.
- Tishkin, A.A.** — Doctor of history sciences, professor of the Department of archeology, ethnography and museology, Altai State University, Barnaul, Russia.
- Tulegenova, A.** — Master, senior lecturer of the Department of archeology, ethnology and history of Kazakhstan, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Umurkulova, M.M.** — Master of social sciences, senior lecturer of the Department of psychology, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Uskembayev K.S.** — Candidate of history sciences, associate professor of the Department of archeology, ethnology and history of Kazakhstan, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Utebaeva A.D.** — Master of history, senior lecturer of the Department of history of Kazakhstan and Assembly of people of Kazakhstan, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Yeleuhanova S.V.** — Candidate of history sciences, associate professor of the Department of history of Kazakhstan and Assembly of people of Kazakhstan, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.